• МАКС •
МАКСИМОВ
ИНВЕРСИЯ
ЖИЗНИ
БОЛЕЕ 4 000 000
ПОДПИСЧИКОВ НА YOUTUBE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Никто не знает, как устроена вселенная. Как она появилась? Как погибнет? Существует много версий рождения и гибели мира. Но что, если все гораздо сложнее? Одиннадцатиклассник Александр Петров, сидя за партой на уроке, еще не подозревает, что с ним произойдет в ближайшие четырнадцать миллиардов лет… Новая книга Max Maximov – популярного YouTube-блогера «Инверсия жизни» поражает размахом. Противопоставляя одну точку на Земле далекой лаборатории в другой галактике, автор заставляет нас ощутить всю бездну отчаяния трех подростков, запертых в школьных стенах, и весь масштаб происходящих с планетой изменений. И задуматься, кто мы, простые люди, для бесконечного космоса. В 2022 году Макс Максимов стал лауреатом национальной премии для авторов молодежной литературы Young Adult – премии ЮФ как лучший автор молодежной фантастики за 2021 год. Общий тираж книг Максимова превысил 180 000 экземпляров.

- Макс Максимов
  - ○
- notes
  - ○ 1

Макс Максимов
Инверсия жизни

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Максимов М., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Учительница русского языка и литературы резким движением руки вонзила карандаш себе в горло. Невзирая на острую боль, женщина оставалась спокойна, сидя в пустом классе за столом в кромешной тьме. Кровь тоненькой струйкой побежала по ее шее и, дойдя до выреза платья, начала впитываться в ткань. Нина Алексеевна провела рукой по столу и нащупала гелевую ручку. Когда женщина крепко сжала ее в кулаке, чтобы нанести себе очередной удар, то услышала в коридоре шум: крик, плач и ругань на фоне звуков копошения, топота и возни, будто там кто-то дрался. Учительница попыталась сосредоточиться, но…

– Она бежит! – раздался женский крик из-за двери.

Нина Алексеевна недовольно вздохнула, и боль от раненого горла растеклась по всей шее.

Снова собравшись с силами, женщина приготовилась ударить, но в этот момент топот прямо возле ее кабинета сбил весь настрой.

Желая довести дело до конца, учительница зажмурила глаза и, стараясь не слышать посторонние шумы, собрала волю в кулак…

– Петров! – взволнованно кричала девушка из коридора. –

Сашка! Где ты?!

Нина Алексеевна положила ручку и встала. Вытянув руки перед собой, осторожно пошла в сторону двери сквозь непроглядно черную тьму класса. Женщина вышла в такой же темный, как и класс, коридор, чтобы прогнать мешающих ей хулиганов, но к этому моменту они переместились на лестничный пролет, и вскоре шум стих.

Учительница вытащила из горла карандаш и вонзила его снова, на этот раз сбоку, немного не попав в сонную артерию. Тяжело дыша, она постояла пару секунд и повторила действие.

После третьего укола в шею у Нины Алексеевны задрожали ноги, и спустя мгновение она рухнула, ударившись лицом об пол так, что левый глаз моментально начал заплывать, а из носа пошла кровь. Карандаш горе-самоубийца выронила. В надежде отыскать его во мраке она принялась шарить руками по полу. Когда женщина, оставляя за собой кровавый след, проползла пару метров, она все же нашла то, что искала. Проваливаясь в небытие из-за потери крови, Нина Алексеевна успела нанести себе еще один удар…

* * *

Одиннадцатиклассник Александр Петров сидел на последней парте и глядел в потолок. По-хулигански закусив губу, он на ощупь отдирал налепленные под столом жвачки. Этим делом он занимался целый день и скатал к последнему уроку из жвачек приличный такой по весу шарик размером с мячик для настольного тенниса, который собирался запустить в затылок Лёне. Лёня сидел через парту от Саши, поэтому попасть в него было бы не так сложно. Петров сжал в руке твердый как камень сгусток пережеванной засохшей черной субстанции, вычисляя траекторию полета этого снаряда в голову своего одноклассника. Бедолага Лёня, ничего не подозревая, слушал учителя, выпрямившись за партой и сложа руки перед собой. Большинство одноклассников Саши, будучи старшеклассниками, да еще и на пороге выпуска из школы, мечтали о поступлении в вуз, о карьере, кто-то даже о семье… а Сашка… Сашка катал жвачки в комок, чтобы как следует (не просто так, а как следует!) залепить этим комком в несчастный Лёнин затылок.

Облаков Юрий Эдуардович – их учитель физики – обратил внимание на Сашу, когда тот слегка замахнулся, чтобы совершить бросок. Саша резко опустил руку, услышав свою фамилию.

– Петров, – произнес учитель, пристально глядя Саше в

глаза, – чего там у тебя в руке? Ты что опять задумал?

Ученики одиннадцатого «Б» обернулись на Александра.

– Ничего, – ответил Саша и быстро убрал комок из жвачек в карман.

– А ну покажи руки. – Облаков прошел между рядами парт, добравшись до середины класса.

– Ничего я не задумал, – недовольно пробурчал Саша. Подняв руки, он раскрыл ладони и отвернулся в сторону.

– Петров, а вот мы с тебя тогда и начнем, раз уж ты захватил мое внимание. Расскажи нам, пожалуйста, что такое дисперсия света. – Юрий Эдуардович поправил очки.

Саша нехотя поднялся из-за стола и принялся отыскивать в своей памяти хоть какую-нибудь ассоциацию со словом «дисперсия». Этот термин он слышал впервые, но решил попытать удачу, ляпнув следующее:

– Триста тысяч километров в секунду, – сдвинув брови, произнес он и понял, что был далек от истины, когда Лёня захихикал, прикрывая рот рукой.

– Что «триста тысяч километров в секунду»? Я у тебя спрашиваю, что такое дисперсия света? Определение мне дай. Так уж и быть, можно своими словами. – Юрий Эдуардович сверлил взглядом Сашку.

Петров помолчал несколько секунд, а потом, пристально глядя в глаза учителю, с ненавистью в голосе произнес:

– Я не знаю, что такое дисперсия света.

– А чего ты вообще ходишь сюда? – спросил учитель.

«Давай, Саня, – говорил сам себе Петров, – расслабься и просто спокойно смотри на этого идиота».

Саша стоял молча и надеялся, что ему быстренько поставят двойку и отстанут. На оценки Петрову было плевать, лишь бы не приставали с вопросами и не выставляли его глупцом.

Класс продолжал хихикать, а Петров не понимал, чего тут смешного.

– Что молчишь? – Юрий Эдуардович подошел к доске. – Дисперсия света, Петров? Только что же обсуждали. Глаза хоть разуй.

«Я бы тебе разул глаза, – думал Петров, – так бы разул. Сначала левой, а потом правой, и до свидания, Юрец».

Смешки в классе не умолкали. Когда Саша встретился в очередной раз взглядом с Лёней, ухмылка с лица Лёни быстро сползла. В глазах Петрова Лёня прочитал неистовое желание расправиться с ним, Лёней, ботаником по кличке Дарвин. Прозвище это Лёне дали из-за его любви к биологии.

– Я тебе сегодня после школы оторву голову, жирдяй, – тихо

процедил сквозь зубы Саша. Лёня после этой фразы совсем скис и отвернулся.

Петров не отличался какими-то габаритами. Он был среднего роста и веса, внешностью заурядной, без особых примет, хотя они пригодились бы в будущем следственным органам, учитывая Сашкин склад характера, ведь когда-нибудь его наверняка будут искать за совершенное преступление. Единственное, чем Петров хоть самую малость отличался от сверстников, так это бледностью лица, контрастирующей с его черными, как вороново крыло, вечно лохматыми волосами.

В соседнем, левом от Петрова ряду сидела Настя – рыжеволосая девушка с веснушками, полными губами и зелеными глазами. Одевалась Настя всегда в джинсы и однотонные кофты. Платья не любила. Сашкина бывшая. Расстались они несколько недель назад из-за того, что Петров напился в очередной раз в маргинальной компании и переспал в подъезде со знакомой Насти. Как эта знакомая оказалась в обществе людей с низкой социальной ответственностью – загадка. Переспал Петров с ней самым неприличным образом, прямо на грязных ступеньках.

– На доску посмотри, – закатив глаза, тихо произнесла Настя, – написано же.

«Да чего же вам всем надо-то!» – В мыслях Саша кипел от злости. Он подошел к Юрию Эдуардовичу и дал учителю подзатыльник, отчего мужчина укатился к двери класса. Петров подбежал к Облакову, схватил его за шкирку и вышвырнул в окно, разбив стекла.

– На доску… – снова произнесла Настя, отвлекая Сашку от его фантазий.

Хихиканье в классе не прекращалось. Петров сфокусировал взгляд на надписи мелом на доске: «Дисперсия света – это разложение света в спектр при прохождении его через призму». После прочтения этого определения в уме Петров повторил его вслух.

– Садись, Петров. Не хочешь ты включать голову… никак не хочешь. – Юрий Эдуардович взял мел и принялся что-то писать на доске. Саша вынул из кармана спрессованные жвачки и со смакованием представил, как спустя несколько секунд гадкий Лёня будет корчиться от боли, держась за затылок. Пока учитель стоял, повернувшись к классу спиной, Петров полубоком развернулся в замахе и прицелился увесистым снарядом в Лёню. Краем глаза Саша увидел, что Настя смотрит на него. Петров повернулся к девушке и вопросительно кивнул ей, мол, что надо-то? Чего смотришь, овца? (Скорее всего, именно такие мысли были у Сашки в этот момент.) Настя повертела пальцем у виска,

глядя на Петрова как на идиота, кем он и являлся в ее восприятии. Петров снова прицелился в толстого Лёню. Достигнув максимальной концентрации сознания, очистив мысли и разум и, наверное, сердце (почти как самурай!), он со всей силы швырнул твердый комок жвачек в Лёню…

Говорят, что в критической ситуации время замедляется. Так и у Петрова оно замедлилось, когда он понял, что шарик пролетел над головой ненавистного ему одноклассника и устремился дальше. Минуя Васю и Петю, Кирилла и Катю, минуя отличниц Дашу и Марину, сидящих на первой парте, и… и не минуя лысой макушки Юрия Эдуардовича…

С глухим звуком каменный шарик из жвачек отлетел от головы учителя физики. Юрий Эдуардович схватился обеими руками за затылок и стоял, чуть ссутулившись, не поворачиваясь секунд двадцать. В классе повисла тишина. Петров вжался в стул. Тишина буквально облепила и сковала Петрова. Вскоре учитель сел на корточки, все так же держась за затылок. Сидел молча. Спиной. Вообще ничего не говорил. Хоть ойкнул бы! Но нет. Молчал. Петров подумал, что преподаватель умирает.

– Юрий Эдуардович, – робко произнесла Настя. Но учитель физики ничего ей не ответил. Он лишь поднял указательный палец вверх. Петров не понял, что этот жест сейчас означает. Возможно, палец указывал на бога, который все видит и накажет Петрова, а возможно, Облаков попросил Настю подождать и не приставать в такой неподходящий момент. За двадцать пять лет работы в школе Юрию Эдуардовичу ни разу ничего не прилетало в голову от учеников. Вопиющая наглость со стороны Петрова. Воистину Сашка потерпел фиаско в неравной борьбе за аттестат.

Преподаватель все же встал. Заправил рубашку в брюки (та вылезла, когда он садился). Развернувшись к классу, учитель тут же поймал злобным взглядом Петрова, который, сморщив лицо, смотрел чуть искоса на Юрия Эдуардовича.

* * *

Девять миллиардов световых лет от Земли

Квадратный, Круглый, Треугольный, Овальный и Ромб стояли возле мертвой Трапеции, лежащей в коридоре лаборатории. Трапеция была практически разорвана на две части. Обожженные внутренности существа распустившимся цветком небрежно торчали из торса. На белой пластиковой стене возле тела яркими пятнами была размазана синяя кровь Трапеции, будто художник-импрессионист оставил грубые мазки большой малярной кистью.

– Кто нашел труп? – спросил Овальный.

– Я шел из колебаторной и увидел Трапецию, она лежала тут. Я ничего не трогал, – сказал Треугольный.

Овальный склонился к телу, чтобы лучше рассмотреть рану. Синяя кровь Трапеции все еще сочилась, стекая на холодный металлический пол тускло освещенного коридора.

– Я проверял пульт, – начал рассуждать Овальный. – Треугольный настраивал колебатор. Где были Круглый, Ромб и Квадратный?

– Я находился в центре управления, – сказал Ромб.

– Мы с Круглым запускали реактор, – ответил Квадратный.

– Вы с Круглым были в одном помещении? – спросил Овальный.

– В разных, – произнес Квадратный.

– Убили из выжигателя, – сделал очевидный вывод Треугольный. – Она погибла недавно, возможно, несколько пульсаций назад. И мы все были в разных местах в это время.

– Нас тут теперь пятеро, – с подозрением начал Ромб, – вы же понимаете, что никто больше не мог сюда проникнуть?

– Ты на что намекаешь? – грубо выпалил Круглый.

– На то, что кто-то решил остановить эксперимент! И этот кто-то – один из нас! – Ромб приблизился к Круглому.

– Если били из выжигателя, то у кого-то сейчас должно быть меньше зарядов, – заключил Квадратный.

Овальный достал свой выжигатель.

– У меня заряд полный, – произнес он. Ромб тут же выхватил свое оружие и направил его на Овального.

– Быстро опусти! – крикнул Ромб.

– А ну все к стенке! – Треугольный прицелился в Ромба и отодвинулся в сторону, так, чтобы всех видеть.

– Тише, тише! – Квадратный сместился назад, в противоположном от Ромба направлении, и тоже вытащил оружие.

– А ну замри, – Ромб навел выжигатель на Квадратного.

В этот момент Круглый взял Ромба на прицел.

– Сейчас нам всем надо сложить выжигатели и подумать, как быть дальше, – сказал Круглый, глядя на Ромба.

– Я точно знаю, что я не убийца, а значит, для меня убийца – один из вас четверых! С чего я должен складывать оружие?! – Ромб целился то в Квадратного, то в Круглого.

– А с чего нам знать, что ты не убийца? – возмутился Треугольный.

– А мне плевать, что вы там знаете или не знаете, – произнес Ромб.

– Если мы сейчас перебьем друг друга, – начал Квадратный, – то все будет провалено, надо что-то делать, времени у нас не так много. Поле долго не продержится!

– Надо запускать колебатор, пока они не ворвались сюда! – воскликнул Овальный.

– Значит, так, – нервно начал говорить Ромб, – сейчас мы все медленно кладем выжигатели на пол, интерфейсом вверх, так, чтоб было видно количество заряда, ясно?

Напряжение зашкаливало. Оно чуть ли не физически повисло в хлоре. Пятеро существ одновременно сложили оружие на пол голограммами вверх. Встав в кольцо вокруг выжигателей, ученые увидели, что на всех голографических интерфейсах сфера заряда полная.

– Либо он мог зарядить, либо здесь есть еще один выжигатель, – сказал Квадратный.

– Он бы не успел зарядить, – уверенно произнес Круглый.

Квадратный посмотрел в конец коридора на силовое поле в виде желтого пятна, обволакивающего входные двери в лабораторию, – пятна, защищающего их от угрозы внешнего мира.

– Мы теряем время. Надо начинать эксперимент, – сказал Квадратный. – Теперь будем ходить по двое и по трое.

– А если убийца окажется со мной в паре? – недоверчиво произнес Ромб.

– Если он будет с тобой в паре, он не убьет тебя, потому что сразу выдаст себя, – сказал Квадратный.

– Коллеги! А Трапеция вообще успела ввести параметры движения электрона?! – воскликнул Круглый.

Ученые переглянулись, и мигом все пятеро рванули в центр управления колебатором. Миновав по коридору помещение для отдыха, столовую, пульт и уборную, они оказались в просторной комнате с мониторами, висящими на стене. Треугольный приблизился к экрану, за которым работала Трапеция. Открыв таблицу интерфейса электрона, все принялись изучать данные.

– Успела, – сказал Треугольный, – но теперь кто-то всегда должен оставаться здесь и следить, чтоб убийца не повредил компьютеры.

– Очевидно, он убил Трапецию первой, потому что она единственная знала параметры для частицы, но она успела ввести их, – заключил Квадратный. – Ромб, ты сказал, что был тут, когда убили Трапецию?

– Да, – произнес Ромб.

– А с чего нам тебе верить? – усомнился Круглый.

– Когда я наткнулся на мертвую Трапецию, я видел, как Ромб выходил из центра управления, он не врет, – сказал Треугольный.

– Хорошо, значит, Ромб не может быть убийцей, ведь иначе он бы уничтожил все компьютеры, – предположил Квадратный.

– Чтоб сорвать эксперимент, убийце было бы достаточно избавиться от Трапеции и разбить всю эту технику, – подтвердил Овальный идею Квадратного. – Я тоже считаю, что Ромб не убивал Трапецию.

– А что, если он специально не уничтожил компьютеры, чтоб не выдать себя? Может, он ищет более удобный способ? – скептически заключил Круглый.

– Мы и так погибнем, после того как поле рухнет, какой мне теперь смысл дорожить своей жизнью? – парировал Ромб.

– Когда они сюда ворвутся и узнают, что ты остановил эксперимент, тебя пощадят, – сказал Круглый.

– Предлагаю перейти к делу, – начал Квадратный. – Самое главное сейчас – не дать убийце разрушить компьютеры. Второе – Треугольному нужно идти в колебаторную и готовить аппарат. И кого-то надо поставить на контроль подачи энергии, иначе все может сгореть.

– А если убийца повредит колебатор? – сказал Овальный.

– Колебатор выжигателем не получится повредить, – произнес Ромб. – Чего ты там выжигать собрался им?

– Надо начинать, – сказал Треугольный.

– За компьютерами придется оставить следить Ромба, он уже был тут один и не разрушил их, потому вероятность того, что он убийца, ниже, чем у нас. Все согласны с этим? – спросил Квадратный.

– Я согласен, – произнес Овальный.

– Согласен, – сказал Треугольный.

– Я не могу не согласиться, – ответил Ромб.

– А я вот против, – возмутился Круглый. – Охранять центр управления должны двое. Мы же договорились, что ходим парами или тройками.

– Кто-то должен всегда быть здесь, кого-то надо отправить на контроль подачи энергии и там оставить до конца эксперимента, а кто-то идет на колебатор, и при этом мы решили, что никто не ходит поодиночке. У нас не получится так разделиться, – Овальный озадачил коллег.

– Может, тогда не стоит оставлять охрану здесь? Я предлагаю, чтоб двое пошли на контроль подачи энергии и остались там до конца. Трое идут настраивать колебатор, потом за пульт, – выдвинул идею Треугольный.

– А что, если среди тех двоих, кто будет контролировать подачу энергии, окажется убийца? – задумчиво произнес Круглый. – Он убьет своего напарника, спокойно доберется до

центра управления и разрушит компьютеры.

– Но тогда ему придется дать бой оставшимся троим, – сказал Ромб. – Убийца не пойдет на такой риск для себя.

– Пусть здесь останутся трое, – произнес Квадратный. – Это буду я, Ромб и Круглый. Овальный пойдет на контроль подачи энергии, а Треугольный займется подготовкой колебатора к запуску.

– А если Треугольный окажется убийцей и уничтожит Овального или наоборот? – спросил Круглый.

– Тогда, как мы и говорили ранее, убийца выдаст себя, – сказал Квадратный. – При этом компьютеры останутся целы и под защитой, ведь мы будем тут, да еще и расклад сил в нашу пользу – трое против одного. Мы будем контролировать вход сюда. Будем готовы стрелять.

Ученые единогласно одобрили идею Квадратного. Треугольный направился к колебатору частиц, а Овальный – к контролю подачи энергии, но перед этим, из эстетических соображений, присущих всему разумному во Вселенной, Овальный и Треугольный отнесли труп Трапеции в модуль отдыха.

Квадратный стоял напротив мониторов и рассматривал бесконечное количество показателей поведения частицы, которые передавались с колебатора. Круглый опустился на посадочную плоскость для отдыха. Не сводил светоприемники с Ромба. Ромб отошел к стене напротив входа. Все трое молчали.

«Имеем ли мы право вмешиваться в судьбу Вселенной? – размышлял Квадратный. – Что, если мир был задуман создателем именно таким, какой он есть? Но что, если нет никакого создателя? Если все это спонтанный всплеск? Все получилось из ничего и без причины. Если наша Вселенная – это следствие „ничего“ и это „ничего“ не имеет мотивов и воли, то в таком случае кому-то надо взять бразды правления в свои руки».

* * *

– Пошел вон отсюда, – прорычал на Петрова Юрий Эдуардович. Лицо его было красное. Прямо полыхало! Хорошо, что Петрову не пришло в голову рассуждать на тему: «А с чего вы взяли, что это я в вас кинул?»

Петров встал, сунул учебник с тетрадкой в рюкзак и молча вышел из класса.

Через полчаса Сашка стоял возле школьной калитки, прислонившись спиной к металлическому решетчатому забору.

Этим прекрасным осенним днем светило теплое солнце и небо было безоблачным. Петров курил, глядя на изредка проезжающие мимо машины. Курил и ждал Лёню. Ученики провинциальной школы постепенно выходили из калитки. Некоторые здоровались или прощались с хмурым Петровым, а Лёни все не было.

«Может, он через забор перелез? – подумал Саша, оглядываясь. – Хотя нет, как этот жирдяй перелезет».

Петров докурил и прошел через калитку, зайдя на школьный двор. Вдалеке Сашка увидел размахивающего пакетом со сменкой, бодро шаркающего ногами Лёню, который тоже заметил Сашку. На мгновение Дарвин остановился, а потом продолжил движение, но уже чуть медленнее, с неохотой. Первое, что бросалось в глаза в образе Лёни, – это не его редкие усики, не его живот, на котором рубашка натянулась так, что пуговицы грозили оторваться, не его низкий рост и даже не постоянно красные от купероза щеки. Первым делом люди обращали внимание на его развернутые наружу стопы. Лёнин шаг напоминал походку Чарли Чаплина, разве что трости да шляпы нет.

– Пошли поговорим, Дарвин, – Саша прихватил Леонида под руку и направился с ним в сторону от калитки.

– Я тебе ничего плохого не сказал, – произнес Лёня, нелепо перебирая ногами. – Да, я смеялся. Возможно, тебе это показалось унизительным, но ты сам виноват в этом. На доске с самого начала был написан ответ на вопрос, а ты его не видел.

Лёня не смотрел в глаза Петрову. Сашка схватил одноклассника за ухо, отчего тот заохал и покраснел еще больше, выронив пакет со сменкой.

– Деньги есть? – Саша оглянулся. На школьном дворе никого.

– Я на обеде все потратил. – Лёня схватил Петрова за руку и попытался сорвать ее со своего уха, но ничего не вышло.

– Карманы выворачивай, – произнес Петров.

– Если хочешь кого-то ограбить, грабь после первого урока. Можно еще на втором уроке, до большой перемены. Говорю же, я все проел в столовой. – Лёня вывернул карманы брюк. Там были только ключи и телефон. Дарвин – единственный ученик в классе, кто носил обычные черные брюки со стрелками.

– Ах ты скотина жирная! – Петров второй рукой дал подзатыльник Лёне.

– Согласен с тем, что у меня есть лишний вес, но вот скотиной я не являюсь по определению. – Лёня говорил с трудом, стиснув зубы из-за боли в ухе. – Ну а если ты меня сравниваешь с животным, исходя из моих моральных принципов, а не внешности, то в этом случае на скотину больше похож ты. Это не оскорбление, просто констатация.

«Еще и огрызается, – подумал Саша. – Ну, теперь я от него точно не отстану».

Петров снова дал Дарвину подзатыльник.

– Я тебя сейчас тут уничтожу! – Сашка разозлился еще больше.

– Я не могу тебе помочь. Это не ко мне вопрос. Ищи проблему внутри себя, – затараторил Лёня. – Если б я мог урегулировать конфликт силой, то я бы, наверное, сейчас ударил в ответ. Это бы успокоило тебя, ведь ты не ожидаешь отпор от меня. Беда в том, что я не умею бить.

– Телефон давай сюда. – Петров сжал со всей силы уже припухшее ухо Лёни.

– Если ты заберешь телефон, я пойду в полицию, – пыхтел Лёня. – На самом деле у тебя сейчас безнадежная ситуация. Ты ничего не сможешь со мной сделать. Хоть мне сейчас и больно, но я могу такое терпеть.

Саша отпустил Лёню.

– Безнадежная ситуация? Ты чего это такой храбрый? – Сашка резко дернул кулаком, имитируя удар, немного не доведя руку до лица Дарвина.

– На самом деле я не храбрый. Я сейчас очень боюсь. – Лёня сделал шаг назад и уперся спиной в забор. – Но я вижу всю абсурдность этой ситуации. Неужели ты не понимаешь бессмысленность своей агрессии? Ты же ничего не добьешься от меня.

Дарвина Петров ненавидел не просто так, как это может показаться на первый взгляд. Пару месяцев назад, когда Петров был еще с Настей, до него дошли слухи, что Дарвин признавался ей в симпатии. С того момента Сашка и начал периодически приставать к Лёне. То пинка отвесит, то бумажку на спину приклеит с оскорблением, а однажды, пока все были на физкультуре, Петров с другом зашли в раздевалку (физкультуру Сашка обычно прогуливал) и нахаркали Леньке в ботинки. Целое болото в ботинках Лёни устроили! Видели бы вы лицо Дарвина, когда он сунул ногу в обувь и тут же промок. В общем, мерзко было Лёне. Петров тогда чуть не лопнул от смеха. А сейчас Петров очень злился. Но и растерян он тоже был, ведь никто из тех, кого Петров ранее пытался «обуть» на деньги или телефон, не угрожал ему полицией. А тут такая наглость!

– Ты Настьке говорил, чтоб она не общалась со мной?! – припомнил Петров, перескочив на другую тему.

– Да, говорил, но это было давно, и она, к счастью, с тобой больше не проводит время. Тебя после школы, скорее всего, ждет тюрьма, а у нее должна быть светлая жизнь. Я рад, что вы

расстались, – выпалил Лёня и потер больное ухо.

Петров никогда не занимался боевыми искусствами и на самом деле, так же как Дарвин, драться не умел. Но дрался Сашка часто. Кое-как дрался. Махал руками – бил недругов, недруги били его, в общем, после боя все оставались с синяками и расползались в разные стороны. Сильная сторона Петрова была в том, что он не испытывал страха перед схваткой и мог броситься даже на нескольких противников.

Сашка «по-колхозному» кинул кулак и попал Дарвину в скулу. Лёня, всхлипнув и пошатнувшись, схватился за лицо.

– Ты что творишь! Отмороженный! – крик Насти заставил Петрова обернуться.

Девушка уверенной походкой двигалась в сторону своих одноклассников. Губы ее были надуты от злости.

– Ты чего руки распускаешь, а? – Настя подошла вплотную к Петрову и смотрела на него снизу вверх.

– Гном, иди отсюда, – с ухмылкой произнес Саша.

– Гном?! – звонко воскликнула девушка.

Настя была невысокого роста, чуть меньше метра шестидесяти, и с большой грудью. С натяжкой девушку можно было назвать полноватой. Петров, когда они еще встречались, ласково звал Настю гномиком. Все в классе считали девушку красивой.

– Я тебе сейчас дам «гном»! – Настя начала бить Петрова ладошками, целясь в лицо, но Сашка чуть отпрянул и прикрылся руками. Настя возненавидела Петрова после того, как узнала про случай в подъезде с ее знакомой, и сразу же рассталась с ним. Сейчас она одна, ни с кем не встречается. Наверное, если бы не их прошлые отношения и его измена, то Настя прошла бы мимо и не стала бы вмешиваться в конфликт. Девушка до сих пор чувствовала сильную обиду на Сашку. Он был ее первым парнем, можно даже сказать, первым ее мужчиной – и первым разочарованием в отношениях. В ее шестнадцать лет ей казалось, что мужики на планете Земля в душе все такие, как Петров.

– Да чего ты лезешь-то, гномиха? – Сашка не мог сдержать смех. Он оттолкнул девушку от себя. Лёня, до этого тихонько стоявший, держась за ушибленную скулу, вдруг воспрял духом.

– Кто тебе позволил толкать ее? – храбро произнес Дарвин. Лёня выпятил вперед грудь и распрямился, возможно, впервые в жизни. Так-то он всегда сутулился.

– Ого, да вас уже двое? – Петров улыбался. – Двое против одного, это нечестно.

– Извинись перед ней! – Лёня подошел к Сашке и встал перед ним. Уперся своим лбом в его лоб, приподнявшись на мысках.

Петров еле сдерживал смех, а Лёня сгорал от гнева. Таким страшным Лёню еще никто не видел.

Вообще, глупо перед дракой стоять возле противника, упираясь в него головой, ведь враг может с легкостью ударить коленом в пах. Но Лёня о том не думал. Сейчас был его звездный час – момент, когда Дарвин мог произвести впечатление на Настю.

– Ты жалкий неуч! Лоботряс и бездельник! – Лёня с трудом вспомнил оскорбления, которые можно было бы применить. – Чего тебе все смешно?! Ты… ты лентяй и двоечник!

От таких «грязных» ругательств Петров начал смеяться чуть ли не до колик. Настя не смеялась. Она была удивлена, ведь Дарвина все считали трусом, а тут он выдает такое спартанское мужество. Секунд через десять Сашка немного пришел в себя и схватил Лёню за горло. Тот захрипел, и храбрость с его лица быстренько испарилась.

– Может, тебе кадык вырвать, а? – Петров резко переменился. От былого веселья ничего не осталось.

Настя не растерялась и решила помочь Лёне, который, кстати, ее очень сильно бесил, но сейчас это было неважно! Ведь тут появился такой яркий повод надавать как следует Петрову… Девушка подобрала с асфальта пакет с туфлями Лёни и попыталась со всего размаху ударить им по голове Сашку.

Иногда в жизни все случается не так, как ты запланировал. Хотя, возможно, ты очень ответственно подходил к делу. Промахи и неудачи – это обычное явление.

Неудачи…

И промахи…

Звон в ушах Дарвина не стихал. Из разбитого его же собственной сменкой носа сочилась кровь. Лёня сидел на асфальте и пытался собрать в кучу размножившееся изображение ругающихся перед ним Петрова и Насти. Дрожащей рукой он, как ему подумалось, вытер кровь, но, по сути, просто размазал ее по щеке. Задница его промокла, потому как присел он как раз в небольшую лужицу. Но из-за притока адреналина мокрую попу Дарвин не чувствовал, как и боль в разбитом носу.

Настя дала Петрову пощечину.

– Давай начистоту, – сказал Сашка. – Ты же подошла сюда не Дарвина защищать. Чего тебе от меня надо?

– От тебя? Ничего мне от тебя не надо!

– Ну так иди домой или куда там ты шла! – Петров перешел на крик.

– Вот и пойду! – Девушка повернулась к Лёне и протянула ему руку: – Пошли, Дарвин.

Настя кое-как подняла неуклюжего Лёню. Тот пока еще находился в прострации, но, видать, уже что-то соображал, потому как смог произнести:

– Спасибо, Настена.

– Дарвина я никуда не отпускал. – Петров сделал шаг в сторону все еще держащихся за руки одноклассников.

– Тебя никто не спрашивал, – огрызнулась девушка. – Пойдем, Лёня.

Петров схватил Дарвина за шиворот.

– Да угомонись ты уже! – Настя выпучила глаза на Сашку.

Юрий Эдуардович сумел незаметно подойти к дерущимся. Школьники обратили на него внимание, только когда он заговорил:

– Завтра, Петров, я буду говорить с директором по поводу твоего отчисления из школы. – Юрий Эдуардович поправил очки.

– Это еще за что? За то, что я случайно попал в вас жвачкой?! Я не хотел! – возмущенно произнес Петров и отпустил Лёню.

Все трое смотрели на учителя.

– Нет, Петров. За то, что с тобой постоянно возникают какие-то проблемы. То ты дрожжи в унитаз кинешь, то петарду в карман уборщицы засунешь, то в туалете накуришь… Пьешь! Дерешься! Отнимаешь у младших классов деньги! Ты неадекватный! Есть спецшколы для таких, как ты, – для трудных подростков. На педсовете на тебя жаловались все учителя, кроме физрука. И то физрук не жаловался только потому, что ты постоянно прогуливаешь его уроки.

– Никогда я не отнимал у младших деньги! Только у ровесников! – возмутился Петров. – Это моя принципиальная позиция! А уборщица эта тупая меня веником ударила за то, что я бычок бросил в туалете!

– В туалете вообще курить нельзя, Петров! Это школа! – ругался учитель. – Ты вообще, что ли, не… не… я даже не знаю, как с тобой разговаривать.

Облаков рассмотрел окровавленное лицо Лёни.

– И снова драку устроил на территории школы, – добавил учитель.

– Вообще-то это не я его ударил, – оправдывался Петров.

– Конечно, не ты. Еще скажи, что он сам себе нос разбил. Или, может, это Настя его так? – усмехнулся Юрий Эдуардович.

– Ну, вообще-то, да! Это Настя! Она его пакетом! Скажи же, Дарвин, – произнес Петров.

– Юрий Эдуардович, он все врет! Этот сумасшедший напал на нас! Он поджидал Лёню тут. – Настя подошла к Облакову и встала с ним плечом к плечу напротив Сашки и Лёни.

– Я и не сомневаюсь, Настенька, – сказал Облаков.

– Врать нехорошо. – Лёня еще раз провел рукавом по лицу. – Нос мне на самом деле разбила Настя, но она сделала это, пытаясь спасти меня от Петрова.

– Ха! Что? Съела? Гномиха! Очернить меня вздумала?! – захихикал Петров. – Молодец, Дарвин!

– Дурак ты, Леонид, – спокойно произнесла Настя.

Юрий Эдуардович сделал глубокий вдох и покачал головой:

– Вроде одиннадцатый класс, а ведете вы себя… – Облакову на мгновение стало как-то грустно. – Деретесь, как… как дети малые.

– А вы будто никогда не дрались, – дерзко произнес Петров.

Внезапно в своем сознании Облаков переместился в далекое прошлое. В семнадцать лет ему пришлось поучаствовать в единственной в жизни драке, когда на первом курсе после пар он с друзьями оказался в компании студентов из другого вуза. В тот день все были выпившие, и случилась заварушка из-за недопонимания. Семнадцатилетний Юрий Эдуардович в момент самой драки поскользнулся и упал, так и не успев никого ударить. А один из друзей Облакова случайно дал ему в лицо ботинком – видать, перепутал в пылу поединка. В общем, пока молодой Юра вставал, бой уже отгремел и противоположная сторона ушла с победой. Облаков ковылял тогда домой с разбитой губой, а лицо его было все в грязи.

– Дрался, дрался, – гордо произнес Облаков, – бывало… но только в целях самообороны и защиты близких.

На самом деле тем случаем Облаков совсем не гордился. Да и близких у него никаких нет. Пару лет назад жена ушла от него со словами: «Ты, Облаков, бедный и инфантильный».

– Но Петров тоже меня ударил, – сказал Лёня, отойдя на пару шагов от Саши. – А еще он собирался отнять у меня телефон. Это уже уголовно наказуемо.

– Готовься, Петров, к переходу в другую школу. Завтра я поставлю вопрос о твоем отчислении. Хотя зачем медлить, я прямо сейчас позвоню директору. – Юрий Эдуардович достал телефон.

– Знаешь-ка что, Юрец, – обратился к преподавателю Сашка, – да и плевать я хотел на тебя и твою школу. Выгоняй!

– Как ты меня назвал?! Какой я тебе еще Юрец?! – От такой наглости со стороны Петрова у Облакова очки уехали на лоб.

– Да тебя все так называют за глаза, Юрец, – нервно усмехнулся Саша. – А что, ты не Юрец, что ли?

Учитель подошел к Петрову на расстояние шага.

– Я для тебя Юрий Эдуардович, ясно?! – злобно выпалил

Облаков так, что забрызгал Петрова слюной.

– А какая мне разница? Если меня все равно отчисляют! – Петров махнул рукой на преподавателя, а потом вытер лоб.

– Был бы у тебя отец нормальный, – ехидно начала Настя, – он бы тебя воспитал как надо, а так получилось… не пойми что. Некому тебе было ремня дать как следует!

– Ты рот свой закрой! – Петров направился в сторону Насти, но Облаков задержал Сашку.

– Против генов не попрешь, – ухмыльнулась Настя.

– Ты отца моего не трожь, шалава!

– А то что?! Если б он не пил как проклятый, то следил бы за тобой! – девушка продолжала провокацию.

– Сука! – Петров был в ярости.

– Импотент! – Настя – тоже.

– Импотент?! Я импотент?! Ты чего несешь?! Сама меня отшивала вечно! Хотя нет, был один раз за год, когда ты что-то предложила. В лифте тогда, помнишь? Катька вон в лифте как-то… и мне хоте-елось бы… – кривлялся Петров, передразнивая Настю. – Помнишь, что было в лифте?! Давай ты сзади, Сашенька…

– Быстро перестаньте! – Облакова было еле слышно.

– Ах ты тварь! – У Насти аж затряслись руки. – Трепло дешевое! Я вот про тебя ничего не рассказывала!

– А тебе и нечего сказать, дура!

– Да? Нечего?! А как я тебя будила на даче у Буравлева, когда ты перепил и обоссался? Все трезвые были, один ты нажрался там!

– Не было такого!

– Было!

– Иди подмышки побрей, уродка!

– Ой, один раз летом щетину заметил, теперь ходишь всем болтаешь! Обоссанец! Трепло!

– Так! – крикнул Юрий Эдуардович. – А ну замолчали! Что вы тут устроили?!

– Отпусти меня! – Сашка пытался отпихнуть от себя Облакова.

Никто не понял, какие синапсы замкнулись у Лёни в мозгу, когда он произнес:

– Волосы под мышками – это обычное дело.

– Уйди отсюда! – Настя оттолкнула Дарвина. – Нет у меня там никаких волос!

– Да что же вы за люди-то такие! – Юрий Эдуардович из последних сил держал брыкающегося Петрова.

Неожиданно в квартире одного из домов напротив школы

раздался взрыв. Грохот остудил пыл беснующихся Петрова и Насти. Все четыре участника уличной разборки замерли, глядя через решетку забора на дым, валящий из квартиры третьего этажа. Несколькими этажами выше распахнулось окно, и оттуда высунулась женщина. Она посмотрела вниз, а спустя секунду перевесилась через подоконник и осталась в таком положении, балансируя между жизнью и смертью. В этот момент случилось несколько автомобильных аварий лоб в лоб напротив Петрова и компании. Кто-то выпрыгнул с балкона последнего этажа пятиэтажки, но увидеть завершение падения человека никто не успел – на улице резко потемнело.

Только пятно солнечного диска бледнело на черном небосводе, напоминая свет в конце тоннеля.

– Все живы?! – нервно произнес Облаков.

– Да, – ответил Лёня, пытаясь нащупать хоть кого-то во тьме. Он нащупал живот Юрия Эдуардовича. Учитель схватил Лёню за кисть.

– Настя, Саша, вы тут?

– Да, – произнесла девушка, разводя руками во тьме. Через мгновение Дарвин всхлипнул.

– Это я, – сказала Настя и взяла Лёню под руку.

Где-то прогремело еще несколько взрывов, похожих на утечку газа. Периодически с разных сторон доносились крики людей.

– Мы ослепли? – спросил Петров.

– Не похоже, – ответил Облаков, – вон солнце.

Все уставились на желтый круг в небе, который ничего не освещал. В некоторых домах горели квадраты света, сочившегося сквозь окна.

– Главное, не паникуйте, – произнес учитель.

– Никто и не паникует, – сказал Петров.

– Я паникую, – еле слышно простонал Дарвин, – только я тихо паникую.

– Не паниковать? Там кто-то из окна выбросился. Что вообще происходит? – дрожащим голосом произнесла Настя.

По телу Петрова пробежал озноб. Парню показалось, что на улице опускается температура.

– Сейчас я попробую посветить, – сказал Облаков.

Юрий Эдуардович достал из внутреннего кармана пиджака телефон и включил фонарик.

– Свет есть, но он почему-то не рассеивается, – произнес учитель.

Луч фонаря метался по асфальту, потом переместился на Настю. Девушка зажмурила глаза и прикрыла луч рукой.

– Что значит «не рассеивается»? – спросил Петров.

– Значит, что он освещает только то место, куда попадает, – ответил Облаков. – Видите четкую границу света и тьмы?

Все уставились на овал света от фонаря на асфальте. За пределами овала ничего не было видно.

– Когда ночью я включаю фонарик, то вокруг того места, куда я направляю луч, освещение остается скудным, – сказал Петров.

– Все верно. Но свет в нашей атмосфере не может иметь четкий контур, – продолжил учитель, – он должен слегка освещать еще и соседние области, а тут мы видим только то место, куда непосредственно попадает луч фонаря. Такого не может быть.

Облаков снова посветил на Настю. Девушка уставилась в телефон, набирая номер.

– Не работает, – сказала она и заплакала. – Мне надо связаться с мамой, она на работе в другом городе, на вахте. А вдруг они там все погибли?!

– Почему они должны погибнуть? – спросил учитель.

– Не знаю, – Настя шмыгнула носом. – Взрывы какие-то, люди в окна выпрыгивают. Тьма вокруг!

– Настя, я уверен, с твоей мамой сейчас все в порядке, – пытался успокоить девушку Облаков.

– Мой телефон тоже не работает, – сказал Лёня.

– Становится как-то совсем прохладно. – Петров поднес руку к своему лицу. Напрягая взгляд, он попытался увидеть силуэт пальцев, но ничего не вышло.

Прогремело еще несколько взрывов, но они не озарили улицу, хотя были рядом, буквально за забором через дорогу. Настя вскрикнула.

– Давайте вернемся в школу, – предложил Облаков. – Боюсь, что тут небезопасно. Без суеты, спокойно идем за мной. Все поняли?!

Ученики поочередно согласились с Облаковым. Юрий Эдуардович держал Лёню за руку и шел впереди, освещая путь фонариком телефона. Лёня сцепился пальцами с Настей, а Петров плелся сзади, аккуратно ухватившись за воротник кофты девушки.

– Не тяни ты так, задушишь! – возмутилась Настя.

– Дай руку тогда, – уныло произнес Петров.

– Не дам!

– Правильно, нечего ему руку давать, – вставил свое мнение Дарвин.

– Ты вообще рот свой закрой, – выпалил Сашка.

Издалека донесся чей-то крик – показалось, что какая-то девушка зовет на помощь.

– Идем в школу! – настойчиво сказал Облаков. – Никуда не сворачиваем!

Вереницей они медленно двигались по школьному двору, освещая путь перед собой.

– Ничего не понимаю. – Облаков светил фонарем вокруг себя, но в лучах виднелся только асфальт. – Мы уже должны были дойти.

Петров огляделся: бессмысленный свет в окнах домов все так же горел, не озаряя ничего вокруг. Из тьмы вдали снова раздался звук автомобильной аварии, и заработала сигнализация.

– За мной, – сказал учитель.

Сделав несколько шагов, Облаков закричал, а следом и Настя. Петров видел только светящийся телефон Юрия Эдуардовича, которым учитель махал из стороны в сторону, периодически освещая то асфальт, то школьников. Телефон взмыл вверх метра на два.

– Дети, стойте! Вперед нельзя! – кричал учитель откуда-то сверху.

– Я вас держу, Юрий Эдуардович! – завопил Лёня.

– Тяни! Тяни меня назад! – крикнула Настя Петрову. Сашка тут же обхватил девушку за талию и почувствовал, как какая-то сила пытается вырвать Настю из его объятий.

– Назад! Назад! – кричал Лёня. – Не отпускайте нас!

В хаотично бегающем луче света телефона Петров понял, что Облакова что-то пытается унести в небо, и если бы не Лёня, то учитель улетел бы прочь от земли.

– Держитесь! – продолжал кричать Лёня.

– Держусь! – ответил Облаков.

– Давай! Назад, назад! – Настя пятилась, обхватив Лёню, который двумя руками держал Облакова. Сашка сделал рывок и завалился на спину, утянув Настю и всех остальных за собой. Девушка упала на Петрова.

– Оставайтесь на местах, – с одышкой простонал Облаков, оказавшись на земле, – не двигайтесь! Не отпускайте друг друга!

Петров ничего не видел. Чувствовал запах Настиных волос. Девушка глубоко дышала, придавливая Сашу.

– Руку убери с груди, – злобно процедила она. Петров переместил ладонь ей на живот.

– Я случайно, – прошептал парень.

– Поднимайтесь, но не сходите со своих мест и держитесь за руки, – приказал Облаков. Сам учитель уже никого не держал за руку.

Ученики встали.

– Что это было? – спросила Настя.

– Мы шли, – начал тараторить Лёня заплетающимся языком, – а потом Юрий Эдуардович полетел вверх! Я подумал, что его кто-то схватил!

– Никто меня не хватал. – Облаков посветил на асфальт в то место, откуда он начал «падать» вверх. Учитель вытащил из кармана монетку и протянул руку вперед. Он отпустил монету, и все увидели, как та с ускорением свободного падения улетела в небо. Облаков почувствовал, как его рука потеряла вес, и теперь, чтоб держать ее в горизонтальном положении, ему приходилось прилагать усилие, дабы конечность не поднялась. Тогда Облаков попробовал расслабить мышцы, но рука, вместо того чтобы под собственным весом опуститься, вытянулась над головой. Учитель сделал шаг назад.

– Тут гравитационная сила направлена от земли, – заключил физик.

– Это как понять? В смысле, от земли?! – спросил Петров.

– Лёня, ты где там? – Облаков, не обращая внимания на вопрос Петрова, посветил на учеников. – Держись за меня. Настя за Лёню, Петров за Настю.

– Мы и так держимся, – произнесла девушка.

– Надо попробовать обойти это место. – Облаков сделал шаг в сторону и протянул руку с телефоном.

– Земля отталкивает все от себя? – спросила Настя.

– Да, – ответил учитель и отошел еще немного в сторону, так же держа вытянутую руку перед собой, – тут снова тянет вверх.

– Это невозможно, – произнес Дарвин.

Цепочкой, держась за руки, они шаг за шагом смещались в сторону от первоначальной траектории движения. Пройдя метров пять, Облаков понял, что его рука перестала улетать вверх, когда он ее вытягивал в зону аномальной гравитации.

– Кажется, тут можно пройти, – произнес учитель и робко шагнул вперед.

Медленно двигаясь во тьме, делая паузы после каждого шага, они добрались до ступеней крыльца здания школы. Поднявшись, Облаков схватился за дверную ручку и потянул железную входную дверь на себя.

* * *

Учитель шарил рукой по стене, пытаясь найти выключатель света в школьном коридоре. Петров, Лёня и Настя стояли возле стола охранника у входной двери. Когда свет вспыхнул, то все вокруг приняло обычный вид, за исключением места под лавкой, куда с удивлением уставился Петров. Под лавкой, казалось, заканчивалось пространство. Сашка сунул туда ногу и увидел, как по мере прохождения через границу света и тени она исчезает. С испугом он отпрянул. С ногой оказалось все в порядке, это была лишь оптическая иллюзия.

– Да… свет не рассеивается, – сказал Облаков и тоже ради эксперимента просунул ногу в тень, но только уже под столом охранника. – Те места, куда не попадают прямые лучи света, не видны нам. И все, что находится в этих теневых местах, тоже скрыто от нашего взора.

Настя села на лавочку, под которую только что Петров засовывал ногу, и заплакала.

– Ты чего? – спросил Лёня и присел рядом. Она закрыла лицо руками и разревелась еще сильнее. Лёнька попытался ее обнять, но девушка скинула с себя его руку. Юрий Эдуардович стоял напротив учеников и с задумчивым видом смотрел куда-то в сторону. В школьном коридоре застыла тишина, и только редкие всхлипы Насти нарушали ее. Все молчали, ожидая объяснения происходящего, но учитель тоже молчал. Через минуту Петров задал вопрос, который, несомненно, мучил всех присутствующих тут (а возможно, не только тут, но и во всем мире):

– Что с нами случилось? – Саша смотрел в смуглое морщинистое лицо Облакова.

– Атака инопланетян? – предположил Лёня.

– Или конец света? – высказал гипотезу Петров.

– А может, военные разработки испытывают? – продолжил перебирать версии Лёня.

Облаков ничего не отвечал.

– А где охранник? – спросила Настя, немного успокоившись, но вопрос также остался без ответа.

– Юрий Эдуардович! Вы нам объясните что-нибудь? – настойчиво обратился Лёня к учителю.

Облаков что-то нажал в телефоне, глядя в экран все с таким же озадаченным лицом.

– Я могу констатировать только одно, – не отрываясь от дисплея, сказал преподаватель, – изменились законы нашего

мира. ЭМИ теперь ведет себя иначе. Гравитация тоже показала обратную направленность.

– Что такое ЭМИ? – спросил Петров.

– Электромагнитное излучение. – Юрий Эдуардович с неохотой отвечал Петрову, но понимал, что это все надо проговорить вслух хотя бы для самого себя. – Свет – это такое же электромагнитное излучение, как интернет и сотовая связь. Если изменились параметры света, то преобразовались и свойства всего остального электромагнитного излучения. Поэтому все, что работало по принципу электромагнитного излучения, сейчас не будет действовать. Я не знаю, что случилось с гравитацией, но на школьном дворе мы попали в область, где нарушились ее законы: вместо притяжения мы почувствовали отталкивание.

Петров, внимательно слушая учителя, прошел по школьному коридору до лестницы на второй этаж, расположенной напротив входа в школу. Прошел от лавочки он буквально метров десять. Ступеньки поглощались тьмой, не доходя до лестничного пролета. На лестницу Сашка заходить не решился – страшно. От лестницы коридор тянулся вправо и был полностью освещен с потолка. В конце коридора – еще одна такая же лестница вверх.

– Если лампочки в светильниках дают нам свет, то почему солнце ничего не освещает? – спросила Настя.

– Не знаю, – ответил Облаков.

– Видимый глазу свет от фонарика и от солнца ничем не отличается, – констатировал Лёня.

– Не отличается, – подтвердил учитель и убрал телефон в карман.

– Тогда почему солнце выглядит как желтое пятно, а небо все черное? – продолжил Дарвин.

– Не знаю, – произнес Облаков.

– А почему люди выпрыгивали из окон? – спросил Лёня и незаметно пододвинулся ближе к Насте.

– Да хватит ко мне жаться! – Девушка встала и отошла от лавки.

– Я понятия не имею, – озадаченно нахмурив брови, учитель потирал руками виски.

– А что нам делать дальше? Сидеть тут? – снова спросила Настя.

Петров, стоя возле лестницы, увидел в конце коридора человека, медленно и неуклюже приближавшегося к нему. Сашка сразу узнал его, это была школьная медсестра Тамара Ивановна. Полная женщина лет пятидесяти пяти тучно переваливалась с ноги на ногу.

– Тут медсестра. – Петров даже немного испугался. Парень

попятился к лавочке, у которой находились остальные. Юрий Эдуардович не мешкая подошел к Петрову, а следом и Лёня. Настя в этот момент была у двери на улицу.

– Тамара Ивановна, – осторожно произнес Облаков.

– Да вот, что-то задержалась на работе, – с трудом ответила женщина, не сбавляя медлительного шаркающего шага. Доковыляв до Облакова и учеников, она свернула к выходу из школы и, добравшись до лавки, свалилась на нее. Женщина сутулилась, глядя в пол. Ее огромная грудь лежала на круглом животе, а руки безвольно свисали. На бледных щеках медсестры виднелись грязные ссадины, будто она валялась на асфальте. Белый врачебный халат тоже был испачкан. Облаков и ребята обступили женщину, которая, как им показалось, выглядела и вела себя очень странно.

– Что с вами случилось? – спросил Лёня.

– Болею я, – сказала она, не поднимая взгляда, – и это очень хорошо.

– Чего же тут хорошего? – удивился Облаков.

– Если болею, значит, я еще жива, – ответила медсестра.

Петров на мгновение отвернулся от Тамары Ивановны и глянул в окно, в котором отражался он сам. Саше показалось, что мир перестал существовать за пределами школы. Сейчас есть только освещенный желтыми лампами коридор первого этажа со старым деревянным паркетом и бледно-розовыми стенами, а больше ничего и нет. И еще есть эта зловещая медсестра.

«Почему она так странно разговаривает и ведет себя, словно робот?» – размышлял Петров.

– Юрий Эдуардович, – медсестра резко повернула голову в сторону Облакова, – есть ли у вас какие недуги?

Женщина замерла, глядя на учителя. Облаков поморщился от такого странного вопроса. По спине Сашки пробежал холодок. Парень огляделся. Ему показалось, что кто-то еще может неожиданно подойти из коридора, незаметно подкрасться сзади или с лестницы спуститься, той самой, возле которой он только что стоял. Теперь ученики и Облаков отчетливо понимали, что с Тамарой Ивановной что-то не так, ведь медсестра после вопроса о здравии учителя уже с полминуты молча смотрела на Юрия Эдуардовича. Облаков несколько раз отводил взгляд от этой неестественной женщины, но, возвращая свой взор к ней, видел безжизненные глаза, не выражающие ничего.

– Да вы знаете, Тамара Ивановна, – начал учитель, – если не считать гастрита и остеохондроза, то все нормально.

– Болеете, значит… – заключила женщина. – Я очень за вас рада.

Медсестра резко кинула взгляд на Настю. Девушка испуганно шагнула назад.

– Настенька, а ты как себя чувствуешь? – без интонации произнесла Тамара Ивановна.

Петров заметил, что грудь медсестры не вздымается из-за дыхания. Он всматривался в ее контур, пытаясь понять, дышит ли она. Петров решил, что дыхания нет, и страх объял парня еще сильнее. Он вздрогнул, когда Облаков незаметно пихнул его локтем в бок. Медсестра не обратила на это никакого внимания. Женщина ждала ответа от Насти, сверля ее стеклянным взглядом.

– С ней что-то не так, – шепнул Облаков Петрову. Парень еле заметно кивнул.

– Да… как бы… – замялась Настя, – все… хорошо, ничего не болит.

– А ты? Забыла твое имя… – спросила Тамара Ивановна у Лёни, резко повернувшись в его сторону.

– Я? Я… нормально я, – залепетал Дарвин. – А что вообще происходит? Зачем вы это спрашиваете?

– Хочу узнать, кому из вас дальше будет хорошо жить, – ответила женщина.

– Сашка, а ты-то как? – спросила она.

Петров заметил, что Тамара Ивановна делает вдох лишь перед тем, как что-то сказать. Парень шагнул в сторону лестницы. Медсестра повернула голову, наблюдая за ним. Саша сделал еще пару шагов. Женщина не теряла Сашку из виду, следя за ним взглядом. Петров, оказавшись возле угла стены между холлом у входа в школу и коридором, ведущим в глубь здания, к дальней лестнице, встретился взглядом с Облаковым. Тот жестом дал понять: мол, зайди, Саша, за угол, скройся из ее поля зрения. Что из этого выйдет?

Когда Петров, попятившись, сделал, как сказал учитель, визирная линия между ним и медсестрой исчезла. Парень не видел женщину, Облакова и одноклассников.

– Вы куда? – услышал Саша вопрос учителя. Медсестра появилась в коридоре и направлялась к Петрову, не сводя с него взгляда.

– Болит ли у тебя что-нибудь? – произнесла она, а потом улыбнулась. Сашка подумал, что лучше ничего не рассказывать этой странной женщине, так она быстрее отстанет. Вопреки его ожиданиям, после того как он отрицательно помахал головой и ляпнул что-то про свое крепкое здоровье, женщина ускорила шаг. За спиной медсестры показались Облаков и ученики.

– Тамара Ивановна? – обратился к ней учитель.

Петров обернулся, чтобы прикинуть, куда бежать в случае

непредвиденной ситуации. От былой валкости и неуклюжести женщины не осталось и следа. Когда они пересекли половину коридора, она сунула руку в карман халата и достала небольшой нож для чистки овощей.

– Воу! Тише, тише! – Петров в испуге выставил руки перед собой, еще раз оглянулся, не переставая пятиться.

– Положите оружие, вы что творите?! – крикнул ей Облаков, идущий за ней на расстоянии в пару метров. Медсестра рванула на Сашку, но тот ловко развернулся и бросился бежать по коридору. Сзади кричали Облаков и ученики. Добежав до лестницы, Петров на полном ходу нырнул во тьму. Поднимаясь, он слышал, как сзади топает Тамара Ивановна. Сердце Сашки бешено колотилось от страха. Он перебирал руками по перилам, таким образом понимая, где заканчивается один лестничный пролет и начинается другой. На третьем этаже парень свернул с лестницы и выбежал в коридор, на ощупь ориентируясь по стенам. Шаги медсестры приближались. Лучи фонарей телефонов Облакова и одноклассников разрезали тьму. Петров встал, прижавшись к стене, напротив выхода с лестничного пролета. На мгновение в свете мелькнуло тело Тамары Ивановны. Петров сообразил, что она зашла в коридор, где стоял и он сам. Женщина замерла в трех метрах от Сашки.

– Петров! – кричал учитель. – Сашка!

Спустя мгновение Петров мельком увидел Юрия Эдуардовича, держащего в руке телефон со включенным фонарем. Луч попал на Сашу, и это выдало парня. Сашка от испуга выставил руки перед собой. Женщина сделала выпад вперед, атакуя его ножом. Петров вскрикнул от резкой боли и вслепую бросился в сторону, уже не ощупывая стену, а напрямик пересекая все здание школы. Добежав, как ему казалось, почти до конца коридора, он перешел на шаг и принялся перебирать руками по стене. Где-то тут должен быть вход в туалет. Нащупав деревянную дверь, Сашка завалился в уборную. Так же вслепую пройдя мимо трех кабинок, он зашел в четвертую и заперся там на шпингалет.

«Дверь открывается наружу, – думал он, держась за раненую ладонь, с которой капала кровь, – значит, она не сможет ее выбить».

Саша пытался успокоиться, чтобы дышать тише, но ничего не получалось. Из коридора доносился неразборчивый крик и топот. А потом все стихло. Сашка сел на унитаз, оставшись один в кромешной тьме. Пальцы на левой руке слиплись от крови.

* * *

Десять минут спустя

– Ключи! У вас же есть ключи?! – кричала Настя, подсвечивая телефоном дверь. Руки девушки были исполосованы ножом, и кровь капала на пол. Юрий Эдуардович, борясь с одышкой, рыскал по своим карманам.

– Есть, есть, – судорожно процедил Облаков, – сейчас…

– Она бежит! Быстрее! – Лёня стоял согнувшись и держался одной рукой за резаную рану на груди, а второй рукой направлял фонарь в глубь коридора, в котором появился силуэт Тамары Ивановны. Облаков наконец открыл дверь в свой кабинет, расположенный на втором этаже, и ребята с учителем вмиг заскочили внутрь.

– Сюда свети! На замочную скважину! – злобно зашипел Юрий Эдуардович. Когда дверь кабинета физики оказалась заперта, Облаков шлепнул рукой по выключателю на стене. Свет разрушил тьму, и учитель нервно сглотнул, увидев дрожащую Настю, всю измазанную кровью.

– Покажи раны, – сказал Юрий Эдуардович.

Девушка вытянула руки – на предплечьях было несколько неглубоких порезов.

– Жить буду, – Настя шмыгнула носом, – но болит сильно.

– Лёня, а тебя она куда задела? – Теперь Облаков рассматривал скрюченного Дарвина. Его рубашка была пропитана кровью.

Лёня расстегнул пуговицы, и Облаков увидел порез чуть выше солнечного сплетения.

– Чуть не погибли, – сказал Дарвин. – Вас не ранили?

– Нет, – ответил учитель. – Надо как-то перебинтовать вас. Сейчас… сядьте пока.

Облаков пошел в лаборантскую, которая находилась за аркой в конце класса, и достал с верхней полки стеллажа что-то наподобие аптечки – коробку с бинтами, зеленкой и таблетками от головной боли и прочих недомоганий. Юрий Эдуардович вернулся в класс и подошел к Насте, сидевшей на первой парте ряда возле двери. Лёня сидел напротив, в среднем ряду. Девушка держала трясущиеся окровавленные руки перед собой. Учитель обработал ее раны перекисью водорода, а потом помазал зеленкой. Настя, стиснув зубы, мужественно не проронила ни звука, хотя слезы все то время, что учитель водил ваткой по ранам, текли из глаз ученицы. Спустя пару минут Облаков закончил бинтовать Насте руки.

– Давай теперь тебя, – сказал учитель Лёне.

– Я сам! – Дарвин схватил бутылку с перекисью и вылил на грудь.

– Куда ты столько тратишь! – возмутился Юрий Эдуардович. – Она нам может еще пригодиться.

Лёня промокнул единственный, но глубокий порез зеленкой и, не в силах терпеть боль, взвыл на весь класс. Учитель израсходовал бинт, обматывая пухлое тело Дарвина.

Облаков подошел к окну. Оно выглядело как замыленное зеркало, в котором отражался пустой класс с тремя рядами парт, формулами на стене и портретами известных физиков. Учитель прислонился лбом к стеклу – ничего не видно, кроме редких огоньков в далеких домах напротив. Потом Облаков еще раз попробовал набрать номер полиции, хотя и понимал бессмысленность этого поступка. Связи нет.

– Почему она не пыталась вас убить, когда вы ее оттаскивали от нас? – спросил Лёня.

– Не знаю. Я вообще не понимаю, что на нее нашло, – ответил Облаков. – Какое-то помутнение рассудка. Возможно, изменения в мире сказались таким образом на ней.

– Интересно, как там Петров. – Настя старалась произнести эту фразу с безразличием.

– Такие, как он, не пропадут, – сказал Лёня.

– Это точно, – с тоской сказала девушка.

Облаков подошел к двери.

– Сидите тут, я вас закрою на ключ, – решительно произнес учитель.

– Куда вы собрались?! – удивилась Настя.

– Я должен отыскать Петрова, – сказал Облаков.

– Что?! Нет! – воскликнула девушка. – Я тут не останусь одна! Я с вами!

– Ты не одна, – недовольно буркнул Лёня.

– Или мы идем все вместе его искать, или никто не идет! – Настя поправила бинт на руке.

– Если речь идет о сохранении жизни, то вам надо бы лучше за нами присмотреть, – убеждал Облакова Дарвин. – Нас тут двое, а Петров там один. А если эта сумасшедшая сюда ворвется и зарежет нас?! Да и вообще, может, она стоит прямо сейчас за дверью и караулит!

Облаков задумался, взвешивая все за и против.

– Хорошо, хорошо. – Юрий Эдуардович вернулся к своему столу и сел за него. – Пожалуй, ты прав. Вас двое. Уберечь двоих важнее, чем одного. Хорошо…

– Мне кажется, что медсестра не просто так напала на нас, – начал свое рассуждение Лёня. – Она спросила у каждого про болезни, помните? Все, кроме вас, Юрий Эдуардович, сказали, что ничем не больны. Я думаю, дело в этом.

– Ты думаешь, она напала на вас, потому что вы здоровы? – Облаков покосился на Лёню.

– Это какой-то бред, – сказала Настя.

– Да, это бред, как и все, что случилось с нами за последний час, – ответил Дарвин.

– Хотя… если законы физики изменились, то, может, и люди стали другими, – задумчиво произнес Облаков, поглаживая подбородок.

– Но как законы физики могли измениться? – Лёня принялся застегивать пуговицы на рубашке, надетой поверх бинтов.

– Мы понятия не имеем, что собой представляет наш мир, – сказал Облаков. – И если те законы, которые в нем сейчас действуют, когда-то были кем-то или чем-то придуманы, то логично предположить, что создатель вздумал их поменять.

– Вы про Бога? – спросила Настя.

– Я не верю в Бога, – недовольно выпалил физик. – Я про волю, которая породила материю, пространство и время, действующих по заранее придуманным правилам.

– А разве эта ваша воля не есть Бог? Какая разница, каким словом назвать Создателя? – спросил Лёня.

– Нет, это не Бог. Воля – это причина, а наш мир с его фундаментальными законами и ограничениями – это следствие. Я не хочу использовать слово «Бог», потому что у всех сразу рисуется религиозный образ. А я рассуждаю не про религию.

– Я не понимаю, о каких фундаментальных законах и правилах вы говорите? – спросила Настя.

– О фундаментальных взаимодействиях и об ограничении скорости света. Я бы еще добавил сюда расширение пространства, – ответил Облаков.

– А как все это связано с тем, что случилось? – снова спросила девушка.

– Гравитация поменялась, – произнес физик, – свет изменился. И возможно, это только начало.

– Ну а при чем тут эти ваши правила мира?

– Тебе правда это сейчас важно? – спросил Облаков.

– Ну… как бы да! – с недоумением ответила Настя. – А ничего, что тут такой сюрреализм происходит?! Если у вас есть хоть какое-то объяснение, то я бы очень хотела его послушать.

– Ладно, попробую коротко объяснить. Вот смотри, Насть, как ты думаешь, – начал Облаков, – почему, к примеру, эта парта не рассыпается, а сохраняет свою форму? Она выглядит как парта. А твои сережки имеют вид сережек, а не растекаются, не разлетаются, не растворяются в воздухе или не распадаются на элементарные частицы?

– Потому что… – Настя принялась вспоминать уроки физики, которые ей очень нравились, но в которых она многое не понимала (знала на четверку). – Потому что они состоят из молекул, а молекулы крепятся друг к другу. Сами молекулы сделаны из атомов.

– А почему атомы существуют? – спросил физик.

– Не знаю.

– Потому что элементарные частицы внутри атома взаимодействуют друг с другом из-за фундаментальной силы. Это правило было изначально заложено в нашу Вселенную, – сказал Облаков. – А почему скорость света в вакууме постоянная? Потому что скорость света – это константа, которая тоже была изначально заложена в нашу Вселенную. Почему существует гравитация? Да потому что она просто есть, и все. Мир изначально был создан с фундаментальной силой гравитации.

– Все эти силы появились одновременно со Вселенной?

– Да. Помимо этого, существует еще электромагнитное взаимодействие. Это значит, что частицы, заряженные положительно, притягиваются к частицам, заряженным отрицательно.

– Это я знаю. Поэтому магниты магнитят.

– Да, звучит просто, но ты только вдумайся в это: Вселенная была создана по таким правилам, что элементарные частицы собираются в атомы за счет силы взаимодействия, скорость света всегда одинаковая, гравитация притягивает, а магниты, как ты выразилась, магнитят. Еще есть сила, отвечающая за распад частиц. Это надо не просто услышать, а именно осознать. Осмыслить тот факт, что это все – начальные параметры нашей Вселенной и не какая-то выдумка, а наш реальный мир.

– Понятно.

Лёня все это время увлеченно слушал, хотя многое и так знал.

– Есть еще одно фундаментальное правило, которое в итоге в будущем уничтожит мир.

– Уничтожит Землю?

– Всю Вселенную.

– Есть фундаментальное правило, из-за которого погибнет вся Вселенная? – уточнила Настя.

– Да.

– Вы хотите сказать, что крах Вселенной уже был изначально заложен в наше мироздание, как гравитация или магнетизм?

– Конечно, ведь все созданное стремится к саморазрушению, порядок – к хаосу, а жизнь – к смерти.

– И что это за правило, из-за которого все погибнет?

Облаков сделал глубокий вдох.

– Наша Вселенная появилась в результате Большого взрыва, а ведь это, по сути, и есть расширение Вселенной. Большой взрыв – это расширение пространства, в котором мы находимся, оно и сейчас до сих пор растягивается. Если посмотреть в телескоп, то можно вычислить, что все галактики разлетаются друг от друга. Это известный факт, доказанный Эдвином Хабблом. Великий астроном такой был. Потрясающий ученый. Помер давно.

– Я знаю, – перебила Настя, – в честь него еще космический телескоп назвали.

– Верно. Разлетаются галактики с ускорением, – продолжил Облаков, – с каждой секундой скорость их движения в разные стороны все выше и выше. Ну, кроме тех галактик, которые связаны между собой гравитацией, как наш Млечный Путь с Андромедой.

– А что их ускоряет?

– Разлетаются они как раз потому, что пространство между ними расширяется. Принято считать, что пространство растягивает некая невидимая нам темная энергия. Но лично я думаю, что ускоренное расширение пространства – это тоже фундаментальное правило, благодаря которому появилась Вселенная.

– А разве не в результате Большого взрыва?

– Большой взрыв – это начало расширения пространства. «Взрыв» можно заменить словом «расширение». Оно продолжается до сих пор – расстояния между галактиками увеличиваются за счет растягивания ткани пространства между ними. Почему пространство расширяется, никто не знает. Не было времени, когда наша Вселенная не расширялась, когда бы в ней не было гравитации или магнетизма, когда бы в ней скорость света не была константой. Все эти правила существуют с момента творения нашего мира. И у расширения нет причины, как и нет причины, по которой скорость света всегда одинаковая.

– А что плохого в том, что Вселенная расширяется?

– Плохо то, что в результате этого расширения в далеком будущем вся материя разлетится в разные стороны и прекратятся любые ее взаимодействия между собой. В таком мире не будет ничего существовать. Только квантовые частицы, расположенные на бесконечно большом расстоянии друг от друга, и температура в любой точке этой мертвой Вселенной будет одинаковая. Все замрет навсегда.

– Прямо вся материя во Вселенной распадется на элементарные частицы?

– Да. Это называется тепловой смертью Вселенной. Так наш

мир и закончит свое существование. Но случится это очень нескоро.

– И нет способа как-то заставить ее не расширяться дальше?

– Ни разу не встречал такой вопрос. – Облаков впервые за вечер улыбнулся, хотя и скупо. – Нет, Настя, способа остановить тепловую смерть не существует.

– Понятно. Ну и как все, что вы сказали, связано с тем, что творится у нас на школьном дворе? Хотя… – девушка на мгновение закусила губу, – я уже и сама поняла. Фундаментальные законы, типа параметров света или гравитации, изменились, а этого не может быть, потому что они были созданы одновременно со Вселенной. Так?

– Так.

– Понятно… Ладно… Хорошо… И что нам теперь делать?

– Не знаю, Настюш… – Юрий Эдуардович встал из-за стола.

– Сейчас вернусь. – Мужчина не спеша пошел в сторону лаборантской, проводя руками по столам слева и справа от себя, и скрылся за аркой. Настя разжимала онемевшие пальцы, сжимая и расправляя ладони. Внезапно в лаборантской раздался грохот, будто что-то упало на пол и рассыпалось. Лёня в испуге вздрогнул и тут же скривился из-за боли, растекающейся от раны, но страх быстро развеялся, когда Облаков ругнулся, вспомнив чью-то мать. «Случись там что-то страшное, учитель выскочил бы с криком, – рассуждал Лёня, – так что все нормально». Вскоре Облаков вернулся, держа в руках пару отверток и молоток.

– Для самообороны? – предположил Дарвин.

Учитель молча подошел к Лёне и положил возле него молоток. Потом повернулся к Насте, сделал шаг в ее сторону и вручил ей отвертку. Себе он тоже оставил отвертку.

– Идем искать Петрова? – предложила девушка.

– Может, и правда стоит рискнуть? – неуверенно произнес Лёня.

«Интересно, а он бы пошел за мной?» – подумала Настя.

– Юрий Эдуардович, а вы что скажете? – спросил Лёня.

Облаков уставился в пол, стоя возле доски.

– Столько лет работы, и все зря, – внезапно произнес учитель.

– Что? – удивилась Настя.

– Столько научных статей. Столько стажа, а я все еще тут, в этой дыре, – у Облакова заблестели глаза, – не знаю, ради чего.

– Вы о чем вообще? – Лёня тоже не понял посыла.

– Через одиннадцать лет на пенсию, а моя научная карьера не сдвинулась ни на шаг, – не поднимая взгляда, говорил учитель.

– Вы что, плачете? – спросила Настя, глядя на слезу, бегущую по гладко выбритой щеке преподавателя.

– А ведь Циолковский тоже был школьным учителем, – бубнил себе под нос Облаков. – Микеланджело создал «Битву кентавров» в семнадцать лет, Эйнштейн опубликовал теорию относительности в двадцать шесть, а Пушкин начал писать «Онегина» в двадцать три…

Учитель провел рукой по вымазанному Настиной кровью краю стола и поднес испачканные пальцы к своему лицу. Когда Облаков перехватил отвертку так, чтоб ее острие было направлено на него, Настя выскочила из-за парты. До Лёни дошло, что в ближайшее мгновение произойдет катастрофа, только когда учитель взялся за ручку отвертки двумя руками и замахнулся.

Настя с Лёней сделали пару шагов назад, к двери. В этот момент учитель со всей силы ударил себя отверткой в живот и взвыл, согнувшись. Настя закричала и заступила за Дарвина. Облаков упал на колени, делая быстрые вдохи и выдохи. Он все еще держался за рукоять отвертки, торчащей из его тела.

– Что вы делаете?! – закричала Настя.

– Подождите, – Облаков показал указательный палец, – сейчас надо еще разок. Черт, больно-то как… сейчас…

– Надо его остановить! – продолжала кричать девушка.

Облаков упал на бок, вытащил отвертку, отвел руки и ударил себя в грудь. Грудную клетку он пробить не смог, и металл вошел в плоть лишь кончиком, прорезав грудную мышцу. На третьем замахе Лёня подскочил к учителю и схватил его за руки. Спустя мгновение и Настя подключилась к борьбе. Школьники, невзирая на боль в ранах, все же выдернули инструмент из рук Юрия Эдуардовича, лежащего на полу.

– Не мешайте мне! – крикнул Облаков и принялся бить себя кулаком по лицу.

– Надо это остановить! – Настя оббежала учителя, пыталась схватить его за руку, но у девушки ничего не выходило. – Дарвин! Чего ты стоишь?!

Облаков уже разбил себе нос и губы. Лёня схватил стул и с истошным воплем, шагнув вперед и зажмурив глаза, ударил Юрия Эдуардовича. Целился Лёня в голову. Спустя мгновение, судя по тому, что учитель, раскинув руки в стороны, лежал бездыханно на полу, Дарвин понял, что попал он, как и планировал. Парень отбросил стул в сторону и переглянулся с Настей.

– И что теперь? – спросил Дарвин.

– Он вообще жив? – Настя присела на корточки возле учителя. Кровь сочилась теперь не только из раны на животе и разбитого носа, но и из головы чуть выше уха. Лицо Облакова выглядело ужасно – опухший нос, опухшие губы и опухшие скулы.

Опухло все, что можно.

– Проверь пульс, – предложил Лёня.

– Сам проверь.

Парень тоже сел на корточки и взял мужчину за запястье.

– Живой? – спросила Настя через пару секунд.

– Да. – Лёня пытался сделать серьезное лицо. – Ну… или нет. Я не знаю.

Настя приложила ухо ко рту учителя и замерла.

– Дышит, – спустя несколько секунд сказала девушка и встала. – Надо его как-то связать, а то он очнется и опять начнет.

– И с раной ему надо что-то сделать, у него кровь идет из живота. – Лёня принялся расстегивать кровавую рубашку Облакова.

– Я пойду в лаборантскую, посмотрю, может, там есть веревки или ремни какие, не знаю… что-то, чем можно…

– Ага.

Лёня полностью расстегнул рубашку преподавателя. Из черно-бордовой дырочки диаметром чуть меньше сантиметра сочилась кровь. Лёня вспомнил, что Юрий Эдуардович израсходовал на него весь бинт. Парень снял с себя верх, размотал кровавый бинт на своем теле и, скомкав, положил на грудь учителю.

Настя загремела чем-то в лаборантской.

– Все в порядке?! – крикнул парень.

– Да! Ищу!

Лёня остался с голым торсом в одних брюках и ботинках. В такой непростой ситуации Дарвина почему-то очень сильно волновало, что Настя вскоре увидит его раздетым, с жирными боками и слегка отвисшей грудью. Когда учитель бинтовал Лёню, парень специально повернулся к Насте спиной, а потом быстренько накинул одежду. Дарвин, обрабатывая раны учителя перекисью водорода и зеленкой, пообещал себе – в случае, если они выживут, – в будущем превратить весь этот жир в мышцы.

Озадаченный, Лёня не понимал, как перебинтовать тело лежащего на полу человека. Его же надо как-то приподнять!

– Насть! Ну ты чего там?! Мне помощь нужна! – крикнул Лёня.

– Иду!

Девушка вернулась. В руках у нее были металлические маятники на веревках и огромный, размером с трехлитровую банку, моток капроновой нити. На голый торс Лёньки она не обратила никакого внимания.

– Чем лучше? – Настя предложила выбрать Дарвину.

– Давай все, – ответил парень.

Школьники перевернули на бок учителя так, что обе его руки оказались за спиной. Облаков начал что-то бухтеть и приходить в себя. Лёня впопыхах связывал кисти, а Настя – лодыжки. Дарвин сделал, наверное, оборотов тридцать капроновой нитью вокруг рук учителя, а потом затянул на десяток узлов. Облаков пытался пошевелиться, продолжая что-то бубнить.

– Я все, – сказала Настя. – Мне кажется, крепко вышло.

– Я тоже.

Ученики встали перед лежащим на боку Юрием Эдуардовичем. Учитель пришел в себя и туманным взором смотрел на ребят.

– Надо бы ему раны перевязать. Я продезинфицировал как мог, но вот на животе, мне кажется, она глубокая, а еще он мог повредить себе кишечник, – сказал Лёня, почесывая подбородок.

– Я думаю, отвертка слишком тупая, чтобы порезать кишечник, – предположила девушка.

– Надеюсь, он просто порвал мышцы на животе.

– Кровь, по-моему, больше не течет.

– Вроде не течет.

– Свернулась.

Школьники принялись перебинтовывать использованным Лёниным бинтом живот Облакова.

* * *

– Есть еще один выжигатель! – внезапно прервал молчание Квадратный. – У Трапеции! Как мы сразу не сообразили?

– Да, надо проверить ее заряды, – сказал Круглый.

– Сначала дождемся Треугольного, – твердо произнес Ромб.

– А потом? Овальный-то уже не придет с контроля подачи, – задумчиво пробормотал Квадратный. – Надо подумать, как идти к Трапеции. Кого мы туда пошлем?

– Оставьте меня одного тут, – сказал Ромб, – быстро проверьте зоб Трапеции и возвращайтесь.

– Нельзя, ведь если убийца уничтожит свою пару и вернется сюда, – сказал Круглый, – то ты, Ромб, окажешься тут с ним один на один. Мы сами начинаем противоречить своим же правилам.

– Есть еще вариант, – начал Квадратный. – Мы втроем остаемся все так же здесь. Когда придет Треугольный, мы отправим его проверить заряды в оружии Трапеции.

– Если Треугольный окажется убийцей, – произнес Ромб, – он может выдумать что угодно. Например, спрятать выжигатель Трапеции, чтобы потом как-то его использовать, или соврать и

сказать, что там не хватает зарядов, выстрелив при этом в стену где-нибудь в лаборатории, или… да все что угодно может быть. Нужно подробно разобраться в ситуации, поэтому к Трапеции надо отправить минимум двоих. И чтобы эти двое вернулись и все рассказали, подтверждая слова друг друга.

– Дождемся Треугольного, отправим его за Овальным, – рассуждал Круглый. – Они вдвоем проверят оружие Трапеции, вернутся к нам и все расскажут.

– А если не вернутся? Да и Овального нельзя срывать с места. Оставлять контроль подачи энергии при работающем колебаторе очень опасно, – возмутился Квадратный. – Аннигиляционный реактор – вещь нестабильная. Или мы выключаем колебатор, после чего Овальный может покинуть свой пост, или Овальный сидит в комнате контроля дальше. Мы не можем рисковать миссией ради проверки зарядов в выжигателе Трапеции.

– Может, тогда забыть про оружие Трапеции? Какая теперь разница? – спросил Круглый.

– Видимо, ты прав, – сказал Ромб. – Проверим его, когда будет возможность.

– Мы снова упустили важный момент, – взволнованно произнес Квадратный. – Если Треугольный или Овальный убийца, цель которого – сорвать эксперимент, то достаточно просто не следить за критическим уровнем энергии на колебаторе!

– Может, Овальный уже лежит мертвый, – сказал Ромб, – а Треугольный там стоит и дожидается, пока колебатор сгорит!

– Или, если Овальный убийца, он не предпримет никаких действий в случае какой-либо аварии, и колебатор также сгорит, – подметил Круглый.

– Надо срочно что-то решать! – Квадратный подошел к двери в коридоре.

– Мы не можем одновременно охранять компьютеры и следить за контролем подачи энергии на колебатор, – заключил Ромб. – Оставьте меня тут! Даже если я убийца и уничтожу компьютеры, вы же убьете меня! Если я сотрудничаю с внешним миром или имею какие-то свои цели, то не в моих интересах тут погибнуть. Убежать из лаборатории я тоже не смогу, пока не погаснет поле.

– Но это лишь в том случае, если ты сам не готов погибнуть, – подметил Круглый.

– Я еще раз повторяю, я уже был тут один в момент смерти Трапеции! Компьютеры целы! – со злобой произнес Ромб.

Квадратный и Круглый переглянулись.

– Хорошо, я согласен, оставайся, – произнес Круглый.

– Я тоже согласен, – дал добро Квадратный.

Квадратный с Круглым вышли из центра управления и направились по коридору в сторону комнаты контроля подачи энергии на колебатор. Проходя мимо модуля отдыха, Квадратный внезапно произнес:

– Давай быстро зайдем, проверим оружие Трапеции?

– Давай.

Коснувшись замочного лазера, Квадратный открыл дверь к комнатам отдыха. Как только ученые вошли в общий коридор корпуса отдыха, на потолке загорелся мягкий оранжевый свет. Поняв по тянувшемуся по полу следу крови, что Трапецию отволокли в пятую комнату (из семи), ученые проследовали к трупу. Трапеция лежала на полу между двумя спальными плоскостями. Квадратный склонился возле тела.

– В зобе пусто, – произнес он.

– Нет выжигателя?! – Круглый стоял за спиной Квадратного.

– Да, иди тоже проверь, чтобы ты мог подтвердить мои слова, а то остальные скажут, что я вру.

Круглый удостоверился, что оружия у Трапеции действительно нет.

Квадратный сел на спальную плоскость. Он не сводил взгляда с изуродованного выжигателем тела Трапеции.

– Вероятно, что кто-то из нас выстрелил оружием Трапеции в нее, – сказал Квадратный.

– Но зачем она вообще отдала кому-то оружие?

– Не знаю. Знаешь, что я думаю? Пока что никому не говори, что мы тут были, – настойчиво произнес Квадратный. – Если второй выжигатель сейчас при убийце, мы сможем его найти.

– Обыщем всех?

– Да.

– Тогда предлагаю начать друг с друга, чтобы точно быть уверенными, что мы с тобой на одной стороне.

– Хорошо. Проверяй мой зоб.

Круглый сунул одну из конечностей в полость в туловище Квадратного. Нащупав там один выжигатель, он подставил свой зоб на проверку. Квадратный тоже удостоверился, что у Круглого нет второго оружия.

– Когда зайдем к Овальному, первым делом проверяем его зоб, – сказал Квадратный.

Ученые направились к центру контроля подачи энергии. Спустившись по ступеням лестницы, они оказались в абсолютно темном коридоре.

– Почему света нет? – спросил Круглый.

– Не знаю, пошли на ощупь по стенке, осторожнее, – сказал Квадратный.

Перебирая конечностями, они медленно двигались вдоль коридора, пока не нащупали вход в комнату контроля. Квадратный коснулся лазера, дверь отъехала в сторону. На полу возле мерцающего монитора лежал в луже синей крови Овальный. Часть его туловища точно так же, как и у Трапеции, была вырвана зарядом выжигателя.

* * *

Петров просидел во тьме минут десять, а потом все же решился включить телефон, экран которого дал слабый свет, но достаточный, чтобы увидеть окровавленные руки.

«Вот тварь, – думал он, глядя то на продырявленную насквозь кисть, то на пол, также вымазанный кровью. – Сидеть тут не вариант. Может, добраться до полиции? Это пара километров. Во тьме с фонариком идти? Нет. А вдруг там еще какая-нибудь дура бешеная с ножом носится?»

Боль не стихала, и Саше приходилось держать руку чуть приподняв, будто он тянет ее, чтобы его вызвали к доске… Хотя нет, скорее, чтобы попроситься выйти из класса в туалет покурить, как он обычно и делал в середине урока. Стоило только ему опустить руку, в кисти сразу же начинала пульсировать боль, и Петрову казалось, что рука вот-вот раздуется и лопнет.

«Наверное, лучше сначала найти наших, если они еще живы». – Петров встал на унитаз и заглянул поверх двери в помещение туалетной комнаты. В тусклом свете экрана монитора он огляделся – медсестры там не оказалось. Дверь в школьный коридор была слегка приоткрыта.

«А что, если она там меня караулит?» – Парень спустился и положил телефон на пол светящимся экраном вверх. Одной рукой снял крышку с бачка унитаза, поставил ее на пол, прислонив к стене, и принялся мыть руки, стиснув зубы от боли.

«Надо бы с собой взять, – думал Саша, глядя на крышку и аккуратно вытирая больную руку об одежду. – Если что, перемкнуть этой дуре как следует по башке».

Петров поднял двумя руками крышку бачка, но не удержал ее из-за резкой боли, и та с грохотом упала на кафельный пол. Крышка раскололась пополам. Петров выругался про себя, поднял с пола телефон и снова залез на унитаз осмотреться. Никого.

Саша открыл дверь. В здоровую руку парень взял половинку крышки, которая весила килограмма полтора, а раненой левой рукой он поднял телефон. Осторожно Петров вышел из кабинки, светя перед собой экраном. В правой руке, отведенной чуть за

спину для замаха, он держал крышку. Освещая пространство на пару метров впереди себя, Саша прокрался до коридора третьего этажа. Он высунулся в дверной проем и окинул взглядом уходящий направо во тьму коридор. Слева от Петрова была стена с дверью, ведущей в класс, и выход на лестничный пролет.

«А как мне их искать? – размышлял Петров, не решаясь покинуть свое убежище. – Все кабинеты проверять? Может, они вообще ушли из школы? А тут хотя бы есть где запереться. Но, с другой стороны, я же всегда могу добежать до любого туалета и закрыться».

Саша все же вышел в коридор и, окутанный мраком, пошел направо, стараясь не скрипеть старым деревянным паркетом. Дойдя до окна, он остановился, пытаясь в неярком свете дисплея что-то различить на улице, но, кроме редких квадратов света от окон соседних домов и пары автомобильных фар вдали, ничего не увидел. Искаженное солнце уже практически скрылось за каким-то из домов. Дойдя до следующего окна, Петров снова безуспешно устремил свой взор на улицу – картина та же. Вдруг сзади скрипнул пол. Сашка моментально выключил экран. Скрипы медленно приближались, и вот Саша уже мог расслышать старческое шарканье ног. Сжимая в руке кусок керамической крышки бачка унитаза, парень готовился к худшему. Петров представлял, что сейчас неожиданно во тьме он почувствует боль в теле от удара ножом – может, в животе, может, в груди… а после этого он тут же наугад махнет своим импровизированным оружием, надеясь попасть женщине в голову.

Скрип пола и шарканье медсестры зловеще звучали уже в нескольких метрах от Саши.

«Вроде не заметила, а то сразу бы бросилась на меня. Она просто идет мимо, – окаменев от ужаса, пытался успокоить себя Саша, упираясь в подоконник, – бредет куда-то во тьме».

Шарканье прекратилось, когда медсестра оказалась напротив Петрова. Сашка сжимал в руке увесистый кусок керамики.

«Надо бить, – думал он, – бить и бежать».

Петров контролировал свое дыхание, стараясь не издать ни звука.

«А что, если швырнуть эту штуку? – продолжал думать Саша. – Она кинется на шум, а я побегу в другую сторону, обратно в туалете запрусь».

От притока адреналина боль в руке Саши немного приутихла, перейдя в ноющее покалывание.

«Почему вообще она остановилась тут? – На Петрова начал накатывать приступ паники. – Шла мимо и остановилась. Стоит сейчас передо мной. Почуяла что-то? Запах? Не может быть. Да и

если бы почуяла, то чего стоять-то? Напала бы сразу».

Сердце Петрова бешено колотилось. Парень не знал, как поступить.

– Думаешь, я не знаю, что ты тут? – хрипло произнесла женщина.

У Петрова от ужаса перехватило дыхание. Ком подступил к горлу. Саша повернул голову и уставился в черноту коридора. Казалось, он ослеп, ведь даже в самой темной комнате ночью, когда глаза привыкают к отсутствию света, со временем начинаешь различать какие-то контуры мебели, углы стен, люстру, цветы на окне. Здесь же не было видно ничего – ни в коридоре, ни за окном. И, лишившись зрения, он воспринимал звуки сиплого голоса демона, а может, просто сумасшедшей женщины еще ярче и отчетливей, будто она посылала сигнал Сашке непосредственно в сознание. И нож! Нож в ее руке… о котором Саша не забывал ни на миг.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, подойдя практически вплотную к Петрову. Саша почуял кислый запах из ее рта.

– Паршиво, – почти шепотом ответил парень, отвернув голову в сторону.

– Что тебя беспокоит? – Медсестра слегка прикоснулась мягкой грудью к Петрову.

Чувства слуха и обоняния обострились еще сильнее – голос и затхлый запах престарелой женщины иглой врезались в мозг Саши. Стиснув зубы, в отчаянии парень процедил:

– Рука… ноет.

Петров ждал ее реакции, но медсестра ничего не ответила. Эта поганая тишина казалась парню пыткой. Тишина сжимала Сашу, будто была в сговоре с давящей на него тьмой и стенами этой проклятой школы, которую Петров ненавидел всем сердцем.

«Почему она молчит?» – думал Сашка.

– Я могу идти? – робко спросил парень.

Медсестра молчала.

– Я пойду? – снова спросил он, но так и не получил ответа.

Простояв меньше минуты, Петров все же осмелился включить экран телефона и отошел чуть в сторону. Саша направил свет на Тамару Ивановну и был шокирован увиденным. Халат медсестры, залитый кровью, дал понять Петрову, что с его одноклассниками и учителем случилась беда. Из сдвинутого набок сломанного носа медсестры сочилась кровь. Женщина смотрела на Сашу. Когда Петров сделал шаг в сторону, медсестра повернулась, не сводя взгляда с парня.

– Это ваша кровь на халате? – спросил Саша и шагнул назад.

Медсестра молча, практически в унисон с Петровым, сделала два шага вперед и застыла. Сашка направил свет на нож в ее руке и увидел на лезвии кровь.

«Значит, они дрались», – думал Петров, медленно двигаясь назад. Женщина шла на Сашу, сохраняя дистанцию в пару метров.

«Она смогла кого-то ранить. А может, и убить, – рассуждал Саша. – Но они разбили ей нос. Кровь на халате, скорее всего, ее собственная. А на ноже?»

Петров остановился, а потом сделал шаг навстречу женщине. Та никак не отреагировала на изменение дистанции между ними. Тогда Петров развернулся и быстро зашагал по коридору в сторону туалета, светя перед собой. Скрип паркета и шарканье ног были слышны за спиной парня. Петров остановился и резко повернулся к Тамаре Ивановне, снова направив на нее свет.

– Почему вы пытались убить меня? – спросил Саша, разглядывая в полумраке ее морщинистое лицо с окровавленным вторым подбородком и обвисшими щеками.

«Попробовать пробить ей голову сейчас, пока она не сопротивляется?» – Петров отставил ногу назад, встав полубоком, чтобы было удобнее ударить женщину куском керамики, но, взглянув на лезвие ее ножа, передумал атаковать.

«Нет, слишком рискованно, она же не в себе, страшно как-то. Пусть лучше просто молча ходит за мной», – рассуждал парень.

Саша обошел медсестру и пошел обратно по коридору, удаляясь от туалета. За спиной слышались шаги и шорох.

– Юрий Эдуардович! – крикнул Петров и обернулся на медсестру. Женщина безвольно плелась за Петровым.

– Дарвин! – кричал Сашка.

Двигаясь во тьме и подсвечивая себе путь экраном телефона, Петров не мог избавиться от ощущения, что медсестра сейчас неожиданно вонзит в него нож. Когда парень дошел до лестницы, то решил проверить сначала четвертый этаж и поднялся наверх.

– Настюха! – крикнул он, выйдя в черный коридор четвертого этажа. – Дарвин!

Петров в очередной раз обернулся и посмотрел на медсестру.

– Ты так и будешь за мной ходить? – спросил он, хотя и понимал бессмысленность попытки вступить с ней в диалог.

Как и ожидалось, женщина молча смотрела на Петрова.

– Подсказала бы лучше, где тут свет включается. – Саша осветил телефоном стены вокруг себя в поисках выключателя, но ничего, кроме рисунков животных, не увидел. Петров побрел по коридору.

– Дарвин! Настька! – После каждого выкрика Саша оглядывался на медсестру, шаркающую за его спиной. Ближе к

концу коридора в луче неяркого света Петров увидел какой-то силуэт на полу. Что-то похожее на свернутый ковер, а может… тело? Саша посветил на Тамару Ивановну.

– Ты знаешь, что это? – спросил он у медсестры. Петров не понимал, почему он с ней разговаривает, но ему становилось спокойней, когда он обращался к этой демонической женщине.

– Лежит кто-то, – сказал Саша, всматриваясь в силуэт с расстояния метров семи.

– Иди… пойди проверь, что там. – Он снова посветил на медсестру, а потом добавил: – Слушай, а может, я заберу твой нож?

«Схватить ее за руку и отнять оружие? – думал Саша. – А как я с такой раной буду ее хватать? Не…»

Медленно, шаг за шагом, Петров начал приближаться к силуэту, теперь уже без сомнения, тела человека. Когда парень оказался возле трупа, он узнал в нем учительницу русского языка и литературы – Нину Алексеевну. Сорокалетняя женщина лежала на полу, скрестив ноги, и держалась за карандаш, торчащий из ее шеи. На полу вокруг учительницы во мраке Петров рассмотрел черные пятна размазанной крови, которые уходили во тьму, будто женщина ползла, оставляя за собой жуткий след.

– Твоих рук дело? – спросил Петров у медсестры.

Саша сел на корточки и внимательно рассмотрел раны на шее Нины Алексеевны – несколько дыр в горле, похоже, от карандаша. Из ее открытого рта вывалился язык.

– А что, если тут еще кто-то есть? – Петров с отвращением смотрел на учительницу, длинное платье которой задралось выше колен.

Петров встал и повернул голову к медсестре.

– Ладно, Тамарка, пошли вниз, там теперь поищем, – сказал он, обходя труп.

Подойдя к лестнице, Петров еще раз позвал Настю и Лёню. Спускался парень с четвертого этажа на второй, уже не оглядываясь на медсестру. Выйдя в коридор второго этажа, Саша первым делом выкрикнул все те же имена. Его голос снова эхом разлетелся по коридору, отражаясь от стен, расписанных рисунками для детей, и стих. И тут Петрова осенило: она же может напасть на Лёню, Настю или Облакова!

«Может, увести ее куда? Запереть? – думал Саша. – А где запереть? Тут снаружи ничего не запирается. Выйти с ней из школы и… И что? Меня эта дура не трогает. Нет, идти к нашим придуркам с ней нельзя… Пойти в столовую, взять там нож, неожиданно воткнуть ей в шею и бежать? Это уже перебор. Не собираюсь я никого убивать. Что делать-то?! Завести ее в эту

гравитационную аномалию на улице? Но это тоже убийство».

Спустившись на первый этаж, Петров в навязчивом сопровождении демонической Тамары Ивановны подошел к двери на улицу. Петров в свете первого этажа разглядывал женщину, и вид у нее, конечно, был жуткий. Ничего нового Сашка не заметил, осматривая медсестру до этого во мраке. Но при свете сама абсурдность этого зрелища – пожилая полная женщина, по совместительству врач-маньяк, в окровавленном халате, с ножом и съехавшим набок разбитым носом – воспринималась четче, острее…

Боль в руке чуть поутихла, но все же не переставала напоминать о себе. Кусок керамической крышки унитаза Саша положил на пол.

– Что же с тобой случилось? – произнес Петров, брезгливо глядя на медсестру. – На людей кидаешься. А я, знаешь, поначалу думал огреть тебя этим вот, – он указал на крышку бачка, – но, думаю, ладно, ты меня не трогаешь сейчас, я тоже не буду рисковать. – Петров попытался сжать раненую кисть, но не смог. – Ну что, подружка, на улицу выйдем? Прогуляемся?

Саша открыл первую входную дверь и вышел в темный «предбанник», медсестра прошла следом. Миновав вторую дверь, Петров и Тамара Ивановна оказались на улице. Высвечивая перед собой ступеньки крыльца, они спустились на асфальт школьного двора.

«Главное, в эту аномалию не попасть. Доведу бабку до подъезда… в третий, наверное, там и оставлю. Сомневаюсь, что она сможет кнопку нажать, чтоб выйти», – подумал Петров, но идея эта показалась ему не очень хорошей, когда он увидел, что кто-то бежит с фонариком за забором и зовет на помощь. Это был школьный охранник. За мужчиной во тьме раздавался топот множества ног.

Петров посмотрел на медсестру:

– А хотя знаешь, наверное, пойдем-ка мы лучше обратно. Что-то у меня пропало желание туда идти.

И только Саша собрался подняться на крыльцо, как вдруг все вокруг залило дневным светом, будто мир снова вернулся к своему прежнему укладу. Но продлилось это недолго – тьма опять растворила в себе вспыхнувший день. Изумленный Петров огляделся, а потом посмотрел вверх и чуть не присел от страха. Желтый солнечный диск двигался по черному небу с огромной скоростью. Пролетев весь видимый небосвод, звезда скрылась за домами, и в этот миг снова наступил рассвет. Секунд десять спустя, пока шокированный Петров чесал затылок, солнце снова появилось с другой стороны, погрузив мир в черноту, пролетело

над землей и спряталось за строениями, парадоксально явив после своего ухода рассвет. Вскоре цикл повторился. Саша смотрел на небо, видя вновь и вновь пролетающее солнце. Петров заметил, что облака тоже вели себя странно. Они летели с какой-то невероятной скоростью. Другие звезды, траектории которых закруглялись на небосводе, то появлялись, то исчезали из-за облаков и туч, мельтешащих на небе. На луну Саша обратил внимание в последнюю очередь. Полет ее был такой же быстрый и чудной. Вдруг начался дождь, но тут же закончился, продлившись мгновение, однако с неба вылилось столько воды, будто Петров попал под невероятный тропический ливень. Промокший Саша поднялся на крыльцо и снова уставился вверх.

Петрову казалось, что он смотрит видеозапись неба, воспроизведенную в ускоренном режиме. Ночь буквально за десять секунд сменяла день, а день – ночь. Сашка понимал, что добром это не закончится. Парень и его спутница вернулись в школу. Петров сел на лавочку возле столика охранника у входной двери, а медсестра осталась стоять напротив, все так же бессмысленно глядя на Сашу.

Петров уставился в пол, поставив локти на колени, и подпер кулаками щеки. Слегка покачиваясь вперед-назад, он сосредоточенно пытался осознать увиденное на улице.

– Солнце стало летать быстрее. Точнее, Земля стала быстрее вращаться вокруг солнца. Нет, тогда тучи бы не перемещались так быстро. И луна бы… Получается, что там как будто время идет ускоренно, – изо всех сил напрягая мозги, Сашка пытался дать адекватную оценку ситуации, – но вокруг меня время идет, как и шло раньше.

Петров достал последнюю сигарету из пачки и прикурил.

– Дерьмо какое-то… А может, это у нас время идет быстрее? Нет. Подождите. Если там, наверху, проходит день, а у нас – секунд десять, значит, у нас время идет медленнее. А… ну да! Все правильно. Наверху, там, в космосе, время идет быстрее. А мы тут все, что на Земле видим, то движется с обычной скоростью. Даже нет, не так. Не в космосе время идет ускоренно, а просто наверху. Тучи-то не в космосе. Тучи в стратосфере… вроде… или как это называется?

Минуту спустя Саша швырнул бычок под ноги медсестре и встал. За окном все мерцало. Время суток неумолимо сменялось за мгновения. Петров поднялся на второй этаж, продолжая светить экраном в черный коридор, из окон которого периодически падал свет, озаряя лишь пол и стену напротив.

– Настя! Дарвин! – крикнул Петров, дойдя до середины коридора.

Неожиданно откуда-то раздался глухой ответ:

– Петров! Мы тут!

Саша узнал гнусавый голос Лёни, но не понял, из-за какой двери отозвался Дарвин.

– Только не выходите в коридор! – ответил Сашка, но было поздно. Пролив свет, распахнулась дверь ненавистного для Петрова кабинета физики, и оттуда высунулась не менее ненавистная рожа Лёни.

– Назад! – закричал Петров, но медсестра уже рванула к Дарвину. Сашка бросился за ней, успел схватить ее, и они оба упали в нескольких метрах от кабинета. Лёня с Настей выскочили в коридор. Девушка направила фонарик на Петрова, обхватившего сзади необъятную женщину, которая изо всех сил пыталась встать, лежа на Сашке, вдавливая его в пол. Она махала руками и ногами, будто жук, который не может перевернуться со спины.

– Я сказал – назад! В кабинет! Запритесь! – продолжал кричать Петров. – Меня она не тронет!

– Давай я посвечу! – крикнула Настя Дарвину. – А ты отбери нож!

Лёня подбежал к женщине и попытался схватить ее за руку, в которой она держала оружие, но та, извернув кисть, порезала парню предплечье. Дарвин зашипел и отскочил.

– Идиот! – завопил Петров. – Я вам сказал! А ну в класс! Поговорим через закрытую дверь!

Чуть помешкав, Настя с Лёней заскочили в аудиторию и заперлись. Как только школьники пропали из поля зрения Тамары Ивановны, женщина угомонилась, и Петров смог выползти из-под ее туши. Поднявшись с пола, Саша подошел к двери и произнес с одышкой:

– В общем, дела такие, – громко говорил он, – эта чертова бабка меня не трогает. Не знаю почему, просто ходит за мной, и все. Юрец с вами?

– С нами, но… – замялась Настя, – он не в себе.

Услышав голос девушки, Тамара Ивановна схватилась за дверную ручку и попыталась открыть дверь.

– Что значит «не в себе»?! – спросил Петров, а потом добавил: – Вы, главное, пока что дверь не отпирайте.

– Когда мы забежали сюда, он попытался зарезать себя отверткой! – крикнул Лёня. – А я его ударил по голове стулом. Я не хотел этого делать, ведь он наш учитель, но иначе бы…

– Он пытался убить себя, мы его связали, – перебила Лёню девушка.

– Вы шутите?! – Петров покосился на медсестру.

– Ты дурак?! – звонко крикнула Настя. – Какие тут могут быть шутки?! Я тебе говорю: он воткнул себе в живот отвертку!

– Хорошо, хорошо, верю, – затараторил Саша, – верю. Он сейчас в сознании?

– Да. Вот только недавно пришел в себя. Лежит, – сказала Настя.

– Он сказал что-нибудь по поводу солнца? Чего оно так быстро садится и встает? – спросил Саша.

– Нет, он просто молча лежит.

– Ясно, – решительно произнес Петров. – Значит, план такой: врачиха везде ходит за мной… Так вот… я отойду в конец коридора вместе с ней, потом крикну вам, чтоб вы открыли дверь, и постараюсь забежать в кабинет. Эта рухлядь бегает медленнее меня, я успею.

– Хорошо, – ответила Настя.

Саша трусцой добежал до конца коридора, а когда обернулся, увидел, что медсестры рядом нет. Выругавшись, Петров вернулся назад.

– План отменяется, она не отходит от двери, – произнес Саша. – Делаем иначе. Я на счет «три» валю ее на пол, а вы в этот момент открываете. Сможете быстро открыть?

– Да, – сказала Настя.

– Тогда начинаем. – Петров встал за спину Тамаре Ивановне. – Я считаю… Точно готовы?

– Точно! Давай!

– Хорошо! Раз… Два…

На счет «три» Сашка схватил женщину за то место, где обычно у людей бывает талия, и потянул на себя, сместившись резко в сторону и подставив подножку. Медсестра упала как раз в тот момент, когда Настя открыла дверь, а встала женщина, когда дверь закрылась. Если бы Петров в один прыжок не смог заскочить в класс, перескочив через пышное тело Тамары Ивановны, пришлось бы пробовать снова. Настя повернула ключ в замке. Дверная ручка опустилась вниз, а дверь затряслась, но вскоре все стихло.

* * *

Перешагнув через труп Овального, Квадратный выключил подачу энергии на колебатор.

– Надо на время прервать эксперимент, – сказал Квадратный, – иначе убийца нас всех перебьет поодиночке!

– Но у нас мало времени, неясно, сколько еще продержится

поле. – Круглый нервничал.

– Сейчас у нас есть преимущество. – Квадратный подошел к Круглому. – Мы можем быть уверены в том, что убийца не один из нас.

– Согласен.

– Вероятнее всего, Овального убил Треугольный, пока мы все трое были в центре управления, – рассуждал Квадратный.

– Или Ромб, пока мы проверяли труп Трапеции, – добавил Круглый.

– Может, и Ромб, но у Ромба было меньше времени и возможностей, чем у Треугольного.

– Но отметать версию того, что убийца – Ромб, нельзя.

– Нельзя.

– Как будем дальше действовать? – спросил Круглый.

– Трапеция успела ввести все параметры для электрона, – рассуждал Квадратный, – она свою задачу выполнила. Если Треугольный успел настроить колебатор, то и он свою задачу выполнил. Мы могли бы и вдвоем закончить эксперимент.

– Ты предлагаешь убить их?!

– Как бы ужасно это ни звучало, но убийца один из них, – спокойно рассуждал Квадратный. – Или Ромб, или Треугольный. Если мы убьем их обоих, это даст нам гарантию успеха эксперимента.

– Я даже не знаю…

– Сейчас идем в центр управления. Убиваем Ромба. Как только Треугольный заканчивает настройку колебатора, убиваем и его. Потом отправляем электрон. – Квадратный отключил подачу энергии.

– Хорошо.

– Оружие Овального я заберу себе, ты не против?

– Забирай. Я тебе доверяю.

Квадратный и Круглый вышли из комнаты контроля подачи энергии в темный коридор. На ощупь двигаясь вдоль стены, они добрались до лестницы. Оказавшись в освещенном проходе, ученые переглянулись. Увидев уверенность в светоприемниках друг друга, они наполнились еще большей решительностью, но дальше крались осторожно. До двери в центр управления оставалась пара шагов. Круглый обернулся на коллегу. Тот сунул конечность в свой зоб и уверенно кивнул.

Когда Круглый показался в дверном проеме, Ромб и Треугольный уже целились в него из выжигателей. Круглый успел отскочить в сторону, но выстрелов не последовало.

– Что там?! – взволнованно спросил Квадратный, доставая выжигатель.

– Они целились в меня. – Круглый тоже вытащил оружие.

– Вы что задумали?! – крикнул Ромб.

– С чего вы взяли, что мы что-то задумали?! – ответил Квадратный. Они с Круглым отошли немного от прохода в центр управления, не опуская стволов выжигателей.

– Если появятся в дверях, сразу стреляем, – шепнул Квадратный. Круглый кивнул в ответ.

– Пропала подача энергии на колебатор. Вы ее выключили! И где Овальный? Он с вами? – спросил Треугольный.

– Овальный мертв, – сказал Круглый, – и одному из вас это должно быть хорошо известно.

– Из нас? – возмутился Ромб. – А разве не вы были у Овального?

– Когда мы зашли на подачу энергии, Овальный был уже мертв. Мы оба это видели. Убийца один из вас! – Квадратный прислонился к стене.

– А где гарантии, что вы не в сговоре? Или что ты, Квадратный, не держишь в заложниках Круглого, заставляя его все это говорить? – предположил Ромб.

– Вы считаете, что убийца один из нас, а мы точно так же думаем про вас! – крикнул Треугольный.

– Мы были у Трапеции. Кто-то взял ее выжигатель и убил им ее и Овального! – сказал Круглый.

– А с чего нам вам верить? Сначала докажите, что один из вас не держит в заложниках другого! – предложил Ромб.

– Я же только что хотел зайти к вам в комнату, – сказал Круглый.

– Да, хотел. Под прицелом Квадратного, – предположил Ромб.

– Выйди в коридор и посмотри, никто тут никого не держит в заложниках, – предложил Квадратный.

– Чтоб получить заряд из выжигателя? – не верил Ромб.

– Если мы сейчас не придем к какому-то согласию, то все окажется напрасным! – сказал Квадратный. – Убийца хочет сорвать эксперимент, и ему выгодно тянуть время. Сколько еще продержится поле? Может, мы уже не успеваем запустить колебатор!

– Давайте продолжим эксперимент, – предложил Ромб. – Мы остаемся тут, а вы идете на контроль подачи энергии и на пульт. Нам не обязательно попадаться друг другу на светоприемники.

– Не получится. – Треугольный говорил тихо, но его было слышно в коридоре. – Я не успел настроить колебатор. Они выключили энергию раньше.

– Зачем вы отключили энергию? – спросил Ромб.

– Затем, чтоб сначала вычислить убийцу, а потом продолжить

работу, – ответил Круглый.

– Если вы уверены в том, что убийца кто-то из нас, вам было бы проще убить нас обоих, без разбора, – предположил Треугольный, – перед этим заставив меня закончить с настройкой колебатора.

– Я считаю, что, вероятнее всего, убийца Треугольный, – сказал Квадратный. – Во-первых, Ромб не разрушил компьютеры, во-вторых, у Треугольного было больше времени, чтобы спуститься к Овальному. А Ромб мог убить Овального только тогда, когда мы были в модулях отдыха, проверяя Трапецию. В-третьих, Треугольный так и не настроил колебатор, возможно, он и не пытался!

– Если бы вы не выключили подачу энергии, я бы его настроил! Кто из вас придумал отключить энергию?! – спросил Треугольный.

– Я, – ответил Квадратный.

– Круглый, тебе не кажется это подозрительным?! Квадратный отключил энергию, чтоб тянуть время! – кричал Треугольный.

– Нет, не кажется, – ответил Круглый.

– Я уверен, что убийца уже выдал себя, нам надо только понять это, – спорил Квадратный. – Фактов достаточно, чтобы решить это уравнение. Если все сводится к тому, что вам двоим надо понять, является ли кто-то из нас заложником, то давайте решим эту проблему.

– Если бы Квадратный держал меня в заложниках, – начал Круглый, – я бы попробовал напасть на него. Он бы пристрелил меня и тем самым дал бы вам понять, что он убийца. Мы же все знаем, что после падения поля сюда ворвется армия и нас казнят. Какой смысл для меня оставаться заложником, если я все равно погибну сегодня? А то, что мы не в сговоре, и так понятно, ведь мы не убили Ромба.

В лаборатории все затихли в раздумьях.

* * *

Сашка, Лёня и Настя рассматривали раны друг друга.

– Неплохо вам досталось, – произнес Петров. Потом снял промокшую куртку и швырнул ее на парту. – Есть еще бинты или зеленка или… чем там можно рану помазать?

– А что у тебя? – спросил Лёня.

– Эта сволота мне руку насквозь проткнула. – Петров показал кисть и окинул взглядом класс, а потом подошел к Облакову,

лежащему между первым от окна и средним рядом парт.

– Он просто схватил отвертку и воткнул ее себе в пузо? – уточнил Петров. В этот момент Настя подала Сашке пузырек с зеленкой.

– Сначала он говорил какие-то несуразные вещи, – сказал Лёня, – жаловался на жизнь, на свою карьеру. И я считаю, что это все связано! Те люди выпрыгнули из окон, а наш учитель попытался зарезать себя.

– Еще он заплакал, – дополнила Настя.

– Бинт есть? – спросил Саша, вглядываясь в безэмоциональное лицо учителя, который находился в сознании.

– Нет, – ответила Настя.

Саша, сжав челюсти, налил немного зеленки сначала на одну сторону пробитой ладони, потом на вторую и поднял раненую руку.

Лёня с Настей, вздрогнув, резко обернулись на дверь, когда та снова затряслась и ручка опустилась. Сашка лишь хладнокровно покосился в ту сторону, буквально на мгновение.

– А о чем вы говорили перед этим? – Петров подошел к мерцающему окну. – Это случилось до того, как Солнце начало быстро летать, или после?

– Вообще-то, это мы летаем вокруг Солнца, Саша. В одиннадцатом классе такое пора бы знать, – услышал Петров язвительное замечание Дарвина, но решил проигнорировать его.

– Мы хотели тебя найти, побежали на четвертый этаж, там на нас напала Тамара Ивановна, – начала рассказывать Настя. – Потом Облаков ударил ее в лицо, но она успела порезать мне руки, а Лёньке грудь. Там такая возня была… просто жуть… Мы побежали от нее вниз на второй этаж и заперлись тут. Потом Облаков рассказал нам про фундаментальные законы Вселенной, а затем схватил отвертку и воткнул себе в живот. После того как мы его связали, на улице рассвело, потом стемнело, потом снова рассвело… И вот так до сих пор – туда-сюда. Дальше мы услышали твой крик из-за двери.

– Еще он нам выдал отвертки и молоток, – сказал Лёня. – Но я не готов пробить молотком голову человеку, уж извините, это без меня.

– А стулом Облакову влепил, – с усмешкой сказал Петров, глядя в окно на пролетающее солнце.

– Я ударил его, чтоб он не навредил себе. Да и чего сравнивать? Удар молотком в голову – это верная смерть, в отличие от удара стулом. – Дарвин подошел к Сашке и Насте и сел за парту, уставившись в окно.

Школьники какое-то время задумчиво смотрели на солнце,

снова и снова пролетающее по черному небу на фоне светящихся точек – звезд, которые единым узором поворачивались на заднем плане. Все небо вращалось! Это было зрелище одновременно потрясающее своей красотой и отвратительное, наводящее ужас.

Настя стояла справа от Петрова и думала о маме, в надежде, что та жива и сидит где-нибудь в подвале фабрики, на которой работает оператором. А еще девушка, хоть и презирала Петрова за его измену, была рада, что он жив. Лёня, выглядывая из-за спины Саши, размышлял о попытке самоубийства Облакова. А Сашка просто смотрел в окно на немыслимое представление, устроенное самой Вселенной или даже Богом. Юрий Эдуардович лежал на полу и глядел в потолок.

– Земля же не может резко ускориться? – нарушив тишину, произнесла Настя.

– Без какого-либо приложения к ней усилия сама по себе не может, – произнес Лёня. – Должна быть энергия, толкающая ее. А еще, летая с такой скоростью, планета бы слетела с орбиты Солнца и вылетела бы за пределы Солнечной системы. Да и при резком ускорении нас бы всех сдуло – все равно что если бы вы сели на крышу медленно движущегося автомобиля и водитель бы резко ускорился.

– Мне кажется, что там, наверху, время идет иначе, – сказал Петров.

– Да, я тоже думал над этим, – ответил Лёня.

– Тучи летают быстро. А еще начался дождь, и продлился он, может, секунды две, но вылилось очень много воды. Я как раз стоял на улице. – Петров сел на парту, за которой находился Лёня.

Саша с Настей сразу поняли, в чем дело, когда Дарвин встал и подошел вплотную к стене. Но один удар головой Лёня все же успел совершить, разбив себе лоб о бетонную стену класса, прежде чем Петров сбил одноклассника с ног.

– Давай веревки или скотч! – Саша навалился на Лёню и прижал его руки к полу. Дарвин извивался, но ничего не мог поделать с удерживающим его Петровым.

– Что делаем?! – Настя подбежала к Саше с мотком капроновых ниток. В этот момент Дарвин принялся биться затылком о пол.

– Скоро все закончится! – выкрикнул Лёня.

– Сейчас я переверну его на живот и заведу руки за спину, – с натугой говорил Петров, – а ты их свяжешь. Потом ноги.

Настя работала, как паук, метающий нить! Сашка сидел верхом на Лёне. Минут пять провозились они с брыкающимся Дарвином, который ну никак не хотел, чтобы его связывали. И

вообще, ему бы в окно прыгнуть или же продолжить разбивать себе голову обо что-то твердое. И даже после того, как Лёня оказался связан по рукам и ногам, упрямый суицидник (так его назвал Петров, когда Настя связывала ноги) снова поднял голову, прижав подбородок к груди, и со всей силы ударился затылком об пол.

– Да что же ты будешь делать! – Петров пожалел, что слез с Дарвина. Сашка сел сверху и прижал руками его голову к полу.

Еще Петров дал Лёне с большого замаха подзатыльник, объясняя это следующими фразами: «Достал, мать твою, урод жирный!» и «Скотина, почему я вообще должен спасать тебя?!» Вскоре Лёня угомонился и замолк. Тогда Саша волоком переместил его к Юрию Эдуардовичу.

Саша сел сверху на парту ряда возле окна, а Настя точно так же разместилась на парте в среднем ряду напротив Петрова. Пару минут они молчали.

Петров уставился на пышную грудь девушки.

– Ты чего это? – спросила она, нахмурившись. – Куда пялишься?

– Чего я там не видел? – Саша отвернулся.

– А можно подумать – видел! – возмутилась Настя. – У нас при свете с тобой ни разу не было! Видел он там… Небось еще и дружкам своим понарассказывал сказок про меня…

– В лифте было при свете, – сказал Петров.

– Я там верх не снимала!

– Ой, все!.. – отмахнулся Сашка. – Надо было почаще снимать, тогда все было бы хорошо.

– Как же я жалею, что доверяла тебе!

Петров, до этого смотревший в сторону связанных тел на полу, покосился на Настю и заметил, что та все еще сверлит его взглядом, прямо таращится своими большими, будто нарисованными глазами. Ух, злая!

Саша встал, а Настя надула губы так, что торчали они чуть ли не дальше носа. Петров помнил эту фатальную мимическую комбинацию лица девушки и понимал, что лучше отойти и замолчать, ну или хотя бы сменить тему, иначе можно получить. Настя пыхтела от ярости.

– Я должен связать тебя. – Сашка подошел к окну и поднял с пола моток капрона. – Мы не знаем, кто будет следующий.

Лицо Насти вернулось к базовым настройкам. Злость резко улетучилась – морщина между бровями разгладилась, а нос перестал сопеть. Девушка осознавала, что над ними нависла невидимая смертельная угроза.

– А тебя кто свяжет? – спросила она, когда Саша встал

напротив.

– Не знаю… Никто, – безразлично ответил Петров.

– Героя решил из себя изобразить? – Настя снова насупилась.

– Ложись.

Немного помедлив, девушка слезла с парты и легла на бок, заведя руки за спину.

– Только сильно не затягивай, – произнесла она.

Естественно, Настя не сопротивлялась, и Петров смог связать ее за пару минут. Саша осторожно отволок Облакова, Лёню и Настю (та возмущалась, мол, сразу не мог сказать, куда надо лечь?) поближе к доске, где больше свободного места, а сам сел за учительский стол.

– Что значит «надо было почаще снимать»? – спросила Настя, глядя на Петрова, но уже не так хмуро.

– То и значит. Нормально, по-твоему, что я за год отношений даже твою грудь голую ни разу не видел?! – Петров сам начал злиться. – Точнее, видел, но только в темноте.

– И что?! Я живой человек, я стесняюсь! А тебе только это и надо было!

– Да! Представь себе, мне это надо было. Но не только это! Это лишь часть отношений! И в этом нет ничего плохого! А вот то, что у нас с тобой два раза в месяц было, это нормально?! Еще и в темноте! И всегда все одинаково! И ничего не сделать с тобой! «Насть, давай так… Не хочу так… Насть, а может, так встанешь? Нет, Сашенька, так у меня все видно…» Ну и иди ты со своим «все видно». Сама виновата!

– Я специально с тобой в лифте тогда застряла! Я понимала, что тебе не хватает, и хотела показать, что я готова идти тебе навстречу! Но потихоньку!

– Вот только там, стоя в лифте, тоже ничего не было видно. Я там видел твой затылок. – Петров повернулся к окну, снова махнув на Настю рукой.

– Ну и пошел ты! Ищи себе шмару какую-нибудь, которая будет перед твоим лицом трясти своими… своим… жопой своей!

– Какая же ты бестолковая, – не глядя на девушку, произнес Саша. – Ничего ты опять не поняла…

– Это ты ничего не понял!

Петров развернулся на стуле, пододвинулся ближе к окну и в очередной раз уставился на небо в ожидании необузданного желания убить себя. Ему казалось, что желание должно прийти изнутри и быть настолько сильным, чтобы Саша захотел разбить себе голову молотком или воткнуть в себя отвертку. Петров решил, что смерть от удара молотком в голову будет самой быстрой. Сашка встал, взял с парты молоток и снова сел на

учительский стул. Он ждал зова смерти. Вспоминал Нину Алексеевну, учительницу русского языка, которая покоится на четвертом этаже с воткнутым в горло карандашом. Петров не любил ее – в принципе, как и всех учителей этой школы, – но сейчас ему стало ее жаль. Он представил, как женщина, повинуясь чьей-то деструктивной воле, снова и снова бьет себя карандашом в горло, падает на пол, продолжает бить, ползет, хрипит, а потом замирает.

– Дождь так странно шел, – неожиданно раздался хриплый голос Облакова, – потому что наверху туча успела вылить из себя всю воду за более короткое время, чем то, что прошло на Земле. Наверху время идет быстрее. Нам казалось, что туча несколько секунд пролетала над нами, в ускоренном для нас времени, но для тучи время шло с обычной скоростью. Поэтому на тебя и обрушился дождь водопадом.

Не перебивая учителя, Петров дослушал его речь, а потом задал ему вопрос:

– Ты как?

Юрий Эдуардович не ответил, потому что не понял, к кому обращается Петров.

– Юрец, ты как, говорю? – снова спросил Сашка.

– Я для тебя Юрий Эдуардович, – недовольно произнес Облаков.

– Да ладно тебе, нам, может, жить осталось считаные часы, а ты волнуешься, как я к тебе обращаюсь? Юрец ты, Юрец… – Петров недовольно покачал головой.

Облаков покосился на парня и уже хотел что-то ответить, но в этот момент мерцание на улице ускорилось, а потом прекратилось, и вновь стало темно. Петров встал и подошел к окну. Учитель, лежа на полу, мог видеть часть неба. Теперь вместо солнца показалась линия, тянущаяся по всей видимой части небосвода, будто наше светило, двигаясь по небесному куполу, оставляло за собой желтый след, а вместо звезд на заднем плане образовывались кольца – некоторые большие, некоторые маленькие, а некоторые настолько огромные, что видно было лишь их часть. Кольца эти, очевидно, прочерченные звездами, имели разную толщину и цвет: одни горели желтым, другие – красным, третьи – белым. Настя лежала спиной к окну и не видела этого ужасающего небесного калейдоскопа.

Дарвин заохал и громко задышал, но удивленные Петров и Облаков не обратили на него внимания. Настя обратила – повернулась к Лёне, но, заметив, как учитель и Сашка смотрят в окно, сама, разинув рот, уставилась в небо, точнее, в тот небольшой кусок, который был виден с ее ракурса.

– Это еще что? – спросил Дарвин.

– Почему вместо Солнца линия? – спросил Петров.

– Нет там никаких линий, это иллюзия, – ответил Облаков.

– Как нет? А это что? – Петров взглянул на учителя.

– Наверху время стало течь еще быстрее, – сказал Юрий Эдуардович. – Из-за большой скорости движения небесных тел мы видим их в виде линий. Все эти звезды пролетают над нами в сотни или тысячи раз быстрее, чем должны.

– То есть Земля вращается вокруг своей оси с такой скоростью, что мы воспринимаем Солнце в виде линии? – уточнила Настя.

– Скорость нашего вращения прежняя, просто время в космосе идет иначе. Да, из-за этого мы видим Солнце в виде линии, в виде кольца вокруг Земли, – ответил Облаков. – И звезды тоже. Ведь звезды на небе делают, с нашей точки зрения, круговые движения.

– А почему снова темно? – спросила Настя.

– До того как все ускорилось, когда Солнце всходило над нами, мир погружался во тьму. Сейчас из-за огромной скорости времени Солнце всегда над нами, – сказал Облаков и задумался на мгновение, а потом добавил: – Хотя точно так же Солнце не постоянно над нами. Я даже не знаю… Теперь все подчиняется непонятным для меня правилам. Я думаю, что тьма мерцает с очень быстрой скоростью, и поэтому мы видим, если можно так сказать, только мрак, хотя, по логике, должны видеть исключительно свет.

– Если мы летаем вокруг Солнца, то почему мы воспринимаем его проносящимся с такой большой скоростью? – спросил Лёня. – По идее, если там время ускорилось, то для нас должны с большой скоростью летать луна, тучи, может, другие звезды и объекты, не связанные с нашей Солнечной системой. Солнце должно двигаться с обычной скоростью, потому что оно относительно нас и не движется вовсе. Это мы движемся относительно него. В случае ускорения времени за пределами Земли мы бы видели на Солнце ускоренное его вращение вокруг своей оси, протуберанцы бы у него вылетали быстрее, ну не знаю там… Например, еще из-за своего эксцентриситета оно бы как-то быстро колебалось, но мы бы никак не воспринимали его летящим вокруг Земли с такой скоростью.

Облаков лежал, с полминуты задумчиво глядя в окно.

– Смотря что принять за центр Вселенной, – произнес он.

– У Вселенной нет центра, – сказал Лёня, – центром можно считать любую точку пространства.

– Как так? – вмешался Петров. – Разве нет места, где случился

Большой взрыв?

Петров как-то смотрел научную передачу про возникновение Вселенной, поэтому мог поддержать разговор хотя бы вопросами.

– Большой взрыв случился в любой точке пространства, – пояснил учитель.

– Как это понять? – спросил Петров.

– Вселенная расширяется, – начал Облаков, – само пространство расширяется. Все разлетается в разные стороны. И за точку, относительно которой все это происходит, можно принять любое место в пространстве, хоть тут, в школе, хоть возле Юпитера или даже Андромеды.

– Не может быть, – возразил Петров. – Если что-то взрывается, то есть эпицентр взрыва, место, откуда все разносится по сторонам.

– Саша, представь себе огромный надувной шарик.

– Ну.

– Теперь представь, что ты стоишь на этом шарике.

– Ну.

– Не нукай, Петров, ты опять забываешь, с кем разговариваешь! – Облаков грозно посмотрел на Сашу. Петрову он показался забавным – злится Юрец, ну пусть злится. Саша не стал дразнить его, потому что уж очень было интересно Петрову дослушать про огромный надувной шарик.

– Хорошо, я представил, как я стою на этом шарике, – спокойно произнес Саша.

– А теперь представь, что кто-то начинает этот и без того огромный шарик надувать. Ты видишь вокруг себя, как резиновое покрытие, растягиваясь, убегает от тебя в разные стороны. Представил?

– Да.

– Ты смотришь себе под ноги, и под тобой поверхность шарика никуда не двигается, ты остаешься на месте, а все медленно удаляется, растягивается в разные стороны от тебя.

– Да.

– То есть ты – статичный объект и поверхность под тобой неподвижная, а отодвигается все вокруг потому, что шарик растягивается. Ты видишь, что ты остаешься на месте, а все вокруг…

– Да понял я, чего повторять одно и то же.

– Хорошо. Шарик продолжает надуваться. Ты проходишь по нему, допустим, метров десять и останавливаешься. Смотришь себе под ноги и снова видишь, что покрытие под тобой остается неподвижным, а все вокруг удаляется от тебя в разные стороны, растягивается точно так же, как если бы ты стоял в любой другой

точке поверхности этого шарика.

– Где бы я ни оказался на этом растягивающемся шарике, всегда мне будет казаться, что покрытие этого шарика вокруг меня отодвигается, когда его надувают, а я и резина подо мной остаемся на месте. – Петров порадовался, что понял мысль.

– Да. Так и наша Вселенная расширяется. И в каком бы месте пространства ни оказался, ты будешь видеть, как все вокруг убегает в разные стороны. Но заметно это расширение пространства только в масштабе галактик. Например, расстояние между тобой и мной или Землей и Солнцем не увеличивается. А вот между галактиками возрастает, хотя есть и некоторые пары галактик, которые притягиваются друг к другу из-за гравитации, потому что они очень близки друг к другу, но в целом все пространство продолжает расширяться с момента Большого взрыва.

– Тогда Большой взрыв надо было назвать Большим расширением, – предложила Настя.

– Юрий Эдуардович, – раздался голос Лёни, – к чему вы начали про расширение говорить?

– Мы начали с вопроса, почему мы видим в условиях временной аномалии, как все летает вокруг нас. – Облаков, превозмогая боль в животе, перевернулся на другой бок. – Я предположил, что теперь все зависит от точки зрения. От того, за что мы примем центр Вселенной.

– Земля не является центром Вселенной, – сказал Петров.

– Выходит, что теперь является. – На лице Облакова мелькнула еле уловимая улыбка. – Точно так же, как и другая любая точка пространства может быть принята за центр Вселенной.

– Как вы можете такое говорить? Это противоречит всем законам физики! – сказал Лёня.

– А нет уже никакой физики, – без эмоций произнес Облаков. – Или как ты иначе собираешься объяснить все происходящее? Никак. Если все летает вокруг нас, значит, теперь мы центр мира. Это наша точка зрения. Я думаю, если бы мы были на Марсе, то видели бы, как все летает вокруг Марса. Где бы мы ни оказались, мы могли бы принять это место за центр, за ось вращения Вселенной.

– Вы сказали, что у Вселенной нет центра? – Теперь уже Петров запутался в рассуждениях Облакова.

– Не путай. Я говорил, что у расширения Вселенной нет эпицентра, по аналогии с расширяющейся поверхностью шарика. Но поверхность шарика была моделью расширяющегося пространства, а не моделью движения небесных тел. Но теперь

выходит, что и в движении материи за статичную точку, за ось, за центр можно принять любое место. Это невозможно, но, судя по тому, что я вижу за окном, теперь это так.

– Что значит фраза «в движении материи за статичную точку можно принять любое место»? – спросил Петров.

– Представь себе часы со стрелками, – Облаков попытался снова провести аналогию. – Часы лежат на полу, а стрелки движутся относительно неподвижных часов. Часы – это Солнце, стрелки – это планеты. А теперь представь, что на самом деле часы движутся относительно секундной стрелки, а не наоборот. То есть ты берешь часы за секундную стрелку и поднимаешь их. Стрелка в твоей руке неподвижна, а часы начинают вращаться вокруг стрелки. Это всего лишь точка зрения. Именно это мы сейчас наблюдаем на небе. С нашей точки зрения, Земля неподвижна. Земля – это секундная стрелка, а часы – это даже не Солнечная система, а вся Вселенная.

– И если где-нибудь в другой звездной системе есть тоже разумные существа, то выходит, что для них мы вместе со всей Вселенной летаем вокруг их планеты так же, как и нам кажется, что все летает вокруг нас? – спросил Петров.

– Я думаю, да, – ответил Облаков. – Хотя на сто процентов сейчас нельзя быть уверенным вообще ни в чем.

– Это какой-то бред, так не может быть, – сказал Лёня. – Это разрывает ход времени. Тут будут нестыковки в движении небесных тел и нестыковки во времени. Это парадокс!

– А гравитационная аномалия, из-за которой я чуть в космос не улетел, не парадокс? – возразил Облаков.

– Погодите! Я, может, немного не по теме, но мне тут пришла мысль, – начал Петров. – Меня окатило ливнем, чуть ли не водопадом, потому что, с моей точки зрения, туча вылила всю воду гораздо быстрее, чем могла. А тепло от Солнца к нам так же должно идти? То тепло, которое Солнце нам отдает за годы, сейчас должно разойтись за мгновения и изжарить всех?

– А ты молодец, Петров, – сказал Облаков, – чего же ты на уроках так не мыслишь?

– На уроках мне неинтересно, – ответил Саша.

– А жаль. Ну да ладно, это уже неважно. – Облаков посмотрел на Петрова: – Как ты мог заметить, Солнце, вопреки всем прошлым законам физики, сейчас не греет и не освещает Землю. Его свет дает нам тьму. Потому мы и не сгорели от неимоверного излучения, которое пришло бы от него или из космоса в целом.

– А как часто на Землю падают большие метеориты? – спросила Настя.

– Да! – воскликнул Лёня. – Если там, в космосе, время

ускорилось в… допустим, в тысячи раз…

– Больше, – перебил парня учитель.

– …то любая угроза из космоса может прилететь в ближайшее время! – закончил свою мысль Лёня.

– Нам остается только ждать финала, – хладнокровно заключил Облаков.

Когда Петров в очередной раз кинул взгляд в окно, он уже даже не удивился новому изменению внешнего вида неба – полоса, прочерчиваемая Солнцем, до этого равная диаметру звезды, стала шире в несколько раз.

– Там опять что-то произошло, – Петров указал рукой на окно и посмотрел на Облакова.

– Я этого ждал, – сказал учитель. – Ничего удивительного, учитывая нынешние реалии. Солнце кажется шире, потому что его высота над горизонтом меняется в разное время года.

– А можно как-то понятнее сказать? – произнесла Настя.

– Допустим, у тебя в руке фонарик, – Облаков снова вернулся к аналогиям. – Ты очень быстро машешь рукой из стороны в сторону. Лампа фонарика рисует линию. А теперь ты еще и начинаешь приседать. Машешь ты с невозможной скоростью и приседаешь тоже так быстро, что глазу твои приседания не заметны. Какой рисунок будет чертить лампа фонаря?

– Прямоугольник получится, – ответила девушка.

– Время снова ускорилось, – сказал Облаков, – теперь годы слились в мгновения.

Петров вернулся за учительский стол и положил молоток перед собой.

– Дарвин, когда ты пытался разбить себе голову, ты ничего не осознавал? – спросил Саша.

– Осознавал, но это был как будто не я. Мне очень сильно захотелось убить себя, все мысли были лишь об этом. – сказал Лёня. – Сейчас мне легче.

– Я ощутил то же самое, – произнес Облаков.

– Вы говорили что-то про вашу карьеру, – напомнила Настя.

– Я не собираюсь это обсуждать, – ответил учитель, – это мое личное…

– Нас можно уже развязать? – спросил Дарвин.

– Не стоит. – Облаков, до этого смотревший в окно, опустил голову на пол. – Нет гарантий, что этот психоз не начнется снова. Думаю, что лучше пока остаться связанными.

– А с Петровым что делать? – спросил Лёня. – Если он сейчас надумает наложить на себя руки?

Облаков не знал, как разрешить эту ситуацию. Хотя у него были мысли, но нет… или…

– А почему нет? – произнес учитель сам для себя. – Почему же нет? Петров, ну-ка развяжи меня.

– С чего бы это? – спросил Сашка.

– Я должен занять твое место.

– Ты о чем?

– Не «ты», а «вы»! – злобно произнес Облаков.

– Юрец, ты давай завязывай с этим. Как хочу, так и называю.

– Развяжи меня!

– Нет.

– Ты еще молодой, а я уже пожил.

– И что?

– Я свяжу тебя, чтоб ты не смог ничего с собой сделать.

– Какая забота! Спасибо, не надо.

– Развяжи меня!

– Юрец, ты меня утомляешь. Схоронись.

– Саша!

Петров перестал спорить с учителем и начал игнорировать его просьбы. Сашка решил, что Облаков пытается хитрить, и как только учитель будет развязан, сразу же или сиганет в окно вниз головой, или схватит молоток и расшибет себе башку. Понимая, что и Облаков, и Лёня во время приступов суицида были в сознании, Саша предположил, что сейчас учитель вполне себе может выстроить такой хитрый план и находиться как раз таки в состоянии суицидального психоза.

Саша взял молоток и пошел по классу, рассматривая развешанные портреты известных физиков: Клерка Максвелла с нелепо раздвоенной бородой (как показалось Петрову), Нильса Бора, почему-то запечатленного тут с табачной трубкой (чему он учит детей!), Исаака Ньютона со смешными белыми бигудями на голове, Альберта Эйнштейна с невысунутым языком, Андрея Сахарова в квадратных очках, усатого Макса Планка, выглядевшего в глазах Петрова самым хилым. Случись массовая драка этих ученых, то, несомненно, как подумалось Сашке, Планк отхватил бы первым и храпел бы в свои усы, будучи в нокауте. Когда Петров дошел до Ломоносова, парень сразу понял, кто занял бы первое место в кулачном бою физиков.

Отбросив мысленные хохмы в сторону, Петров обратил внимание на сходства в выражениях лиц на портретах. Почти у всех этих деятелей науки был глубокий спокойный взгляд с немного прикрытыми веками. Возможно, слегка прикрытые веки и спокойствие – это показатель интеллектуального человека? Петров не знал. В его компании все всегда друг на друга выпучивали глаза и орали. Потом дрались. Еще иногда блевали, переводя драгоценный алкоголь.

– Саш, – крикнул Облаков, – подойди, пожалуйста!

Петров нехотя, вальяжной походкой, подбрасывая молоток в руке, добрел до связанной троицы.

– Сейчас мы попробуем рассчитать, с какой теперь скоростью течет время во Вселенной, – сказал учитель. – Вытащи из моего правого кармана брюк телефон.

– И как вы это сделаете? – спросил Лёня.

– Сейчас узнаешь.

Петров молча выполнил указание.

– Дальше: возьми линейку и отметь на доске мелом две точки вертикально одну над другой, и чтоб между ними был ровно метр.

Саша подставил метровую линейку, лежащую на полке под доской, и два раза ткнул мелом.

– Готово, – сказал Петров. – И дальше что?

– Возьми два телефона и запусти на них таймер на минуту. Один телефон держи возле нижней точки, второй – возле верхней, – сказал Облаков, – только старайся запустить таймер одновременно.

– Вы думаете, наверху минута пройдет быстрее, чем внизу? – спросила Настя.

– Не знаю, может, на минуте разница и не будет видна, но интересно попробовать.

Когда через минуту оба телефона одновременно зазвенели, Облаков расстроенно цокнул, а потом произнес:

– На разнице в один метр временное искажение не такое существенное, чтоб его заметить, засекая минуту. Надо или увеличить расстояние, или засечь час, может, два, может, день.

– Я не собираюсь стоять так с телефонами в руках час, а тем более день. – Саша сунул оба телефона себе в карман.

– Телефон, – недовольно пробурчал Облаков.

– Ой… Я случайно.

Саша вернул аппарат учителю в карман. Сложив руки за спиной, продолжил прогуливаться по классу, иногда поглядывая в окно.

– Мне надо в туалет, – произнес Дарвин.

– В трусы… – бодро ответил Петров.

– Нет! Ты что? – возмутилась Настя.

– Со мной все в порядке, – сказал Лёня. – Ты не имеешь права держать меня связанным. Давай развязывай!

Петров молчал.

– Развяжи меня! Тварь! – завизжал Лёня, от чего Петров аж вздрогнул. – Развяжи! Развяжи, скотина! Урод!

Лёня орал так, будто в него вселились бесы, что, возможно,

походило на правду… Петров спокойно подошел к парню и придавил его лицо коленом. Настя откатилась от Лёни и Облакова ближе к двери, которая вновь затряслась – медсестра ждала свою добычу.

– Закрой свой поганый рот, Дарвин! – злобно произнес Петров. – Если мы выживем, я обещаю, что превращу твою жизнь в ад! Я тебе все ботинки захаркаю! Каждый день я буду отбирать у тебя деньги! А еще я буду раздавать тебе такие пинки, что жопа будет синяя, как слива!

– Ты импотент! Мне Настя рассказала! – Лёня плюнул в лицо Петрову.

Саша замахнулся на него молотком.

– Еще одно слово, и я убью тебя! – заорал Петров.

– Импотент! – орал Лёня, которого невозможно было узнать. – Не можешь бабу удовлетворить! Давай! Бей! Бей, девчонка!

– Дарвин! Замолчи! – Настя снова расплакалась. – Ты все врешь!

И тут до Петрова дошло. Он опустил молоток и отошел от Лёни, скалящегося и яростного.

Петров сел на край стола парты и, поджав губы, закивал головой.

– Все ясно, – тихо сказал он и глубоко вздохнул.

– Саша! Я не говорила ничего такого! – воскликнула девушка.

– Я знаю, Насть. Все нормально. – Петров пытался успокоиться. Он понимал, что сейчас тут, возможно, он один находится в адекватном состоянии. Но надолго ли?

– Слабак! – кричал Лёня и бился затылком об пол. – Трус!

Через несколько минут Лёня угомонился.

* * *

Петров прохаживался по классу. Облаков лежал молча, свернувшись калачиком, а Настя периодически всхлипывала. Медсестра за это время еще несколько раз дергала дверь, но на нее уже никто не обращал внимания. В какой-то момент Петров оказался возле окна и увидел очередные изменения на небе, на которые он вначале решил не реагировать, но любопытство все же взяло верх, и Сашка задал Облакову вопрос:

– Почему некоторые линии стали зелеными?

Учитель нахмурился и посмотрел на Петрова.

– Вот… раз, два, три, четыре… четыре линии позеленели. – Саша стоял спиной к Облакову и одноклассникам.

Учитель лежал ближе остальных к окну и мог видеть небо

почти как Петров, хотя и чуть хуже – видно ему было только две зеленые полосы, но этого оказалось достаточно, чтобы сделать вывод и объяснить причину «позеленения» небесного тела, а точнее, света, исходящего от него.

– Объяснишь, что с этой звездой? – спросил Петров.

– «Объясните», – недовольно произнес учитель.

– Хорошо, Юрец. Вы! Вы объясните нам, что теперь происходит? – Сашка повернулся к учителю, который с невообразимо недовольным видом пялился на Петрова. У Сашки сложилось впечатление, что Облакова, кроме субординации, сейчас больше ничего и не волнует. «Ну идиотизм же! – думал Петров. – Какая тебе разница уже, дурень ты ученый?»

– Юрий Эдуардович, – посаженным голосом произнесла Настя, – что на небе опять происходит?

– Они стали зелеными, потому что видимая часть спектра света сместилась в зеленую область, – произнес Облаков.

– Я ничего не понял. – Петров разглядывал разноцветные узоры на небе.

Лёня подполз ближе к окну, а следом и Настя.

– Длина волны света, исходящего от этих звезд, изменилась, и мы стали воспринимать этот свет зеленым, а не желтым или красным? – предположил Лёня.

– О, Дарвин! – Сашка обернулся к пареньку. – Очухался, дорогой мой толстячок?

Дарвин взглянул в глаза Петрову, ничего не ответив.

– Да, Лёня, – сказал Облаков, – вот только это не звезды, а галактики. Звезды в Млечном Пути не могут сместить спектр своего излучения и стать зелеными.

– Почему? – спросил Петров. – Светили звезды красным светом, а теперь начали светить зеленым.

– Нет. Это не звезды, это другие галактики, и единственная причина, по которой эти галактики могли стать для нас зеленого цвета, – это ускоренное сжатие нашей Вселенной, – заключил Облаков.

– Сжатие? – спросила Настя. – Вы же много раз говорили, что Вселенная расширяется?

– Говорил. Но также я сказал, что физика умерла. Нам, кстати, тоже жить осталось недолго. Вообще всем. Всем и всему, что есть. Вселенная погибает, – с тоской произнес Облаков.

Петров подумал, что у Юрия Эдуардовича снова начинается приступ суицидальной активности, и вот-вот Облаков станет биться головой об пол, просить убить его, а может, польются из него сейчас провокации, как из Дарвина, но вместо этого учитель продолжил свою теорию:

– Вы все знаете, как мы видим цвет. В зависимости от того, какой длины волна излучения от объекта, таким и будет его цвет.

– Если длина волны солнечного излучения метр, то я вижу свет Солнца желтым, а если десять метров, то я увижу Солнце синим или зеленым? – спросила Настя.

– Ну… – начал Облаков, – примерно, да, только там не метры, а нанометры. Если длина волны света от галактики составляет примерно семьсот нанометров, то эту галактику мы видим красной. Наш глаз так устроен, вот воспринимает он свет с длиной волны в семьсот нанометров как красный, и все. А если длина волны начинает уменьшаться, то цвет начинает меняться в сторону желтого, потом зеленого, синего, фиолетового и дальше выходит за видимый глазу диапазон спектра.

– То есть, если мы видим теперь эти галактики зелеными, это значит, что длина волны света от них стала короче? – уточнил Петров.

– Да, – сказал Облаков, – теперь длина волны света, исходящего от этих галактик, равна примерно шестистам-пятистам нанометрам.

– А как длина волны света может стать короче? – спросила Настя.

– Например, если пространство между тобой и галактикой начинает сжиматься, то и свет в этом пространстве тоже будет сжиматься, и длина волны будет укорачиваться, и чем сильнее сжимается пространство, тем меньше становится длина волны и тем ближе будет цвет этой галактики к фиолетовому.

– Погодите! – Петров развернулся и сел на подоконник. – Вы сейчас сказали, что пространство между нами и теми зелеными галактиками сжимается и сжимает световые волны? С чего вы вообще это взяли?

– С того, Петров, что это называется «доплеровское смещение». Это не я придумал. Я сейчас лишь констатирую изменение цвета далекой галактики в сторону синей части видимого спектра.

– А других нет объяснений? – спросила Настя.

– У меня нет, – сказал Облаков. – И если дальше цвет этих галактик станет синеть – именно синеть, ведь чтоб дойти от красного до синего, надо пройти зеленый и желтый, – так вот, это будет означать, что пространство между нами и этими галактиками сжимается еще быстрее, сжимая длину волны света от этих галактик.

– Это значит, что галактики летят нам навстречу? – спросила Настя.

– Получатся, что да. Хотя они могут лететь куда угодно, но

сама ткань пространства сжимается и стягивает все в одну точку, возможно, обратно в сингулярность, – сказал Облаков.

– Синее смещение – это противоположность красному смещению, – сказал Дарвин. – Красное смещение говорило о расширении Вселенной. А синее, выходит, теперь говорит нам о сжатии. Снова все наоборот.

– Солнце не светит, а создает тьму, люди хотят умереть вместо естественного желания жить, Вселенная, вместо того чтоб расширяться, сжимается, – рассуждал Облаков, – и происходит все это с невероятной скоростью.

– Юрий Эдуардович, – начал Лёня, – если мы увидели свет от этих галактик измененным, а изменился он, видимо, не так давно, в тот момент, когда начались парадоксы, и вот этот свет сейчас дошел до нас, то выходит, время там течет с невозможно быстрой скоростью! В миллионы раз быстрее!

– Если бы в миллионы… – произнес Облаков себе под нос.

Петров напряженно слушал их диалог, пытаясь понять как можно больше. И понимал, ведь ему было чертовски интересно и страшно.

– А большинство людей на Земле, скорее всего, уже совершили самоубийство… – Настя снова заревела. – И мы на очереди… В любую секунду Сашка убьет себя, а следом и мы что-нибудь с собой сделаем…

* * *

Два месяца назад

Приглушенный свет лампы нежно растекался по письменному столу, за которым плечом к плечу сидели Настя и Саша. Этим сентябрьским вечером в комнате девушки Петрову было жарко не только из-за духоты на улице. Настины белая майка и короткие домашние хлопковые шорты манили Сашку. Он представлял, как срывает их одним движением вместе с трусами. Верх Петров бы тоже с нее стянул, а вот розовые носочки можно оставить, так даже лучше. Сам же парень сидел в черной футболке и черных джинсах, которым было уже года два, и они стали ему малы еще в прошлом году. Правый носок был с дыркой на пятке. Но на одежду у Сашки лишних денег не нашлось.

Петров косился на лямку черного лифчика девушки, съехавшую к краю плеча. Настя поправила ее и ткнула пальцем в геометрический рисунок к задаче.

– Вот у нас цилиндр, в который вписан другой цилиндр поменьше, – учительским тоном произнесла она.

«Специально, что ли, надела черный лифчик под белую майку», – думал Петров, переведя взгляд в учебник.

– Задача – найти заштрихованную область между цилиндрами. – Настя посмотрела на Петрова: – С чего ты начнешь?

У Петрова выступил пот от серьезного взгляда Насти, а еще от вида ее растекшихся по стулу ляжек, на которые он невольно пялился. Сашка сглотнул.

– Саш, ты вообще тут или летаешь в облаках? – спросила она.

– Тут, тут. С чего, говоришь, начнем? Может, начнем с… – Саша нежно провел рукой Насте по талии.

– Так! Перестань! У нас есть год, чтоб тебя подтянуть! Ты это понимаешь? – Настя убрала его руку.

– Понимаю, понимаю, – недовольно ответил парень.

– Как ты подступишься к этой задаче? – спросила Настя.

Прочитав мысленно условие, Сашка предположил в уме, что надо взять объем большого цилиндра и… снять с нее лифчик как-нибудь… боже… потом взять объем маленького цилиндра и… сложно было Саше сосредоточиться, учитывая, что последний раз с Настей он был две недели назад… потом… потом… тужился Петров, прогоняя пошлые мысли… потом надо вычесть объем маленького цилиндра из объема большого.

– Да, молодец! – Настя заулыбалась, когда Петров озвучил

все, что думал (кроме желания снять с девушки лифчик). – Дальше что делаем?

«Сказал бы я тебе, что дальше надо делать», – подумал Саша. Произнес он, конечно же, другое:

– Дальше надо как-то посчитать объемы этих цилиндров.

– Как?

– По формуле.

– По какой?

– По формуле расчета объемов цилиндров.

– Какая это формула?

– Геометрическая.

– Саш?

– Что?

– Ты издеваешься.

– Почему?

– Ты понимаешь, что после школы я уезжаю учиться? Если ты не сможешь поступить вместе со мной, то мы расстанемся навсегда, я не хочу этого допустить. Я должна подтянуть тебя. Ты вообще осознаешь это? Сейчас тебе надо бросить все силы на учебу.

– Да я бросил же, вот сидим… учимся.

– Хорошо, как посчитать объем цилиндра?

– Я не помню, как это обозначается, но тут, наверное, как и с кубом – надо взять основание и умножить на высоту?

– Да, молодец. А дальше?

– Ну… дальше считаем оба объема и вычитаем.

– Давай.

– Что давать?

«Лучше бы ты дала», – промелькнула мысль у Петрова, и он сжал челюсти, представляя, как…

– Чего ты меня все разглядываешь? – Настя цокнула и вздохнула: – Мы или занимаемся, или нет. Я готова помочь тебе, я хочу помочь тебе. Ты должен осознать всю серьезность. После школы ты или уедешь со мной, или пойдешь в армию.

Саша одной рукой обнял Настю, а другой слегка сжал ей грудь и с улыбкой шепнул на ухо:

– Может, мы сначала поваляемся на диванчике твоем, а потом продолжим с геометрией?

Девушка снова убрала его руку от себя. Петров переменился в лице и вскочил из-за стола. Пнул табуретку, на которой сидел, и выпалил:

– Я тебя вообще не привлекаю как мужчина?! – Саша навис над Настей.

– Не ори на меня! – Девушка смотрела на Петрова

исподлобья.

– А ты перестань меня игнорировать!

– Я не игнорирую тебя! Во-первых, у меня дома мама, во-вторых, дверь не запирается, в-третьих, мы пришли заниматься геометрией! А это… Я не хочу сегодня этого… Вот не хочу, и все!

– Да ты никогда не хочешь!

– Неправда!

– Два раза в месяц у нас бывает! Отлично! А мне что делать?! Изменять я тебе не хочу, но ты дождешься, я найду себе кого-нибудь, кто будет всегда хотеть!

– Ты мне угрожаешь?! – Настя встала. – Да пожалуйста, ищи себе шлюху! Достал уже!

– И найду! – Петров поднял с пола свой рюкзак, сунул туда тетрадь и выскочил как ошпаренный из комнаты, а вскоре Настя услышала, как хлопнула входная дверь.

Девушка заплакала.

* * *

Разъяренный Петров бодрой походкой шел домой и курил, а мысли его кипели, поднимая градус агрессии. На часах было девять вечера. На окраине их городка с населением в восемь тысяч человек в это время на улице почти никого не было, за исключением изредка проезжающих машин. Саша шел мимо сельских одноэтажных деревянных домов (каменные пятиэтажки были только в центре) по разбитому асфальтовому тротуару, освещенному оранжевыми фонарями на железобетонных столбах. Шел, курил и кипел.

«Найду вот себе бабу, – думал Петров, – будет у меня все как у людей. Как у всех нормальных пар. А эта дура ничего не понимает. Можно подумать, я к ней плохо отношусь. Доиграется она. Сама потом будет жалеть. И ведь плевать ей на то, что у нас вечные скандалы из-за этого! Ничего не хочет делать. Оно только мне одному надо?»

За двадцать минут парень добежал до дома, выкурив четыре сигареты. Жил Саша в квартире на третьем этаже, как раз около центра города. Настя, кстати, жила в деревянном доме на участке в пять соток, с огородом, курами и козой по имени Палка. Почему Палка? Потому что худая.

Прежде чем открыть входную дверь, Петров подготовился к неприятному зрелищу или разговору или еще к чему-нибудь нехорошему, потому как мать его, Светлана Петрова, после смерти мужа и по совместительству отца Сашки взяла курс на

разгульную жизнь. Два года уже Саша наблюдает у себя в квартире алкогольные посиделки, каждый месяц – новых мужиков и постоянные драки, крики, ссоры – примерно все то, что происходит и в компании Петрова. Может, это гены или дурное влияние окружения, но Сашка, при всей своей ненависти к матери, вел себя на самом деле точно так же, как и она. Яблоко от яблони, как говорится. Отец у Петрова тоже пил. И дед. Все от алкоголя померли. Выбраться самостоятельно из этого омута у Саши шансов не было.

Зайдя в квартиру, Петров удивился тишине – матери дома не было. Парень разулся и прошел к себе в комнату, взял там линейку со стола и направился в ванную. Петров разделся и встал перед зеркалом так, что видел себя по пояс. Сашка недовольно рассматривал свое худощавое тело.

«Конечно, она не будет смотреть на меня и уж тем более хотеть. – Саша попытался напрячь грудные мышцы, но напрягать там было нечего. – Дистрофик какой-то. Шестьдесят пять килограммов при росте метр восемьдесят… да уж… мало. Мышц не хватает. А таким нравятся мускулистые парни».

Включив душ, Петров залез в ванну, представляя Настю без шорт и трусов. Придя в боевую готовность, Сашка приложил линейку и совсем приуныл, увидев «его» окончание на значении пятнадцать сантиметров. Петров изо всех сил представлял Настю, стоящую в разных позах, в надежде, что «он» из-за интенсивного притока крови дотянется хотя бы до отметки в шестнадцать сантиметров, но орган больше не увеличивался.

Саша сел, зажмурил глаза и подставил лицо под струю душа. Возбуждение быстро спало из-за мыслей о собственной никчемности и бессмысленности.

Через полчаса парень вышел из ванны и наткнулся в коридоре на мать в объятиях какого-то мужика.

– О, Сашок, – произнесла заплетающимся языком женщина.

Петров замер, брезгливо разглядывая маму.

– Что ты смотришь так? Осуждаешь меня, да?

Мужчина, не обращая внимания на парня, целовал пьяную женщину в шею. Сашка молча зашел в свою комнату и заперся.

– В сорок лет еще не поздно выйти замуж! – крикнула мама, возможно, сыну, а возможно, это был намек ее новому ухажеру. Хотя вряд ли за ней кто-то ухаживал, ведь там достаточно было просто купить выпивку и получить все, что нужно.

Петров лег спать.

* * *

Будильник сделал свое грязное дело, заставив Петрова возненавидеть утро нового дня. Дня, который пройдет точно так же, как прошлый, позапрошлый и все предыдущие. Саша поднялся с кровати и, прежде чем идти умываться, высунулся в окно, чтобы покурить. На улице моросил дождь. Через пару минут Сашка вышел на кухню и увидел там маму, сидящую на полу в ночной рубашке и трусах. Она плакала. В руке женщина держала бутылку вина. После смерти отца Петров смирился с подобными ситуациями, хотя раньше постоянно ругался с ней и однажды даже подрался с одним из ее «женихов». «Жених» был пьяный, и Петрову удалось его избить.

Сашка включил чайник и сел за стол.

– Никто не хочет брать в жены, – пробубнила мать. – А ведь если я была бы одна, без… без, как он там сказал… как он тебя назвал… – мать нервно сглотнула, – без приплода, если бы я была… без прицепа…

– Ну уж прости, я не могу просто взять и исчезнуть, – ответил Саша. – Если что-то не нравится, можешь переехать куда-нибудь. Я и без тебя прекрасно проживу.

– А может, это тебе уже пора куда-то переехать?

– Мне пока что некуда.

– Как мне свою личную жизнь теперь выстраивать?

– А я откуда знаю?

– Если бы не ты, я бы давно была счастлива! – Женщина швырнула бутылку в стену. Осколки и брызги попали на Петрова.

– Да и пошла ты! – Сашка, забыв про завтрак, выскочил из кухни, взял из своей копилки немного денег, собрал рюкзак и отправился в школу раньше положенного.

Без серьезной причины копилку Петров старался не трогать, там хранились деньги на подготовительные курсы в институт, тот самый, куда они с Настей собиралась поступать. Петров даже ради этих курсов два месяца летом работал на стройке подсобным рабочим, правда, все это было не по его воле, а по Настиной. Так сильно девушка его обработала, что Саша решился вместо летних пьянок с друзьями накопить себе деньги на образование. Конечно, подготовительные курсы не давали гарантии поступления в вуз, но Настя твердо решила, что Петров поступит вместе с ней и они уедут в столицу, где им выделят общежитие. Сашка тогда, услышав Настины мечты, пожал плечами и кивнул в знак согласия, мол, а почему бы и не уехать, все лучше, чем в этой дыре, хотя и тут ему было нормально. Вообще, Петрову везде было неплохо, потому что плевать он хотел на все вокруг.

«И вот для чего она меня родила? – Саша шел в школу и, как

обычно, курил (курил он с восьмого класса). – Рождаемся, умираем, рождаемся, снова умираем… люди, животные, насекомые, растения. Зачем все это? Что мне тут делать? Я сейчас иду в школу, потому что все так делают. Иду, как робот какой-то, как зомби… школа… школа… Зачем? Потом я, как обычно, вернусь домой, сяду жрать, увижу эту тварь пьяную, которая меня ненавидит, которая уже мне в лицо это говорит! Я лишний в ее жизни. Можно подумать, я не лишний в своей жизни».

Минут двадцать Саша просидел в одиночестве на лавочке школьного двора, а когда подошло время начала урока, он… не подскочил и не побежал в школу, а неспешно вытащил сигарету, выкурил и только после этого пошел на урок. Саша знал, что сегодня будет контрольная по физике, но в этом предмете он совершенно не разбирался. Тешил себя Петров мыслью Сократа, которая ему очень уж нравилась (а еще это была единственная мысль Сократа, которую знал Саша). Высказывание звучало так: «Я знаю, что ничего не знаю». И невдомек было Петрову, что он не совсем верно понимает древнегреческого философа.

Петров зашел в школу, поднялся на второй этаж и заглянул в кабинет Юрия Эдуардовича.

– Здравствуйте, можно? – спросил Саша.

– Чего опаздываем? – недовольно произнес Облаков.

Петров виновато пожал плечами, а потом посмотрел на Настю. Девушка без каких-либо эмоций на лице встретила его взглядом.

– Заходи, садись, вон… к Лёне садись. Второй вариант, вопросы на доске. Работаем на двойных листочках, – строго озвучил Облаков условия контрольной работы.

– Здарова, Дарвин. – Петров плюхнулся за третью парту и расстегнул рюкзак.

Лёня покосился на Сашу и, ничего не ответив, продолжил работать над своим вариантом.

Сашка вырвал из середины тетради двойной листочек, подпер голову кулаком и уставился на доску, изучая условия контрольной работы. Минут пять Саша читал все задания, а потом еще минут пять читал их снова. Зачем? Одному Богу известно, ведь если не вникал он в то, что говорил Облаков целый месяц, если не делал домашнюю работу и даже не записывал на уроках ничего, то что можно сейчас выдать на контрольной?

– Дарвин, – шепнул Петров, – помоги хоть на тройку натянуть.

– Ты мне волосы поджег и обзывал постоянно, – шептал в ответ Лёня, не отрывая взгляда от своего листочка. – Тебе не стыдно теперь у меня помощи просить?

– Скажи спасибо, что я тебе рожу не разбил.

– Это еще за что?

– За валентинку.

– И что плохого в валентинке?

– Ты вообще, что ли, не понимаешь, что нельзя дарить валентинки девушкам, которые в отношениях?

– Я тогда думал, что вы расстались.

– Нет, мы тогда просто поругались.

– Я не буду тебе помогать, не отвлекай меня.

– Козел.

– Сам козел.

Петров на этой контрольной больше не разговаривал с Лёней. Просидев весь урок, Саша положил на стол Облакову чистый лист и в надежде, что сделал он это незаметно, попытался выйти из класса, но…

– Петров! – Голос Юрия Эдуардовича настиг Сашу, когда тот стоял уже возле двери в коридор.

– Что? – парень обернулся и отошел в сторону, чтобы не заслонять проход.

– Чего ты мне чистый лист сдал?

– Он не чистый, там моя фамилия написана и вариант.

Учитель вздохнул:

– Саш, объясни мне, пожалуйста, зачем ты ходишь в школу?

– Не знаю.

– Чем бы ты хотел заниматься по жизни? Кем ты хочешь стать? Я, может, лезу не в свое дело, но просто хочу понять тебя.

– Никем.

– Ну что значит «никем»? После школы тебе придется стать кем-то. Или ты сам решишь, кем ты будешь, или за тебя решат другие люди, а может, и судьба. Судьба может распорядиться таким образом, что будешь ты по помойкам скитаться, или сопьешься, или еще чего похуже. Ты понимаешь, о чем я?

– Да.

– Подумай над моими словами.

– Хорошо. Я могу идти?

– Да, я не держу тебя.

Настя ждала Сашу за дверью и, как только он вышел, робко подошла к парню. Петров хотел было пройти мимо, но Настя схватила его за рюкзак.

– Что? – недовольно произнес Петров.

– Саш, я хотела предложить забыть вчерашний день. – Девушка взяла Сашу за руку и взглянула ему в глаза: – Все же хорошо?

– Хорошо, – холодно произнес Петров. Его «хорошо»

прозвучало настолько безэмоционально, что было неясно, действительно ли все хорошо или же все плохо, а может, есть еще какая-то трактовка петровского «хорошо». Скорее всего, Петрову было плевать. Он стоял отрешенным от мира, будто посторонний в этой Вселенной.

– Ты помнишь, что нам завтра на курсы ехать записываться? – спросила Настя.

– Помню.

– Мы же едем, правильно? – Настя подозрительно прищурилась.

– Да.

– Точно едем?

– Ну да.

– Отлично, – она улыбнулась. – И все хорошо?

– Да, да, хорошо все.

– Ура! – Улыбка еще больше расползлась по ее лицу. – Пошли, на историю опоздаем, – девушка потянула Петрова за руку.

* * *

Матери дома не оказалось, как и денег в копилке, отложенных на подготовительные курсы. Эмоционально Петров ничего толком не почувствовал, хотя интеллектуально он понимал, что его предал родной человек – мать прекрасно знала, на что Сашке были нужны эти деньги. А еще Петров брал оттуда понемногу себе на сигареты и выпивку.

«Вот и решила судьба за меня, – думал Петров, сидя на кровати и почесывая затылок. – С институтом теперь все ясно. Но это ладно, а вот что я буду курить? Опять ходить придурков трясти на деньги? Ну… это хотя бы весело».

Раз уж планы на завтра были скорректированы и ехать теперь никуда не надо, да и от школы Петрову захотелось отдохнуть денек, парень решил сходить к Семену и попросить в долг хоть пол-литра. Сема гнал самогон на продажу, и покупатели этого дешевого пойла дали Семену забавное прозвище Семагон.

Форс-мажор случился с Петровым, когда тот присел в коридоре, чтобы завязать шнурки. Старые джинсы, больше похожие на какую-то ветошь, с треском разошлись на заднице.

– Твою же мать, – выругался Саша, глядя на себя со спины в зеркало, скрутив шею. Петров вернулся в свою комнату в надежде найти какие-нибудь тренировочные штаны, которые точно были в том году. Еще были у него шорты, но летом на стройке он их

износил так, что они буквально рассыпались. Перерыв свой шкаф (а сделать это было несложно, ведь одежды у него практически не было), Сашка понял, что беда подкралась с той стороны, откуда он ее точно не мог ждать. Петрову не в чем было выйти на улицу. Полчаса Саша потратил на поиски ниток с иголкой, но так и не нашел. Петров решился на крайние меры. Он зашел в комнату к матери и открыл ее гардероб, который тоже был небогат. Саша нашел там синие джинсы, на вид практически как мужские, только застегивались они на женскую сторону, но, как подумал Саша, кто там будет его разглядывать. Надев мамины джинсы, Саша посмотрел на себя в зеркало и решил, что сойдет. Да и в темноте непонятно, мужские они или женские. Штаны эти были ему по щиколотку и немного обтягивали ляжки, не сильно, но все же.

«Плевать, – подумал Петров. – Сбегаю, возьму пойла, а дальше… дальше разберемся. Зашью потом как-нибудь».

Петров пешком добрался до окраины города и, когда на часах было около шести вечера, постучал в дверь Семену. Уже на подходе к его одноэтажному домику по громкой безвкусной музыке Саша понял, что у Семы какой-то праздник. Например, вторник. Потому что Сема мог отмечать любой день недели, просто из-за самого факта существования любого дня. Петров обрадовался, ведь у пьяного Семы взять алкоголь в долг проще.

Открыл хозяин дома не сразу, а только после того, как Саша постучал в окно.

– Здарова, Сашок! – Пьяный тридцатилетний мужчина без майки и в трениках похлопал Сашу по плечу. – Заходи, братуха.

– Погоди, тут дело есть, – начал Петров, но Сема буквально силой затащил Сашку в дом.

– Накатим немного и расскажешь, что там у тебя за дело, не стесняйся, все свои. – Сема, обняв Сашу за плечо, зашел с ним в гостиную, в которой за столом сидели еще трое мужчин. Одного из них Саша знал, и звали того Витек – противный тип, по слухам, полжизни провел в тюрьме. Сколько лет было Витьку, неизвестно, но на вид, может, сорок – сорок пять. Сашка подошел ко всем старшим и поочередно пожал руки. Двоих других маргинальных мужчин звали Вован и Пекарь. Пекарь так и представился – я, говорит, Пекарь.

– Санек, садись, чего ты как неродной, – произнес Витек и улыбнулся, оскалив гнилые зубы.

Петров сел за прямоугольный деревянный стол напротив Витька, так что слева от парня оказались Вован с Пекарем. Сема присел справа.

– Начисляй! – хлопнул в ладоши Вова.

Пекарь разлил по стаканам самогон. Из закуски у них были бутерброды с докторской колбасой и репчатый лук. Еще на столе стоял пакет яблочного сока.

– Ну куда ты мне столько нахреначил! – возмутился Витек, глядя в стакан.

– Много – не мало, – произнес Пекарь.

– Ну, что там у тебя? – спросил Сема у Петрова.

– Я вообще хотел в долг взять, – тихо сказал Сашка.

– Не вопрос, – ответил мужчина. – Литр, два?

– Можно и литр.

– Давайте, за знакомство, – Вован протянул стакан, все чокнулись и выпили. Закусили колбасой. А Петров не умел и не любил закусывать, поэтому запил соком.

– А почему литр? Тебе с пацанами его на вечер не хватит. Бери два.

– Не… одного будет достаточно.

– Ну как знаешь.

– А ты чего не закусываешь? – спросил Витек у Саши.

– Да… я как-то запивать больше люблю.

– Эх, молодежь, все у вас через жопу, – усмехнулся Витек.

В этот момент у Петрова в кармане завибрировал телефон. Звонила Настя.

– Але, – Саша заткнул рукой одно ухо, чтобы музыка не мешала слышать девушку.

– Привет, – робко произнесла она и замолчала.

– Да. Чего там? Случилось что? – выпалил Петров.

– Я просто хотела напомнить тебе, что мы завтра едем… или… – девушка замялась, – или уже не едем? Ты вообще где? Чего у тебя так музыка громко играет?

– Нет, не едем.

– Не едем? Но… мы же собирались… Это все из-за вчера?

– Нет.

– Если хочешь, то, может… ну не знаю, погуляем сегодня. На улице тепло.

– Мне сейчас неудобно говорить.

– Понятно… Может, я перезвоню?

– Давай, перезвони.

Положил трубку.

Петров, как только услышал голос Насти, сразу ощутил приток адреналина. Злость на девушку ненадолго погрузила его в раздумья о самом себе, своем теле, личности, которая, как казалось Петрову, не устраивала девушку. Зачем она держится за отношения? Что ей надо? Издевается? Может, она просто хочет дружить? Серьезно?! Просто дружить?! (Да иди ты со своей

дружбой!) На вопросы эти не мог ответить никто, даже сама Настя, а ведь Саша их неоднократно задавал.

– Давайте еще по одной, – произнес Саша, но мужики общались между собой и не обратили на паренька внимания. Петров схватил бутылку со стола и залпом сделал несколько глотков.

– Воу! – возмутился Пекарь. – Малой, ты чего? А разлить всем? Не?

– Я предложил, вы не услышали.

– Кому ты предложил? – сделал замечание Витек. – Если со старшаками пьешь, умей себя вести.

Петров недовольно вздохнул.

– Давайте я вам налью, – сказал Саша.

– Давать тебе баба твоя будет, – Витек продолжил разговор на повышенных тонах.

– Вить, хорош. Чего ты начинаешь? – вмешался Семен.

– Ну а кто еще молодежь научит? Начинаю я… наливай давай, – Витька повернулся обратно к Пекарю.

Саша разлил самогон по стаканам и встал.

– Мне уже пора, – произнес он, – спасибо за компанию.

Сема тоже встал. Витек, Вован и Пекарь молча уставились на Петрова. Саша по очереди попрощался с каждым мужчиной. Когда Петров повернулся спиной к столу, чтоб выйти в прихожую, матерый Витек произнес:

– Ты кого нам привел, Сема?

Саша обернулся.

– А что не так? – удивился хозяин дома.

– У этого петуха задница вся расписана, – рассмеялся Пекарь.

– Что?! – Петров возмутился, а потом, кое-как скрутившись, посмотрел на задние карманы маминых джинсов. На правой стороне было нарисовано красное сердце, а на левой – бутон розы.

– Александра, а вы не желаете остаться с нами сегодня? – захихикал Вован.

– То есть я с петухом пил и здоровался за руку? – Витек встал. – Сема, поясни-ка нам за ситуацию.

Петрова обуяли смешанные чувства: с одной стороны, он понимал реакцию бывших заключенных и, скорее всего, сам на их месте начал бы вести себя похожим образом, с другой стороны, он возненавидел их, особенно когда услышал женскую форму своего имени. К себе Петров тоже испытал отвращение – как он мог такое проглядеть, когда одевался? Но ведь не в его привычке было, надевая джинсы, смотреть на себя в зеркало сзади.

– Ты рот свой закрой, – Петров сделал шаг в сторону Витька.

Мужчина был на голову выше Сашки и тяжелее килограммов на двадцать.

– Надо ему в стакане дырочку проделать, – Пекарь никак не мог успокоиться от смеха.

– Что ты там вякнул, молокосос! – Витя попытался обойти стол. В этот момент Сема вытолкал Сашку в коридор и закрыл дверь в гостиную. Из шкафа хозяин вытащил пластиковую литровую бутылку самогона и сунул ее в руки Петрову.

– Все, давай иди, не хватало мне тут еще разборок пьяных! – Сема держал Петрова, порывавшегося зайти и разобраться с Витьком. – У меня и так условка, если попадусь на мелочи, закроют, иди, иди, говорю!

– У меня штаны порвались! Придурки! – кричал Петров. – Я не знал, что тут сзади такие рисунки!

– Да иди же ты! – Сема выставил Сашку на улицу и захлопнул дверь.

* * *

Петров сидел в заполненной водой ванне. Когда Саша провел небольшим кухонным ножиком по руке и почувствовал боль, то ощутил полную власть над самим собой. Все можно закончить уже сегодня, и не будет гнетущих мыслей, бессмысленных забот, которые даже и не заботы, а просто бестолковая суета, не будет ненависти, исходящей от всех вокруг. Капля крови упала в воду. Дальше Саша водил ножом по руке, но не резал. Он представлял, как потеряет сознание и провалится в небытие, а вместе с ним и весь его скудный мирок, в котором он считал себя лишним. Отложив нож, парень глотнул самогона.

С девятого класса он подумывал сделать это с собой. После смерти отца желание свести счеты с жизнью усилилось, а после сложностей в отношениях с Настей Петров окончательно все для себя решил. Парень снова принялся водить лезвием по руке. Из кармана маминых джинсов раздался телефонный звонок. Настойчивый звонок. Секунд тридцать играла мелодия из динамика. Саша сразу понял, кто это.

«Чего же ты так ко мне привязалась? Мучаешь меня. И не подпускаешь, и не бросаешь, не понимаешь, что я люблю тебя…» – Сашка снова порезал запястье. Всхлипнул от боли.

Парень все же решил взять трубку.

– Да, – тихо произнес он.

– Саш, чего у тебя случилось? – взволнованно спросила Настя.

– Ничего нового, все как вчера и как год назад.

– Я не понимаю тебя.

– Да, я знаю. А кто-то понимает?

– Почему ты передумал ехать завтра?

– Потому что эта тварь украла мои деньги и умотала, я даже не знаю куда. Шляется, наверное, с кем-нибудь, как обычно.

– Твоя мама украла отложенные на курсы деньги?!

– А я, знаешь ли, и не удивлен.

– Но… как она могла!

– Плевать.

– Подожди, мы решим эту проблему! Я поговорю со своей мамой, может, она даст тебе в долг, а ты потом вернешь.

– Я ничего не хочу уже. Давно ничего не хочу!

– Или я могла бы каждый раз после занятий рассказывать тебе, что мы там проходили. Конспекты будешь переписывать. По билетам будем готовиться. Я после своих занятий вечерами буду с тобой заниматься!

– Да как ты не поймешь…

– Что не пойму?!

– Ничего я не хочу больше!

Сашка отключился от разговора и бросил телефон на пол. Взял нож и приложил его лезвием к запястью.

«Надавить сильно и провести, причем вдоль, потом на второй так же», – думал он. У Петрова потекли слезы.

– Я не просил место на Земле! Не просился сюда! Я хочу обратно в небытие, в никуда…

Парень отшвырнул нож.

Петров ревел. Мечтал оказаться на эшафоте, чтобы это было не позорное самоубийство, а настоящая казнь. Чтобы толпа стояла на площади. Все они… Облаков, Дарвин, Настя, которая будет жалеть, что не понимала Петрова, директор школы, завуч, весь класс! Вся школа! Любовники матери! Весь их забытый богом городок! Весь мир! Пусть кидают мусором и выкрикивают проклятия! Сашка бы улыбнулся им. Их крики ненависти стали бы для него наградой. Он был бы в смертный час не одинок…

* * *

Облаков попросился в туалет. Сашка сидел на первой парте на столе и, подбрасывая в здоровой руке молоточек, как надзиратель следил за связанными людьми.

– Ты слышишь? Я не могу ходить под себя, – недовольно произнес учитель.

– И что ты предлагаешь? Развязать тебя?

– Да. Нам всем рано или поздно надо будет в туалет.

Петров усмехнулся.

– Если свет от этих галактик дошел до нас за часы, то мы все и так скоро умрем. Нет смысла держать нас связанными, – заключил Облаков.

– Можно посчитать, через сколько Вселенная полностью сожмется? – спросил Лёня.

– Я даже уже посчитал, – произнес Облаков. – Примерно через месяц, может, полтора, солнце израсходует водород, раздуется и взорвется. А еще через четыре месяца пространство сожмется до того состояния, которое было перед Большим взрывом.

– Месяц? – переспросил Петров.

– Да, месяц, и это все очень примерно. Если предположить, что галактики, которые позеленели, являются ближайшими к нашему Млечному Пути, то расстояние до них пусть будет в среднем пять миллионов световых лет. Это все приблизительно. Зеленый свет от них до Земли дошел примерно за пару часов вместо пяти миллионов лет. А это в двадцать миллиардов раз быстрее. Значит, время наверху идет в двадцать миллиардов раз быстрее, чем на Земле.

– Миллиардов? – с удивлением произнес Сашка.

– Да, Петров, миллиардов, и это значит, что наше Солнце погибнет не через пять миллиардов лет, а в двадцать миллиардов раз быстрее.

– И Земля погибнет вместе с Солнцем? – спросила Настя.

– Да. Так что давай, Сашка, развязывай нас, – сказал Облаков.

– Значит, так, – сурово произнес Саша, – мне плевать, сколько еще просуществует Солнце. Плевать, сколько еще просуществует Вселенная. Схлопнется она или не схлопнется. Черт его знает. Но я точно знаю – никого из вас я развязывать не буду, потому что я никому из вас не верю.

– А какая тебе разница? – спросил Лёня. – Мы же с тобой всегда друг друга ненавидели. Тебе не плевать, что я буду делать?

– Плевать.

– Ну так развяжи меня, ублюдок! Урод! Обоссанец! – Лёня зарычал и оскалился.

– Эх, Дарвин, Дарвин. Ты выдаешь себя, – абсолютно спокойно ответил Саша.

– Какая тебе разница! Тварь! Я просто хочу сдохнуть! – Лёня начал брыкаться и снова биться головой об пол.

– Саша, – нежно произнесла Настя и взглянула в глаза Петрову, – мы могли бы пойти с тобой в лаборантскую. Вдвоем. Я позволю тебе делать со мной все, что ты захочешь. Тебе же

нравятся мои пухлые губы… грудь…

Саша потянулся, закинув голову вверх, потом размял шею и встал. Медсестра снова подергала ручку, и дверь затряслась, но Петров не обратил на это особого внимания, лишь кинул туда безразличный взгляд, а потом прошелся по классу. Подойдя к окну, он увидел новые зеленые линии, а те, прежние, зеленые линии стали фиолетовыми.

– Юрка, тут снова перемены на небе, – произнес Саша.

Облаков посмотрел в окно.

– Это подтверждает мою теорию сжимающегося пространства, – сказал учитель.

– Саша, я не могу больше, я хочу тебя, отведи меня в лаборантскую, – стонала Настя. – Развяжи мне хотя бы руки. Я тебе такое сделаю… за все время, что мы были вместе, я отплачу тебе… много раз, как захочешь, все что угодно…

– Да замолчи ты, – брезгливо ответил девушке Саша. – Сделает она… Юрец, так что там с галактиками?

– Пространство стало сжиматься еще быстрее, и волны света от галактик стали еще короче. Теперь мы видим их фиолетовыми, – ответил Облаков. – Если время продолжит ускоряться, то свет от этих галактик выйдет за пределы видимого спектра и мы уже не сможем их рассмотреть.

– Почему не сможем? – спросил Саша.

– Потому что длина волны станет такой короткой, что не будет восприниматься глазом. Свет уйдет из фиолетового спектра в ультрафиолетовый, а ультрафиолет нам не виден.

– Насколько теперь быстрее сжимается пространство? – спросил Петров.

– Я понятия не имею. Все меняется очень быстро.

– Значит, Солнце взорвется раньше?

– Да.

– Насколько раньше?

– Не знаю. Сначала оно начнет раздуваться. Мы увидим, как полоса Солнца расширяется, ну а потом оно поглотит Землю и рассеется. Хотя, учитывая скорость времени, может, мы ничего и не увидим, попросту не успеем.

– Мы все сгорим?

– Да, мы все сгорим заживо, – ответил учитель.

– Ясно.

– Ну так что, развяжешь?

– Нет.

Все трое наконец-то замолкли, поняв, что уговоры на Петрова не действуют: ни хитростью, ни агрессией, ни страстью его не взять. Хотя, когда Настя предложила Сашке отойти в

лаборантскую, у парня на мгновение возникло желание сделать это. Но здравый смысл быстро взял верх. Саша занял свое место надзирателя на парте. Ждал новых сюрпризов, которые Вселенная заготовила для… для него? Петрову снова казалось, что он тут посторонний и все проходит мимо него. Каким бы ни был мир, Саша не вписывается в его правила и смотрит будто со стороны, извне.

Облаков, извиваясь, подполз к Лёне и принялся что-то шептать ему на ухо.

– Юрок, ты вслух говори, – произнес Саша. – Больше двух – говорят вслух.

Лёня что-то ответил учителю, а учитель снова шепнул Лёне. Петров вскочил и хотел было пригрозить им, но как можно напугать тех, кто желает себе смерти? Сашка не знал, что им сказать. «Я вас убью, если не заткнетесь»? Так они только рады будут. Петров подошел к Облакову и оттащил его за ноги от Лёни на пару метров, оставив лежать учителя между рядами парт.

– Тамара Ивановна! – неожиданно заорал Дарвин. – Я абсолютно здоров! У меня ничего не болит!

Спустя пару секунд в дверь врезалось что-то тяжелое, казалось, медсестра пытается ее выломать. Петров смекнул, что замок в школьном кабинете не очень-то и крепкий.

– Я тоже здоров! – крикнул Облаков. – Ломайте дверь!

– Я никогда ничем не болела! – подхватила идею Настя. – Никогда!

Медсестра продолжала биться. Сашка подбежал к ближайшей парте у двери. Облаков, Настя и Дарвин орали о своем крепком здоровье. Дверь, которая открывалась внутрь класса, сотрясалась все сильнее с каждым ударом тучного тела Тамары Ивановны. Пододвинув парту к двери, Петров решил, что этого будет недостаточно. Вскоре, соорудив баррикаду из четырех парт, Саша все же обратился к троице, которая не умолкала.

– Слушайте меня! – заорал Петров. – Я думаю, что Облаков нам врет!

Троица затихла.

– Ну, обоснуй, умник, – ответил Облаков.

– Легко, – сказал Саша и подошел к учителю: – Ты утверждаешь, что Вселенная сжимается и вскоре схлопнется, а перед этим Солнце успеет взорваться. Так?

– Время за пределами Земли идет в миллиарды раз быстрее, а свет от галактик сместился в сторону синего. Если бы ты, Петров, хоть немного интересовался физикой, то у тебя бы не возникло сомнений в моих выводах.

– Если мы все так скоро умрем, то какой смысл тебе пытаться

убить себя? Просто подожди смерти Солнца или Вселенной.

– Подождать? – Облаков засмеялся. – Скоро ты тоже это почувствуешь, Саша. Поймешь это непреодолимое желание умереть.

– Плохо ты меня знаешь. – Петров отошел от невменяемого учителя и решил, что надо бы еще пару парт пододвинуть к двери.

Медсестра продолжала напирать.

– Насть, – Саша взялся за край стола, – ты как вообще себя чувствуешь?

– Никак.

– Поговори со мной, – Петров пододвинул стол к двери, – опиши мне свое состояние.

– Ты не поймешь.

– А ты попробуй объясни, я хочу тебя понять.

– Не надо с ним разговаривать, – злобно произнес Лёня.

– Настя, ответь мне. Что ты чувствуешь? – Саша смотрел на дверь, которая тряслась каждые секунд пять. Видимо, это время было необходимо Тамаре Ивановне, чтобы сделать разбег от противоположной стены коридора.

– Я… не знаю, – девушка заревела, – не знаю… я просто хочу, чтоб все закончилось, все это бессмысленное мелькание…

– Мелькание?

– Мелькание людей, мыслей, образов, воспоминаний… – девушка пыталась отдышаться после приступа плача, – осознания бессмысленности… Зачем я здесь?!

Она взвыла, закричала, прогнувшись в спине.

– Каких мыслей? Каких образов? – спросил Саша, в голове прокручивая предстоящий поединок с Тамарой Ивановной.

«Бить молотком ее?» – думал Петров.

– Мыслей о будущем. Мыслей о нас с тобой. Об ошибках… – стонала девушка.

После очередного удара ригели замка проломили корпус, и дверь приоткрылась.

– Настен, все будет хорошо. – Саша положил молоток и взял стул за спинку. Ножки школьного стула торчали так, что, попади ими в висок, наверняка убьешь. Петров предположил, что надо бить боком, чтобы оглушить женщину. Нагромождение парт медленно сдвигалось. Саша, превозмогая острую боль в руке, держал стул на замахе.

– Все будет хорошо, – повторил Петров.

– Врет он, – Лёня продолжал подливать свою желчь, – все в классе про вас шептались, что изменял он тебе. Все знали про подъезд.

Медсестра протиснулась плечом в образовавшуюся дверную щель.

– Уже неважно… – сказала девушка. – Нас всех больше нет. Ничего больше нет…

– Это мы еще посмотрим, кто там есть, а кого уже нет. – Петров подошел ближе к двери, в которую уже практически пролезла Тамара Ивановна. – Еще посмотрим…

Завал продолжал сдвигаться, и вот уже медсестра навалилась на парты. Она неуклюже ползла по столам, глядя на Настю, лежащую ближе всех остальных ко входу в класс.

– Меня! Меня! – завопил Лёня. – Я здоров! Я не болею!

Настя и Облаков ничего не выкрикивали, а просто наблюдали. Первым ударом Петров сбил медсестру с нагромождения школьной мебели так, что женщина кубарем скатилась на пол, но тут же встала, не выпустив при падении нож из руки. Из разорванной краем ножки стула щеки у нее сочилась кровь. Теперь Настю и Тамару Ивановну разделяло расстояние в пару метров. Медсестра кинулась к девушке, отведя руку с ножом назад, чтобы нанести удар. Петров атаковал раньше. Удар пришелся в лицо, разорвав губу женщине. Та пошатнулась, махая перед собой лезвием. Сашка отбросил стул и нанес третий удар уже кулаком точно в челюсть. Тамара Ивановна упала и выронила нож. Женщина оставалась в сознании, но была дезориентирована. Петров схватил моток ниток и принялся связывать инфернальную медсестру, пока та пыталась прийти в себя.

Связывал он ее долго. Израсходовал много метров капроновой нити и потратил всю веревку для маятников. Когда женщина полностью оклемалась, то попыталась высвободить руки, ерзая по полу, но было поздно – узлы крепко затянулись на пухлых запястьях. Ноги в районе щиколоток Саша ей тоже связал. За все время медсестра не проронила ни слова. Петров подобрал нож.

– И что дальше? – спросил Облаков. – Какой у тебя план?

– Нет у меня никакого плана. – Парень залез на завал и выглянул в коридор, но ничего не смог разглядеть. Хотел уже закрыть дверь и подпереть, но услышал во тьме шаги.

– Кто там?! – крикнул он. – Я вооружен!

Шаги становились громче.

– Я тебя зарежу! Кто там?! – Нож в руке придавал Петрову уверенность.

Сашка достал из кармана телефон и посветил фонарем в коридор. В любом другом случае, увидев такое, он бы, возможно, закричал, возможно, бросился бежать, но, скорее всего, он бы просто не поверил своим глазам. Сейчас же, глядя на мертвую,

шагающую по коридору учительницу русского языка и литературы Нину Алексеевну с торчащим из горла карандашом, Петров не то чтобы не испугался – он даже не удивился! Захлопнул дверь и придвинул обратно парты. С полминуты простояв в ожидании нового гостя, Петров решил, что ломиться в класс учительница не собиралась.

– Кто там был? – спросил Облаков.

– Да… так… – Саша махнул рукой.

Перешагнув через Тамару Ивановну, которая лежала неподалеку от Насти, парень в очередной раз подошел к окну. Никаких принципиальных изменений он не увидел, за исключением новых зеленых линий.

«Видать, другие галактики стало видно, – подумал Саша. – Может, Облаков не врет и Вселенная правда сжимается?»

Саша сел на стул Облакова и закинул ноги на стол.

«Без воды мы тут не продержимся и нескольких дней, – размышлял Петров и рассматривал лежащего на спине грязного полуголого Лёню с порезом на груди. – Облаков сначала сказал, что у нас есть месяц, но потом время ускорилось еще сильнее».

Саша чесал затылок.

«Бутылку надо найти какую-нибудь. Может, в лаборантской?» – Парень перевел взгляд на Настю. Девушка лежала на боку, лицом к выходу.

«А ведь они будут отказываться от питья, я уверен, а через два дня все, до свидания». – Петров взглянул на медсестру, и ему снова показалось, что она мертва.

«Как мне их заставить пить, если они откажутся? Клизму ставить?» – Глядя теперь на Облакова в расстегнутой кровавой рубашке, Петров поморщился от такой идеи.

Саша все-таки решил попробовать напоить своих пленников, да и себя тоже, и без труда нашел в лаборантской двухлитровую стеклянную банку.

– Я отойду в туалет набрать воды, – произнес Саша, стоя возле завала парт. – Пить, наверное, все хотят?

– Да, – отозвался Облаков, – я бы попил.

– Серьезно? – недоверчиво спросил Саша.

– Да, да. Жажда мучает. Человеку в сутки надо потреблять в среднем три литра воды. – Облаков сразу как-то оживился, повернулся к Петрову и посмотрел ему в глаза. – Иди, конечно, набери нам воды.

Саша заподозрил что-то неладное и подошел к Облакову осмотреть его, может, в руках у него что или… он развязался как-то… Да мало ли, что он там выдумал!

– Чего ты разглядываешь так меня? – спросил Облаков, но

Саша не стал отвечать.

Не обнаружив ничего необычного, Петров вернулся к двери, поставил банку на пол и отодвинул несколько парт, чтобы пролезть в коридор. Нож торчал рукояткой из кармана. Перед тем как выйти из класса, парень еще раз окинул взором Настю, медсестру, Дарвина и Облакова. Беспокойство не покидало Сашку, но без воды им не обойтись.

– Не вздумайте тут ничего учудить, – сказал Петров. – Я мигом.

Взяв банку с пола и включив фонарь на телефоне, Саша вышел в коридор. Дверь он захлопнул, чтобы не привлекать лишнего внимания светом. Держа в здоровой руке банку, а в раненой телефон, Петров бегом помчался к туалету. Остановившись перед дверью в уборную, он посветил внутрь – вроде бы никого. Медленно зашел в туалетную комнату и подошел к раковине, которая находилась напротив кабинок. До выхода в коридор оставалось метра три. Все кабинки были прикрыты. Саша немного постоял в замешательстве, проверить кабинки или сразу набрать воды. В итоге Петров открыл кран с холодной водой и подставил под струю банку. Луч фонаря метался по мраку тесного помещения то от кабинки к кабинке, то к выходу из туалета. Из-за слабого напора воды банка заполнилась секунд за двадцать. Схватив ее здоровой рукой, Петров резко обернулся и, увидев в дверном проеме учительницу русского языка, которая, несомненно, была мертва еще часа два назад, чуть не выронил стеклянную тару. Сашка заскочил в кабинку и заперся.

«Так, воду, воду… осторожно сюда поставить… телефон сюда, а нож вот сюда». – Разобравшись с предметами в руках, Сашка по старой схеме встал на унитаз и посветил наружу. Нины Алексеевны не было видно с этого ракурса.

«Стоит, наверное, там же», – подумал Сашка.

– Чего тебе надо?! – крикнул он, пытаясь высунуться как можно сильнее, чтобы увидеть выход из туалета. Тишина.

Петров слез на пол.

«Надо прорываться. Но если она уже и так мертва, то что я ей ножом сделаю? – думал Сашка. – Проверить, нет ли у нее ничего в руках, и если она безоружна, с разбегу сбить ее с ног и бежать в класс? Да. Так и сделаю. Черт, воду же расплескаю».

Выйдя из кабинки, Саша посветил в дверной проход в коридор. Женщина в платье, без одной туфли, стояла, опустив руки. Изо рта ее по-прежнему вываливался язык, а один глаз был прикрыт. Карандаш все так же торчал из горла. Безжизненное серое лицо в свете фонарика казалось Петрову грубой резиновой

маской человека.

– Что ты хочешь?! – спросил Саша и сделал шаг в сторону учительницы, держа нож перед собой. С ножом спокойнее, даже если перед тобой стоит мертвец. Петров заметил, что в руках у нее ничего нет. Сделав еще пару шагов, он оказался в нескольких метрах от трупа Нины Алексеевны. Саша шагнул и медленно попробовал коснуться ножом плеча женщины. Как только он поднес к ней руку, она резким движением попыталась схватить его за запястье, но Сашка успел отпрянуть.

«Нет времени. Там Настя без присмотра», – подумал Сашка. Он вернулся в кабинку, сунул нож в карман, взял вместо него телефон с включенным светом, здоровой рукой схватил банку с водой, уверенно подошел к учительнице, напружинился и со всей силы пнул женщину ногой в живот так, что та укатилась в коридор. Пока Нина Алексеевна вставала, Петров рванул к кабинету, стараясь расплескать как можно меньше воды. Протиснувшись в дверную щель в класс и оказавшись спиной к связанным людям, Сашка не сразу заметил, что Облаков в луже крови лежит на Лёне и все глубже вгрызается парню в горло, пытаясь перекусить ему сонную артерию. Петров поставил банку на пол и высунулся в коридор, направив луч света на Нину Алексеевну, которая ковыляла к кабинету физики.

«Эту мы тоже свяжем, если потребуется», – подумал Саша и вылез из дверного проема.

Когда он увидел Лёню и Облакова, распластанного на нем, было уже поздно. Петров бросился к ним, чуть не сбив банку ногой. Подбежав, схватил учителя за плечи и скатил его с тела Дарвина. Из порванной сонной артерии Лёни мощным напором, в такт биению сердца, хлестала кровь. Рот, щеки и подбородок паренька были измазаны кровью, будто он пытался кого-то съесть. Петров хоть и был в шоке, но сразу смекнул, что тут случилось, когда увидел такую же рану на шее Облакова, из которой кровь уже не брызгала, а сочилась. Лужа под ними разлилась на несколько метров в диаметре. Медсестра отрешенно смотрела в потолок. Облаков и Дарвин были мертвы. Настя лежала спиной к ним.

– Ты в порядке?! – Саша проверил шею девушки, которая тоже была в крови. Ран на ней не оказалось.

– В порядке, – апатично ответила Настя. – Пока тебя не было, они договорились убить друг друга. Это Облаков предложил. Мы спорили с Лёней, кто будет вторым, он или я. Облаков сказал, что у Лёни больше шансов прогрызть шею, поэтому выбрал Лёню. Они меня не взяли.

Петров усадил девушку и обнял, прижимая к себе. Гладил по

голове, уткнувшись лицом в ее рыжие растрепанные волосы, слипшиеся от чужой крови.

– Мы выберемся. – Саша закрыл глаза. – Не бывает безвыходных ситуаций.

– Как ты собираешься выбираться?

– Не знаю. Но пока я жив, я не позволю тебе умереть.

– А если мне так будет лучше?

– Ты сама не знаешь, как тебе будет лучше.

– Почему ты не чувствуешь этого? Почему ты держишься за жизнь?

Сашка понимал, что с ним случилось и почему он хочет жить, так же как и Настя осознавала, что с ней случилось и почему она хочет исчезнуть. Эмоциональное желание девушки умереть не конфликтовало с осознанным пониманием того, что все это какое-то помешательство.

– Просто не чувствую, – сказал Саша.

– Ты думал о смерти?

– Бывало. Все мы иногда думаем о смерти.

– Ты хотел умереть?

– С чего ты взяла?

– А как иначе объяснить, что на тебя не действует это… даже не знаю, как назвать.

– Ничего я не хотел умирать. Просто не действует, и все.

Петров аккуратно положил Настю, а сам встал.

– Надо убрать тела, не хочу я в одном помещении с ними находиться, – сказал Саша, подойдя к Облакову. Парень взял учителя за ноги и потащил в лаборантскую. Из коридора в класс заглянула Нина Алексеевна. Одним глазом она уставилась на Сашу, а Саша – на нее. Петров остановился – нелепо застыл с ногами Юрия Эдуардовича в руках.

– Чего тебе опять надо?! – крикнул ей парень. – Сейчас еще раз с ноги всеку! Пошла отсюда!

Учительница русского языка скрылась из виду, будто поняла угрозы. Петров протащил труп через весь класс, оставив кровавый след на полу. Все так же пятясь, свернул в арку лаборантской и доволок тело до окна в конце узкого помещения. Шлепая по кровавому полу, Сашка вернулся за Лёней.

– Сейчас будем с тобой воду пить, – сказал Саша Насте. – Ты же будешь пить?

Петров взял тело Дарвина точно так же, за ноги.

– Нет, – ответила Настя.

– Тогда я сделаю тебе клизму. – Саша поволок Дарвина.

Девушка не сразу отреагировала на эту информацию, но спустя секунд десять приподняла голову и уставилась на Петрова,

который уже затаскивал Лёню в лаборантскую.

– Лучше соглашайся на добровольное питье, – произнес Сашка, возвращаясь в класс. – Я не шучу! Я наконец-то при свете сниму с тебя трусы и засуну клизму прямо в задницу! А если из тебя что-то вытечет, то я повторю!

– Ты не посмеешь такое сделать! – сказала Настя.

– Посмею, еще как посмею, – ответил Саша и сел на корточки возле девушки.

– Где ты клизму возьмешь?

– Сбегаю в кабинет вот этой вот, – Саша указал на медсестру, – у нее точно есть.

Настя вздохнула.

– Хорошо, попью, – сказала она.

– Ну вот, сразу бы так. Хотя… знаешь, – Саша усадил Настю так, что она оперлась спиной на стену, – мне даже немного жаль, что ты согласилась пить добровольно.

– Извращенец.

Саша улыбнулся.

– Как ты можешь быть спокойным в такой ситуации? Еще и лыбишься как дурачок! – сказала девушка.

– Я не спокоен. Честно говоря, я в таком шоке от всего… А еще у меня дико ноет рука. Если я не показываю свои эмоции и не паникую, это не значит, что я спокоен.

Взяв банку с водой, Сашка поднес ее к Настиным губам. Девушка отвернула голову и сделала глубокий вдох.

– Клизма, Настя, клизма вонзится… прямо туда, войдет со свистом, – Петров усмехнулся, хотя и не шутил.

– Тебе реально смешно? – спросила она.

– Ну… на самом деле нет. Ладно, пей давай.

Настя обхватила полными губами часть горлышка банки, а Саша медленно наклонил стеклянную тару. Делая глотки, девушка отсрочивала смерть от обезвоживания.

– Все, я больше не хочу, – сказала она.

– Ну вот и славно, – сказал Саша и принялся пить сам. Сел плечом к плечу Насти, так же опершись на стену. Прямо над их головами висела школьная доска. В паре метров от ног лежала медсестра с блаженным выражением разбитого лица, а сразу за медсестрой начинался завал из пяти, может, шести парт, от которого не было особого толка. Петров даже дверь не захлопнул после визита Нины Алексеевны.

– Кто это заглянул в класс, когда ты тащил Юрия Эдуардовича?

– Русичка. В туалете с ней встретились, когда я воду набирал.

– Русичка? Я ее даже не узнала. Она тоже, как и медсестра?

– Не знаю. Я так и не понял, чего от нее ждать, но мне показалось, она не опасна.

– Сейчас опаснее всего мы сами для себя, – сказала Настя.

– Постарайся не думать об этом.

– Что, если все люди на Земле совершили самоубийство?

– Я не совершил и не собираюсь, а значит, наверняка много кто еще жив.

– Я не хочу жить…

– Ты понимаешь, что это не ты собой руководишь? Что все эти мысли не твои? Понимаешь?

– Понимаю, но мне не легче.

– Хочешь анекдот?

– Нет.

– Хорошо. Смотри, значит… Знаешь, почему толстых женщин не берут в стриптиз?

– Отстань.

– Ну, ответь. Знаешь?

– Нет…

– Они перегибают палку. – Петров тихонько хихикнул.

– Не смешно.

– Тамарка, – Саша посмотрел на медсестру, – тебя вот не возьмут в стриптиз. Загремишь на шесте ногами кверху.

– Ты думаешь, мне помогут тупые шуточки? – Настя повернулась к Петрову. Ни разу после расставания их губы не были так близко друг к другу.

Саша смотрел Насте в глаза и видел в них боль и отчаяние, будто девушка долгие годы пребывала в тяжелейшей депрессии. Тогда Петров произнес:

– Как называется избушка Бабы-яги-лесбиянки?

Губы Насти слегка растянулись. Неужели она пытается улыбнуться?

– Как? – спросила девушка и нахмурилась.

– Лесбушка. – Петров хрюкнул, пытаясь сдержать смех.

Увидев ямочки на щеках Насти, Петров, забыв про хаос и ужас, царящий вокруг, ощутил прилив сил. На самом деле Сашке было не до смеха, но, может, как он думал, еще не все потеряно и есть возможность противостоять воле смерти? Может, он вытащит Настю из этого искусственного состояния суицидального помешательства?

– Что ты чувствуешь? Отступает? – спросил Саша.

– Не знаю, но улыбка была только что, – сказала она. – Я клянусь, я не имитировала. Но сейчас снова эти образы и мысли лезут, и в теле все как будто сжимается, в животе крутит.

– Крутит? Может, клизму? – Петров в очередной раз

улыбнулся.

– Саш! Шутки про клизму меня не отвлекают от смерти. – Лицо Насти снова стало безжизненным.

– Погоди помирать тут. Скажи мне лучше, почему аквалангисты, когда собираются погружаться, садятся на край лодки и падают в воду именно спиной вперед?

– Почему?

– Потому что, если они будут падать лицом вперед, они упадут в лодку, – Петров засмеялся.

Из Насти выпрыгнул смешок, но она тут же собралась и сделала серьезное лицо.

– Мы же не можем так вечно, – сказала девушка.

– Почему же вечно? Не вечно, а всего-то до смерти Вселенной! – радостно воскликнул Саша.

– Вообще-то, до смерти Солнца, – поправила его Настя, снова сдерживая улыбку.

– Как думаешь, кто-нибудь на Земле сейчас еще занимается подобным? – спросил Петров.

– Мелко мыслишь. Если Вселенная сжимается, то надо брать масштабнее, – ответила девушка.

– Представь, что мы одни во Вселенной сидим и несем чушь про избушку-лесбиянку, а все вокруг стремится к смерти! – Петров развел руки, пытаясь визуализировать масштабность происходящего.

– Мы несем чушь? Может, только ты? – Настя уже не скрывала улыбку.

– Если только я, тогда, значит, в два раза меньше людей несут чушь перед концом света… ну… типа, не мы вдвоем, а я… один.

– Я поняла, спасибо за пояснение.

– Нет, ну мало ли, шутка сложная.

– Уж не сложнее тех задач по геометрии, которые я тебе объясняла.

– А я все понимал, – невозмутимо произнес Саша, слегка задрав нос, а потом, задорно вылупившись на Настю, быстро добавил: – Просто мне было скучно.

– Конечно, понимал он, – Настя закачала головой, ухмыляясь.

– Ну и не верь. А вообще, если б я хотел, учился бы на одни пятерки, – серьезно произнес Петров.

– Да, да. На шестерки… – теперь уже Настя хихикала.

Их безмятежный диалог, который Петров намеренно затеял в такой неподходящий момент, прервал шум в лаборантской, от которого парень аж подскочил. В обители Юрия Эдуардовича что-то будто упало и рассыпалось – склянки какие-то или посуда.

– Это еще что? – спросила Настя.

Сашка вытащил из кармана нож, который, кстати, прорезал ему джинсы, когда парень садился.

– Тихо, – сказал Саша.

Из арки вышел Облаков. Он брел медленной, вязкой походкой, перебирая ногами, будто пьяный. В испачканном кровью пиджаке на перебинтованное голое тело Юрий Эдуардович шел по своему же кровавому следу на полу. Взгляд учителя был устремлен вперед, сквозь Петрова, стоящего у доски. Склоненная немного набок голова учителя раскрывала рану на шее. Саша с Настей находились возле прохода между первым от двери и средним рядом парт, мертвец шел между вторым и третьим. Саша встал, прикрывая собой Настю и держа нож наготове, но Облаков, не обращая внимания на школьников, доковылял до своего стола и сел за него.

* * *

– Ромб! Проверь зоб Треугольного, – предложил Круглый. – Кто-то забрал оружие Трапеции.

– Не надо ничего проверять. Оружие Трапеции у меня, – признался Треугольный. – Когда мы с Овальным относили Трапецию в модуль отдыха, я, с согласия Овального, забрал себе ее выжигатель. Но если б я был убийцей, то успел бы выстрелить в тебя, Ромб! Ты уже несколько раз отворачивался!

– Почему ты сразу не сказал, что взял ее оружие? – спросил Ромб.

– Потому что я не знаю, кому тут можно доверять! – ответил Треугольный.

Квадратный и Круглый внимательно слушали их разговор.

– Хорошо, – произнес Ромб, – сам понимаешь, ситуация непростая.

– Да сколько раз вам повторять! – закричал Квадратный. – Один из вас не стал убивать другого, чтобы не выдать себя раньше времени и не остаться в одиночку против нас двоих! Убийца один из вас! А главное доказательство в том, что мы с Круглым нашли труп Овального. А когда убивали Овального, мы были вместе с Круглым!

– А что, если один из вас выйдет к нам? – предложил Круглый.

– Если никто из вас действительно не является убийцей, то вы прикончите того, кто выйдет к вам, – сказал Треугольный, – в ваших интересах убить нас обоих.

– Мы не можем убить Треугольного! – воскликнул Квадратный. – Без него не настроить колебатор.

В лаборатории снова повисла тишина. Все задумались, пытаясь разобраться в сложившейся ситуации. «Как логичнее поступить?» – немой вопрос висел в сознаниях четырех существ.

– Да, нужно учесть тот факт, что вы сейчас не станете убивать Треугольного, – произнес Ромб, – мы совсем упустили это из рассуждения. Но, опять же, это только в том случае, если среди вас нет убийцы. В интересах убийцы уничтожить Треугольного, тогда эксперимент будет сорван. Но и убийце застрелить Треугольного нужно как-то незаметно, чтобы потом не сражаться одному против двоих.

– Сложно соображать в такой ситуации, – тихо сказал Круглый.

– Для того чтобы дальше сдвинуться с места, нам необходимо завершить настройку колебатора, так? – начал Квадратный.

– Да, – ответил Ромб.

– Значит, или Треугольный выходит и мы идем в колебаторную, или эксперимент срывается и мы все равно все погибаем, так?

– Так, – снова ответил Ромб.

– Тогда выбора нет, – заключил Квадратный.

– Они правы, – сказал Треугольный Ромбу, – мне придется выйти. Нужно настроить колебатор.

– Хорошо. Выбора и правда нет, – подвел итог Ромб.

Треугольный вышел из центра управления с опущенным оружием.

– Они не врут, – сказал Треугольный, – никто никого не держит в заложниках.

– Это и так было очевидно, – сказал Круглый.

– Теперь, выходит, что для Квадратного и Круглого все так же убийца или я, или ты, Ромб, – сказал Треугольный. – А для меня стало очевидно, что убийцей может быть только Ромб, ведь я знаю, что я никого не убивал. Жаль, что доказать это не могу.

– Клади оружие на пол, – сказал Круглый.

Треугольный медленно положил выжигатель. Круглый на всякий случай проверил его зоб – пусто.

– Ромб свою задачу выполнил. Он активировал защитное поле, и теперь он уже не нужен, – сказал Треугольный.

– Ромб, – крикнул Квадратный, – если ты сейчас совершишь самоубийство, это решит все проблемы! Ведь тогда нам станет ясно, что убийца – Треугольный. Треугольный безоружен. Круглый идет на контроль подачи энергии. А я веду Треугольного настраивать колебатор. Потом я убиваю Треугольного, и мы

вдвоем с Круглым заканчиваем эксперимент. Если ты действительно хочешь, чтоб наша миссия была выполнена, убей себя прямо сейчас!

– Я убью себя только после того, как все будет готово к запуску электрона! – сказал Ромб.

– Может, стоит ворваться к нему и прикончить? – предложил Круглый.

– Если вы втроем сейчас попытаетесь убить меня, – начал Ромб, – я уничтожу компьютеры! Я держу их на прицеле! Как только кто-то заходит в эту комнату, я стреляю!

– Делаем так, – произнес Квадратный, – ты, Круглый, идешь на контроль подачи энергии, Ромб остается на месте, а мы с Треугольным идем настраивать колебатор.

– Хорошо, – согласился Круглый.

– Главное, когда будешь на контроле подачи энергии, – сказал Квадратный, – не спускай прицела с двери! Если кто-то зайдет, без раздумий стреляй первым!

– Да, – ответил Круглый, – а ты не спускай светоприемников с Треугольного.

* * *

Петров смотрел на мертвого Облакова, сидящего за своим столом.

«Надо как-то выйти отсюда. Но чтобы выйти с Настей на руках, придется сначала завал разобрать», – думал Петров, переведя взгляд на накиданные возле двери парты. Потом он снова уставился на учителя, который сидел, наклонив вперед голову. Облаков вытащил журнал из выдвижного ящика и принялся листать.

– Леонид, – из-за рваного горла Облаков прохрипел, – к доске! Отвечай!

Саша с Настей переглянулись. Дарвин вышел из лаборантской более бодрой походкой, чем Облаков. С глупой улыбкой парень двигался между рядами прямо на одноклассников. Петров уже был готов ударить Лёню, но тот свернул перед Сашкой и, оказавшись возле учителя, взял мел.

– Надо уходить, – произнес Петров, не сводя взгляда с мертвецов.

– Са-а-аш, может, меня уже пора развязать? – Настя заволновалась.

– Нет, – резко ответил Петров, – я сам решу, когда будет пора.

«Живые не хотят жить, а мертвые – умирать», – подумал

Петров.

– Отвечай! – Облаков смотрел в журнал. Пытался кричать, но голос его был придавлен, приглушен. – Отвечай! Отвечай! Отвечай!

А потом учитель вырвал листок и начал делать из него, как показалось Сашке, самолетик.

Дарвин принялся экспрессивно чертить линии на доске ударами мела, который крошился в его руке. Лёня все бил и бил, пока кусок школьной извести полностью не оказался на полу в виде крошек и комков. Часть мела, конечно же, осталась на доске в качестве безобразного рисунка – линий, будто ран на спине человека, которого били плетью. Возможно, Лёня представлял, что бичует кого-то, так уж он яростно махал рукой.

Повернувшись к двери, Сашка увидел, что на них снова смотрит Нина Алексеевна. Она – или то, что теперь было ею и управляло ее телом, – сунула руку в приоткрытую дверь, провела ладонью по стене, нащупав выключатель, и потушила свет. Настя вскрикнула от испуга.

– Сейчас, сейчас, – Сашка суетливо вытащил из кармана телефон, включил фонарь и первым делом осветил Лёню, который стоял, все так же глядя на доску. Бросив свет на место Облакова, Саша не обнаружил там мужчину, но заметил его сидящим на четвереньках в углу возле своего стола. Третьей целью была Нина Алексеевна, которая уже почти пролезла в класс через узкий дверной проем (дверь упиралась в парты), но Петров быстро сунул нож в карман, подскочил к завалу, залез на стол и одной рукой толкнул учительницу. Женщина вывалилась в коридор, снова не оказав никакого сопротивления. Саша захлопнул дверь, включил свет в классе и обернулся.

– Саша! Осторожнее! – крикнула Настя, но было поздно. Облаков со всей силы швырнул комок спрессованных жвачек в лицо Петрову и попал под глаз. Тот самый комок, который Сашка катал сегодня днем, а точнее, несколько миллиардов лет назад, если ориентироваться по глобальному вселенскому времени. Петров схватился за лицо, одним глазом следя за мертвецами. Облаков полез за укатившимся под парту шариком из жвачек.

– Гадина! – Лёня повернулся к Насте. Сделал пару шагов в ее сторону и остановился, нависая над девушкой. – А ведь ты мне нравилась.

Голос Лёни звучал приглушенно, как и у Облакова. Неожиданно Дарвин пнул Настю по лицу, от чего у девушки брызнула из носа кровь. Настя тихо заскулила от боли. Сашка тут же накинулся на одноклассника, свалил его с ног и принялся бить ногами. Лёня не издавал звуков, пытался перевернуться на живот,

чтобы встать, но Петров продолжал его избивать, выкрикивая ругательства. Избивал его Петров до того момента, пока ему еще раз не прилетел в голову комок из жвачек, в этот раз попав в висок. Сашка обернулся на учителя, но в этот момент Нина Алексеевна вновь выключила свет.

Разъяренный Петров вытащил нож и телефон. Включил фонарик, шагая к двери, откуда торчало безобразное лицо учительницы русского. В этот раз Сашка не стал церемониться с ней и ткнул ножом в лицо. Попал в здоровый глаз, а потом с размаху дал ей кулаком с зажатой в нем рукоятью ножа, и учительница в очередной раз вывалилась в коридор.

– Саша! Помоги! – раздался из тьмы голос Насти. Петров шлепнул по выключателю и накинулся на Лёню, схватившего за волосы девушку. Сашка на подходе ударил склонившегося к ней Дарвина коленом в голову. Мертвец отцепился от волос Насти и, шатаясь, сделал пару шагов, восстанавливая равновесие. В этот момент шарик жвачек врезался в доску – Облаков промахнулся. Петров подобрал с пола комок и бросил его в окно, так что тот пробил стекло и вылетел на улицу.

– Неудачник! Отвечай! – завопил Облаков и бросился на Сашу. Петров вонзил ему нож в живот, но учитель этого даже не заметил. Мужчина схватил парня за горло и принялся душить. Петров смог вырваться, уперевшись кулаками в грудь Облакова и оттолкнувшись. Медсестра вдруг неожиданно заерзала, пытаясь высвободиться.

– Саша, сзади! – крикнула Настя.

Дарвин схватил Петрова за руку, но тут же получил в челюсть.

– Да что же с вами делать-то! – Сашка отступил. Он забежал между рядами парт (первого у окна и среднего). Облаков переключился на Настю – схватил ее за ноги и потащил в сторону лаборантской.

– Отцепись, урод! – кричала она, извиваясь. Лёня подошел к девушке со стороны головы и хотел наклониться, чтобы… да бог его знает зачем… но не успел, так как Петров, перепрыгнув через парту, ударил несколько раз Дарвина ножом сзади в шею, а потом оттолкнул в сторону, чтобы добраться до Облакова, который, быстро перебирая ногами, уже проволок кричащую в ужасе Настю через весь класс и находился возле арки в лаборантскую. Саша за секунду преодолел расстояние до учителя и вонзил ему нож в глаз. Он старался не наступить на Настю, лежащую под ногами. Петров вытащил лезвие и снова ткнул, но уже в другой глаз. Облаков пошатнулся, отпустил девушку и выставил руки перед собой, пытаясь нащупать парня.

– Что?! Не ожидал такого?! – Сашку трясло от злости и страха.

Облаков уперся руками в стену. Саша вспомнил про Дарвина, но было поздно – одноклассник обхватил сзади шею Петрова и повалил его на себя. Сашка подсунул руку под предплечье Лёни, чтобы тот не смог задушить. Из положения удушающего приема Петров не знал, как выбраться. Бросив нож, Сашка схватил второй, больной рукой руку Дарвина и пытался расцепить хватку, но все было тщетно. Облаков на ощупь снова взял Настю за ноги и продолжил тащить ее в свою каморку.

– Саша! Помоги! – Петров слышал ее крик, но видел перед собой лишь потолок.

– Нет! Не трогай меня! Саша! – кричала Настя.

Петров, забыв про боль, отвел одну руку Лёни и провернулся на нем. Уперевшись в пол, Сашка поднялся и бросился в лаборантскую. Перешагнув через Настю, Петров толкнул Облакова – мужчина упал, но тут же принялся вставать. Сашка присел на корточки возле плачущей девушки, просунул одну руку под ее шеей, вторую под коленный сгиб и, приложив неимоверное для себя усилие, поднялся вместе с Настей. Выйдя из лаборантской, он свернул влево, чтобы обойти Дарвина. Пройдя между рядами, Саша подбежал к завалу, положил Настю на парту и начал отодвигать школьную мебель, мешающую выйти из класса. Благо отодвигать много не пришлось. Секунд десять потребовалось Петрову, чтобы дверь снова смогла полностью открыться. Дарвину потребовалось столько же времени, чтобы подойти к девушке. Петров, возвращаясь за ножом, дал Лёне в лицо кулаком, отчего Дарвин завалился на бок на стулья. Саша добежал до конца класса, подобрал лезвие, сунул его в карман и, возвращаясь к двери, наверное, уже по привычке еще раз стукнул Лёню, который пытался подняться. Сашка взял Настю на руки. Выходя из класса, он увидел в арке ослепленного Облакова, выставившего перед собой руки.

– Там еще Нина Алексеевна где-то! – крикнула Настя.

– Я помню.

Пришлось второпях поставить девушку на ноги, а потом взвалить ее на плечо, чтобы освободить руку. Сашка включил фонарь, окинул коридор взглядом и направился к туалету.

Зайдя в тесную кабинку, парень заперся, выключил свет на телефоне и, кое-как сев на унитаз, усадил себе на колени связанную Настю. Оказавшись с ней в такой интимной обстановке, Петров впервые не думал о ее груди, ляжках или… обо всех остальных ее прелестях, потому что в голове у парня стояли образы изуродованных мертвых людей.

– Сидим тихо, – прошептал Саша.

– Мне страшно, – голос Насти дрожал.

– Мне тоже.

– А если они сломают дверь?

– Значит, будем драться.

– Он когда меня поволок, я думала, что все, конец…

– Ты мне зубы не заговаривай.

– Ты о чем?

– Притворяешься, что передумала умирать?

– Нет, мне сейчас стало легче, не знаю, надолго ли, но я не вру.

– Тихо, я что-то слышу…

Из коридора еле уловимо раздавались шаркающие звуки, похожие на шаги медсестры. Петров изо всех сил прислушивался. Продлилось это недолго – через минуту все стихло. Был ли это Облаков вместе с Дарвином или Нина Алексеевна, а может, и все трое? Неясно. Возможно, и медсестра прошла, ведь ничего не мешало Лёне развязать Тамару Ивановну, тем более шаркала так только она.

– Что будем делать дальше? – спросила Настя.

– Мне надо подумать.

– О том, развязать меня или нет?

– Нет, не об этом.

– А о чем?

– Остаться пока тут или уйти.

– Куда уйти?

– Я же говорю, мне надо подумать.

– Саша, кажется, опять начинается.

– Что? Приступ?

– Да, снова мысли лезут в голову, так и в тот раз было – оно сначала медленно, потом все сильнее и сильнее начинает.

– Спокойно, не нервничай, не шуми, не вздумай кричать.

– Я постараюсь контролировать себя.

– Может, я тебе заранее рот заткну как-нибудь?

– Не надо.

– Так ты сейчас заорешь, и сюда все сбегутся.

– Если мне станет совсем плохо, я сообщу заранее.

– Ты вот сейчас уже сообщила заранее.

– Нет, сейчас пока терпимо.

– Может, анекдот?

– Нет. Скажи мне, тебе с ней было лучше тогда в подъезде, чем со мной?

– У нас ничего не было.

– Ты врешь мне. Врешь, чтоб облегчить мне приступ.

– Нет, не вру.

– А почему ты сразу не сказал, тогда еще, когда мы не расстались?

– Потому что я специально подстроил все так, чтоб все подумали, что я тебе изменил.

– Но зачем? – Настя всхлипнула. Петров понял, что она сейчас снова заплачет.

– Настя, не шмыгай носом так громко.

– Зачем ты это сделал? Я не верю тебе.

– Потому что я не привлекал тебя. Я мечтал, чтобы ты меня хотела, а тебе было плевать на меня. Я был очень зол долгие месяцы и копил это в себе. Потом я задумал тебе изменить, но не смог. Зато смог так уединиться с этой кикиморой, что все подумали, что мы там, как бы помягче выразиться…

– Она подтвердила, что у вас было это.

– Я ей обещал выпивку и сигарет. За это она что угодно подтвердит.

– Ты врешь. Ни одна девушка не согласится очернить себя ради такой награды.

– Плохо ты ее знаешь. Я таких людей видал, что тебе и в кошмаре не приснятся.

– Но как ты мог думать, что не привлекаешь меня и что мне на тебя плевать? Я так мечтала, что мы вместе поедем в большой город, будем учиться, жить в общежитии, вечерами гулять, а потом поженимся. А ты все видел в каком-то своем мрачном свете. Все воспринимал не так, неправильно! Это же было очевидно – я любила тебя! – Настя заревела.

– Тише, – злобно прошептал Саша. – Любила она… А ну успокойся, не реви! Шумишь… – Петров слегка шлепнул Настю по ноге, а потом продолжил шептать: – Тебе легко говорить. Ты понятия не имеешь, что я пережил. Что было со мной. Что было в моей голове.

– А как мне понять, если ты ничего не рассказывал!

– Не ори ты!

– Я видела, как ты безразлично относился ко мне, но я надеялась, что когда мы уедем отсюда, то станем ближе. Потому что никого из знакомых не останется и только мы будем друг у друга.

– А для меня мы стали бы ближе, если б помылись в одной ванне со всеми вытекающими последствиями. Или если бы ты перестала меня стесняться и могла бы голая спокойно ходить при мне даже при свете. Вот тогда я бы почувствовал, что мы сблизились. Любила она меня… И что? Признаваться в любви… это вообще что такое? Просто слова? Хорошо. Я тоже тебя любил.

Но сами по себе слова ничего не значат.

– Ты дурак. Ты опять ничего не понял.

– Да ну тебя… сама ты дура. Можно подумать, ты поняла…

– Ты правда не спал с ней?

– Настя, она страшная, она алкоголичка и тупица. Я не спал с ней. Клянусь. Это правда. Я хотел задеть тебя! Заставить страдать и жалеть, что ты меня игнорировала!

Пару минут они просидели молча во тьме. А потом Петров произнес:

– Можно считать, что у нас теперь, кроме друг друга, никого больше нет.

– Нет, моя мама жива. Она укрылась где-нибудь в безопасном месте, и о ней кто-то заботится.

– Заботится, как я о тебе сейчас?

Саша ждал ответ, но Настя ничего не сказала. И снова в туалете повисла тишина.

– Облаков был неправ насчет смерти Солнца, – неожиданно сказала Настя. Почему это показалось Петрову неожиданным? Потому что он думал, что продолжится разговор о любви.

– Неправ? – спросил Саша.

– Солнце же не греет, а значит, оно не сожжет Землю, когда раздуется и взорвется.

– Действительно. А что тогда будет?

– Я не знаю.

– Можно пофантазировать. Солнце – это же газовый шар? – Петров помнил это из телепередач, но произнес фразу как-то неуверенно.

– Да, газовый шар, – сказала Настя.

– Если оно раздуется, то поглотит Землю и мы окажемся внутри него.

– И его газ смешается с нашей атмосферой.

Петров задумался, а потом сказал:

– Нет, по идее, не должно так быть. Если наша атмосфера плотнее, чем раздутое Солнце, то не должны смешаться. У тебя же тяжелый воздух вниз оседает, а легкий остается наверху. Как в бане – внизу холоднее, ведь там тяжелый воздух, наверху теплее, там легкий воздух. Солнце же не такое плотное, как наша атмосфера? Или плотное?

– Вообще-то оно плотнее воды.

– Да? Но так оно же раздуется и станет менее плотным. Не?

– Наверное, да… А! Саша! Это же все будет гелий! Солнце к моменту раздувания будет состоять только из гелия!

– Настя. Хватит. Шуметь. Черт. Тебя. Возьми, – делая паузы, злобно (но, скорее всего, наигранно злобно) процедил Саша.

– Облаков сказал же, что звезда начинает раздуваться, когда израсходует весь водород. А Солнце состоит из водорода и гелия. А гелий легче воздуха. Значит, когда холодное раздутое Солнце поглотит Землю, то мы как бы утонем в нем, потому что мы тяжелее. Гелий будет наверху над Землей, а наш воздух – внизу возле Земли.

Школьники снова замолчали в раздумье.

– Нет, что-то не то, – сказал Петров. – Мне кажется, что мы просто врежемся в солнечный газ на большой скорости и атмосферу сдует.

Опять замолчали.

– Ты прав. Мы же не учли скорость Земли, она же летит быстро. Сколько-то там десятков километров в секунду вокруг Солнца.

– И если мы на такой скорости войдем в гелиевое солнечное облако, то будет сильный удар. Как будто метеорит вошел в атмосферу Земли и загорелся от трения. Мы так же войдем в атмосферу Солнца.

– Может, это все произойдет за очень короткое время и Земля не успеет сгореть от трения?

– Не знаю. Не забывай, что недалеко от поверхности время течет не так уж и быстро, как в космосе. Как это все будет выглядеть, я даже не могу представить.

– И через сколько это произойдет, тоже неизвестно.

Очередное молчание.

– Надо как-то пережить смерть Солнца, – сказал Петров.

– Если оно сдует атмосферу, то мы никак не переживем его.

– А если мы врежемся в Солнце, но оно не сдует атмосферу? – Петров поправил съехавшую с его колен Настю.

– Ну и?

– Если на короткое время все вокруг вспыхнет из-за трения?

– Значит, и атмосфера сгорит, – заключила девушка.

– Так в том и дело, может, не успеет сгореть, может, начнет гореть, погорит доли секунды, и все.

– Не, Саш, что-то не в ту сторону мы думаем. Там еще удар же должен быть при столкновении с солнечным газом.

– Удар? – Петров почесал затылок, но Настя этого, конечно же, не видела. – Да… по идее, должен быть удар, как ладошкой по воде.

– У воды есть поверхностное натяжение, сравнение с водой не очень… Скорее как если ты резко сунешь руку под сильный вентилятор, и поток воздуха ударит тебе в ладонь. Или из машины высунешься на ходу.

– А чтобы понять, насколько сильный будет удар, надо знать

плотность раздутого Солнца, скорость и вес Земли? – спросил Саша.

– Не вес, а массу.

– Ой, не умничай тут.

– Я не умничаю. Просто поправила… Да, силу удара мы не рассчитаем, а даже если бы и рассчитали, то как мы поймем, насколько этот удар почувствуется?

– А еще в момент удара мы можем находиться в другом полушарии, Земля же вертится.

– Если мы как-то переживем смерть Солнца, – начала Настя, – то сжатие Вселенной мы не сможем перенести.

– Почему?

– Потому что пространство сожмется в точку.

– Так если сжимается пространство, а не сами предметы, то откуда ты знаешь, что там будет внутри этой точки? – спросил Саша.

– Не знаю, что там будет, но я точно знаю, что точка не имеет никаких размеров, ни длины, ни диаметра, ни объема… вообще ничего не имеет.

– И как тогда вся Вселенная может поместиться в точку?

– Я-то откуда знаю? – произнесла девушка. – У Облакова надо спросить. Он сказал, что все стремится к моменту, который был перед Большим взрывом.

– Это я уже понял, спасибо.

– Тогда я повторю вопрос – какой смысл пытаться пережить смерть Солнца, если мы все равно умрем вместе со Вселенной?

– А почему ты вообще используешь слово «смерть»? – спросил Саша.

– В смысле?

– Если все сожмется в одну точку, это и не смерть вовсе, просто станем компактнее.

– Саш, нас сожмет в миллиарды раз.

– А я считаю, что это пространство сожмет в миллиарды раз, а не нас.

– Нет, все сожмется – и пространство, и материя.

– Ну тогда объясни мне, я вот не понимаю, если взять пространство объемом несколько квадратных метров…

– Кубических… – поправила Настя.

– Да, кубических… и вот в это пространство поместить меня. Потом это пространство начнет сжиматься. Со мной же ничего не произойдет? Ты со стороны увидишь, как я уменьшаюсь, так?

– Ну… наверное, да.

– А мне будет казаться, что ты увеличиваешься и отдаляешься от меня? И все вокруг увеличивается, – предположил Петров.

– Хм… тогда если взять не пару кубических метров, а вообще все видимое пространство и начать его сжимать, то выходит, при равномерном его сжатии мы не должны ничего ощутить?

– Тогда почему мы видим, как галактики летят нам навстречу? – спросил Саша. – Мы ощущаем сжатие, мы видим его на этих галактиках.

– Значит, пространство сжимается неравномерно, – подвела итог Настя. – Между нами с тобой оно не сжимается, а между галактиками сжимается.

– Эх, жалко, Юрец нам больше ничего не может объяснить.

Школьники сидели молча еще с полминуты.

– Потри ладошки друг об друга, – предложила Настя.

– Зачем?

– Потри.

– Я бы рад, но у меня рука тут немного пробита… насквозь.

– Потри здоровую ладонь о грудь.

Петров, обнимая правой рукой Настю за талию, взял девушку за грудь.

– Саша, приложи ладонь к своей груди, или к животу, или к ноге и потри.

Просунув руку между собой и Настей, Петров положил ладонь себе на ребра и принялся тереть.

– Холодно! – После всего, что случилось, Петров почему-то удивился тому незначительному изменению в мире, из-за которого трущиеся объекты поглощают энергию, а не выделяют. И за счет этого из-за силы трения объекты начинают остывать, вместо того чтобы нагреваться.

– Настя, ты гений.

– А ты думал… – гордо сказала девушка.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Конечно.

– Тогда возникает новый вопрос. Насколько сильно остынет Земля из-за трения, когда войдет в Солнце? – спросил Петров.

– Не знаю. Но мы хотя бы не сгорим.

– Вот бы еще атмосферу не сдуло, – сказал Саша. – Мне вот хочется посмотреть, что будет, когда пространство сожмется.

Снова тишина – задумались.

– Саш.

– Что?

– Мы будем сидеть в туалете до смерти Вселенной?

– Нет.

– Ты придумал, что мы будем делать?

Петров достал из кармана телефон и включил фонарь, надеясь, что из коридора никто не увидит лучи, бегающие по

потолку. Чтобы разрезать веревки на руках и ногах Насти, Сашке пришлось не просто положить телефон на пол, ведь свет по-прежнему не рассеивался, а направить луч на руки Насти, которая, увидев нож и фонарь, без лишних вопросов поняла, что Петров наконец-то решил освободить ее. Когда капроновые нитки упали на пол, Настя тут же обняла парня.

– Ты чего? – спросил он.

– Ничего…

– А… ну, хорошо… Может, я тебе ноги развяжу?

– Я так скучала.

Сашка тоже обнял Настю, уткнувшись лицом ей в шею.

– Ты веришь мне? – спросил Петров.

– Да. Хочу верить.

– Я не изменял тебе. Я очень хотел заставить тебя страдать тогда, но я не изменял тебе.

– Я верю… верю.

– Ты снова мой гном?

– Угу.

Настя поцеловала Сашу. Обхватила его нижнюю губу своими губами, а руками нежно взяла за лицо. Саша почувствовал вкус Настиной крови. Целовались они минут пять. Петров обнимал девушку, но не так нежно, как мог, потому что держал в одной руке телефон, а в другой нож. Саша ощутил прилив счастья, когда целовался, и даже на это время смог выкинуть из головы образы Юрия Эдуардовича и Дарвина, а еще закрадывающийся страх о неминуемом столкновении со звездой, которое пугало его даже больше, чем сжатие Вселенной. Оно вызывало у Петрова не только страх, но и заинтересованность. Дожить бы, думал он.

– Погоди, – произнес Саша и аккуратно перерезал нитки на ногах Насти.

– Дальше план такой, – сказал Петров, – точнее, их два. Первое – это спрятаться в подвале и подождать там, пока Солнце не лопнет, второй – пойти подальше от города в лес и ждать там.

– В лес?

– Да, подальше от людей, точнее, от мертвецов.

– Я думаю, лучше в подвале спрятаться. Или в каком-нибудь классе запереться. Сделать снова баррикаду из парт, только нормальную баррикаду. Можно вообще в столовой засесть, там и вода есть.

– Если будет сильный удар о Солнце, то вдруг школа рухнет, как при землетрясении? Нас может завалить.

– А если на улице из-за трения о солнечный газ станет очень холодно и все замерзнет?

– Мне кажется, оно не успеет замерзнуть.

– А может быть так, что и удар будет сильный, а потом все замерзнет.

Саша задумался.

– Тогда я не знаю, что делать, – произнес парень.

– Мне кажется, не будет удара о солнечную атмосферу, потому что она должна постепенно уплотняться. Земля просто начнет тормозиться об нее, – предположила Настя. – Но вот как это будет выглядеть из-за кривого времени?

– Сложно рассуждать. Может, Облакова изловим? – предложил Саша.

– Ты издеваешься?

– Шучу.

– Куда идем-то в итоге?

– Давай так, – начал Петров, – мы выйдем на улицу, чтобы, если вдруг будут удар и сильное землетрясение, нас не завалило. Если резко похолодает, то побежим в школу, в столовую. Там как-нибудь запремся.

– Разведем костер.

– Да. Зажигалка есть. Будем жечь мебель и ждать сжатия Вселенной, – сказал Саша.

– Тогда на улицу? Ждать смерти Солнца? – Девушка встала.

– Надо сначала посмотреть, что там в столовой. Заранее все подготовить.

– Что ты подготавливать собрался?

– Не знаю… ну… хотя бы дверь выбить, там же заперто наверняка. Ты, кстати, как себя чувствуешь?

– Намного лучше, чем раньше.

– Я тебя сразу предупреждаю, – сурово начал Сашка, – если ты надумаешь выкинуть что-то, я тебя свяжу и не развяжу до самого конца.

– Мое помешательство было связано с тобой, с твоим предательством. Мысли отталкивались от измены и летели дальше, но раз не было измены, то и мысли исчезли.

– Хорошо. Выходим.

Прежде чем открыть дверь, Сашка вскочил на унитаз и, по старой отработанной схеме, осмотрел туалетную комнату. Убедившись, что за дверью их никто не поджидает, они вышли из кабинки, но в коридор идти не спешили – Настя изволила пописать. Петров стоял спиной к ней, держа дверь открытой. Закончив с туалетом, они умылись, попили воды из-под крана, еще раз, по Настиной инициативе, поцеловались (Петров был доволен, потому что девушка сама к нему лезла с поцелуями; этого парню не хватало в той жизни) и вышли в коридор. Понимая, что где-то тут бродят Дарвин, Облаков, Нина

Алексеевна и, возможно, медсестра – идти проверять, развязали ли ее мертвецы или нет, Саша не захотел, – школьники бесшумной кошачьей походкой, подсвечивая пол перед собой, прокрались к лестнице. Они потихоньку спускались по ступеням к вестибюлю, туда, где расположен выход из школы. Настя шла за Сашей, держа его за кофту. На первом этаже горел свет, и это очень сильно облегчило жизнь, хотя, конечно же, можно было потратить время и найти выключатели на других этажах, но подниматься туда ученики больше не планировали. Выйдя на этот островок света в мире тьмы, Петров убрал в карман телефон, а Настя отцепилась от Сашиной одежды. Школа состояла из двух корпусов. Они направились из корпуса учебных классов в корпус с актовым залом, спортзалом, кабинетом труда и столовой. Два эти корпуса соединялись длинным пятнадцатиметровым коридором с окнами по бокам. Дойдя до конца коридора, ребята остановились на границе света и тьмы. Свет под острым углом уходил в пол холла второго корпуса, освещая лишь его малую часть.

– Надо искать, где свет включить, – сказал Сашка.

– Я знаю где, – ответила Настя. Девушка достала свой телефон, включила фонарь и шагнула во тьму. Она подошла к двери в столовую. Там возле ряда умывальников на стене находился выключатель. Когда свет загорелся, Петров тут же осмотрел помещение с лестницей на второй этаж, ведущей к спортзалу и актовому залу. Справа был проход в столовую, от которого вдоль стены тянулось пять раковин, чтобы ученики перед едой могли помыть руки. На самом деле руки там никто никогда не мыл. Слева чернел коридор, который вел к кабинету труда и тренажерному залу в подвале. Петров прошел по грязному линолеуму до двери в столовую и, подергав ручку, произнес:

– Я и не удивлен. Попробую выбить.

– Если они на шум прибегут? – спросила Настя, оглядываясь.

– С медсестрой мы знаем, что делать: скажешь ей, что у тебя зубы болят или температура, она и отвяжется. Облаков слепой, а Дарвину я морду начищу без проблем. – Саша отошел от двери на пару метров и добавил: – Русичка вообще не агрессивная.

– Медсестра, получается, тоже мертвая?

– Получается, что да.

Сашка разбежался и врезался в дверь. Когда она распахнулась, Петров по инерции залетел в столовую.

– Видала? С первого раза! – гордо произнес парень, при этом испуганно выскочив из темного помещения.

– Силач, – похвалила его Настя и посветила на обеденные

столы, которые начинались практически сразу со входа.

– А тут где свет включить, знаешь? – спросил Петров, освещая столовую скупым светом фонарика телефона.

– Нет, но, наверное, где-то возле входа. – Настя зашла и осмотрела стену у двери.

– Вот, – сказала девушка, – нашла.

Лампы на потолке замигали, потом потухли, а через пару секунд снова загорелись. Саша с Настей стояли возле входа в столовую. Слева и справа от них рядами шли квадратные обеденные столы. Возле каждого стола было по четыре стула. Впереди, метрах в двадцати, располагался длинный стол-прилавок, вдоль которого еще сегодня утром (по земному времени) толпились школьники с подносами в руках. За прилавком виднелась стена с единственной дверью, которая вела на кухню. Еще тут был буфет в виде торговой палатки, который стоял в дальнем левом углу.

– Может, перекусим? – предложил Саша и направился к кассе на прилавке.

– Серьезно? Ты можешь есть в такой момент? – удивилась Настя, следуя за парнем.

– Мы же не знаем, сколько у нас еще времени. Может, час, может, день, а может, неделя? Все равно придется что-то есть. Давай возьмем хотя бы эклеров, воды и пойдем на улицу.

– Хорошо, давай, – с сомнением ответила девушка.

Когда они подошли к кассе, Сашка перепрыгнул через прилавок и, сделав еще пару шагов, оказался возле стойки с выпечкой.

– Вот скоты, все пожрали, – шутливо произнес парень, глядя на несколько оставшихся пирожных.

– После нашего разговора про землетрясение мне неспокойно находиться в здании, – сказала девушка.

– Держи, – Саша передал ей через прилавок два эклера и сам взял еще пару. – И минералки надо набрать. В карманы распихаем воду, а булки так понесем.

Взгляд Петрова привлекли тарелки с котлетами и пюре, стоящие на небольшом металлическом столике на колесиках возле двери на кухню.

– Насть, может, нормально поедим по-быстрому?

– Давай вынесем еду на улицу, там и поедим, – предложила она.

– Ладно, как скажешь.

Саша подошел к столику с обедами, положил в тарелку эклеры и хотел уже взять посуду с едой, как вдруг замер, глядя на чьи-то ноги, торчащие из-за ряда холодильных камер,

находящихся чуть дальше двери на кухню.

– Ты чего там? – спросила Настя.

Петров вытащил нож, хотя и понимал, что если этот человек мертв, то оружием его не возьмешь, разве что бить в глаза.

– Тут кто-то лежит. – Саша медленно подошел к телу. Человек в белом фартуке лежал на животе в луже крови.

– Саш, – испуганно произнесла девушка, – пошли, может, отсюда?

Школьный повар Семен Андреевич, вопреки стереотипам, слишком худощавый и высокий для повара – аж под два метра ростом (школьники дразнили его Жирафом), – уперся руками в пол, поджал под себя сначала одну ногу, потом вторую и принялся подниматься. Саша отшатнулся и хотел уже перепрыгнуть через прилавок, но Семен Андреевич с невероятной сноровкой вскочил на ноги и повернулся к Сашке. Настя остолбенела от ужаса, увидев сожженное лицо повара.

– Не бойтесь меня, – сказал мужчина.

Саша медленно двигался к прилавку, чтобы перемахнуть через него, схватить Настю за руку и рвануть со всех ног из этой поганой школы. В дом! Однозначно в какой-нибудь жилой деревянный одноэтажный дом, которому не будут страшны никакие землетрясения, если, конечно, школьники не ошиблись в своих выводах насчет удара Земли о раздутое Солнце.

– Не бойтесь меня, – повторил повар, приближаясь к Саше. Мужчина не мог скрыть звериный оскал из-за сгоревших губ.

Петров инстинктивно выставил лезвие перед собой и закричал:

– Стоять!

Видя, как повар продолжает движение, Петров не смог сдержать дрожь в руке.

– Я сказал стой!

– Вы голодные? – Семен Андреевич остановился, повинуясь воле Петрова.

Сашка смекнул, что между ними метра полтора, и если резко броситься перелезать через прилавок, то можно и не успеть.

– Вы голодные? – повторил мужчина.

– Что?! – Лицо Петрова исказил гнев. – Назад! Отошел назад!

Сашка покосился на Настю.

– Иди к выходу, – сказал он ей, – я сейчас прыгну.

– Я без тебя не пойду, – дрожа, произнесла она.

– Сегодня котлеты, – повар взял со столика тарелку и протянул Саше: – Бери. Ешь.

– Я не голоден, – ответил Петров и не успел пожалеть о своих словах, потому как Семен Андреевич сбил Сашу с ног,

набросившись на парня. Нож, который вонзился при падении повару в живот, Петров выпустил из рук.

– Ешь! – закричал повар. – Ешь!

Мужчина, схватив Сашку за волосы, приподнял его и начал трепать, продолжая повторять одно и то же слово:

– Ешь! Ешь!

Саша пытался отбиваться, махая руками, но все тщетно.

– Я голодная! – закричала Настя. – Дай мне! Дай еды! Что на обед?!

Девушка подошла к прилавку. Повар, изо всех сил сжимая крепкими руками шею и оттягивая за волосы голову Петрова назад к спине, замер, уставившись выпученными глазами на Настю.

– Сегодня котлеты, – сказал мужчина.

Саша, тяжело дыша, поймал Настин взгляд.

– Я поем, – сказал Петров, пытаясь ухватиться за руки повара над своей головой, – с удовольствием поем.

Семен Андреевич поволок Сашу на кухню, не обращая внимания на крики парня и попытки вырваться из медвежьей хватки. Одной рукой школьный повар держал извивающегося Петрова за волосы, а второй повернул ключ в замке и открыл дверь на кухню. Девушка перелезла через прилавок.

– Дай нам поесть! Куда ты его тащишь? – Она схватила мужчину сзади за плечо, но тот ударил ее локтем, и Настя на ватных ногах сделала пару шагов в сторону, а потом упала на колени, пытаясь остановить вращающееся изображение духовки, которую она видела сквозь дверной проем, куда только что Семен Андреевич заволок Сашку. Девушка, держась за ушибленное ухо, встала, борясь с вращающимся под ногами полом.

– Настя! Уходи! – кричал Петров. – Уходи! Бегом отсюда!

– Саша!

– Беги! Я не пропаду! Уходи! Спрячься там же, где мы сидели!

– Ты же сам предложил еды! – обращалась Настя к повару. – Давай! Накорми нас! Что тебе надо, черт тебя дери?! Что ты хочешь?!

Держась за стену, она ступила на кухню. Мужчина швырнул Сашку на пол, а сам встал над ним.

– Да… да, я поем. – Саша отполз и уперся спиной в холодильник. – Я все сделаю, что ты скажешь.

– Присаживайся, – повар повернулся к Насте.

– Что ты творишь! Беги! – закричал Петров, увидев, что девушка замерла в замешательстве. – Прошу тебя, уходи!

Повар схватился за торчащую из своего живота рукоятку ножа, вытащил его и отшвырнул в сторону. Взял со столешницы

филейный нож с лезвием длиной сантиметров тридцать и медленно, будто убирая в ножны, воткнул его в ту же рану – лезвие пронзило мужчину насквозь, разрезав футболку на спине. Фартук, и без того залитый кровью, стал еще краснее.

– Присаживайся, – повторил повар.

Настя решила, что если она убежит, то школьный повар зарежет Сашу, поэтому, невзирая на просьбы Петрова, подошла и села рядом.

– Сегодня только пюре и котлеты, – сказал Семен Андреевич.

– Ты нам принесешь еды? – Петров встал.

– Сегодня только пюре и котлеты, – повторил повар.

– Можно мы пойдем и сами возьмем? – спросил Саша.

– Ешь! – злобно завопил повар.

– Я буду пюре и котлету, – сказала Настя.

– Тебе тоже? – спросил повар у Петрова.

– Да.

Мужчина вышел из кухни, а Сашка, в надежде сбежать, быстренько помог Насте подняться и подошел к двери, но, услышав звук защелкивания замка, понял, что все не так просто. На всякий случай он подергал ручку. Заперто.

– В окно, – сказал парень.

Не успел Петров подойти к окну, как снова раздался щелчок дверного замка. Повар зашел на кухню, держа в руках две тарелки с обедом. Мертвец поставил их на пол и приказал съесть. Саша с Настей подняли посуду.

– Можно вилку или ложку? – спросил Петров.

– Ешь, – произнес повар.

– Руками? – спросила Настя.

– Ешь! – снова произнес мужчина.

Взяв в руки котлету, Сашка откусил кусок и принялся пережевывать, не сводя глаз с повара, внешний вид которого вызывал жуткое отвращение. Из-за осознания того, что эта еда была приготовлена его руками, хотя он тогда был еще жив, Саше приходилось бороться со рвотным рефлексом. Настя ела, зажмурив глаза. Заветренное пюре школьники слизали с тарелки, не касаясь его руками. Закончив с этой дьявольской трапезой, Петров, а спустя минуту и Настя поставили тарелки на пол.

– Можно воды? – спросил Саша.

Повар молча вышел из кухни, не обратив внимания на просьбу. Дверной замок снова защелкнулся. Сашка тут же открыл окно, но выскочить сразу не вышло – москитная сетка, которая держалась на металлических креплениях, оказалась крепче, чем Петров рассчитывал, когда навалился на нее руками.

– Черт! – выругался он. – Сейчас продавлю ее.

Саша толкнул сетку, но та, вместо того чтобы вылететь наружу, лишь порвалась, и Петров, потеряв равновесие, уткнулся в нее лицом, а руки его оказались на улице.

– Эта сетка должна просто сниматься, – произнесла Настя.

Услышав щелчок замка, Петров мгновенно закрыл окно и обернулся. Дверь распахнулась, и на кухню вновь зашел хозяин, толкая перед собой металлический столик с тарелками. В каждой такой тарелке лежала котлета с пюре. Повар взял две порции в руки.

– Ешь, – скомандовал он, наклонился и снова поставил блюда на пол.

Саша посчитал количество тарелок на многоуровневом столике: снизу было четыре, сверху – шесть и еще на самом нижнем ярусе находилось примерно восемь.

– Главное, не говори ему, что ты сытый, – процедила сквозь зубы девушка.

– Я это уже понял, – ответил Петров и сел.

– После еды мы можем уйти? – спросил Саша. – У нас уроки начинаются.

– Это большая перемена, – ответил повар, – у вас еще много времени и много еды.

Из-за отсутствия губ мужчина шепелявил, и речь у него была невнятная.

– По идее, он должен, наоборот, морить нас голодом, – произнесла Настя и взяла котлету.

– Я не знаю, что происходит, – сказал Саша и тоже схватил мясной шарик.

– Ешь, – повторил Семен Андреевич.

– Очень вкусно, – Саша откусил кусок, – вы отлично готовите.

– Ешь, – повар сделал шаг в сторону Насти, и девушка, вздрогнув от страха, тут же вцепилась зубами в холодную котлету.

– Принесите нам еще эклеров, – сказал Саша. – Можно же десерт?

– Десерт будет после обеда, – ответил мужчина.

– Нам надо съесть все это? – Саша указал рукой на столик.

– Все это, – сухо ответил повар.

– Насть, – Саша посмотрел на девушку и демонстративно откусил очень маленький кусочек от котлеты, намекая, что так можно тянуть время. Девушка, дожевав, тоже откусила небольшой кусок, буквально пару граммов.

Петров жевал и в напряжении размышлял о том, как перехитрить, переиграть мертвеца. Что сказать ему, чтобы он отпустил? После смерти люди изменяются в поведении. Но по

каким правилам действуют искаженные остатки их сознания? Как и в случае с медсестрой, Саша понимал, что надо подобрать какой-то словесный ключ, сказать что-то, что усмирит его. Вновь откусив котлету, Сашка принялся вспоминать все, что он знал о школьном поваре: злой, ворчал всегда на учеников, толпившихся с подносами, курил, однажды напился, и потом ходили слухи, что он подрался с физруком. Сын его учился в этой школе на двойки, и держали его лишь потому, что отец тут работает, а мужчина работал, чтобы сына не выгнали, и свою работу он, видимо, ненавидел, ему не нравилось кормить детей, может, потому он теперь так усердно заставляет есть? Вполне вероятно. Петров кусал котлету, а мозг его работал на двести процентов, пытаясь осознать правила игры с поваром. Так Саша для себя охарактеризовал ситуацию: любое противостояние – игра. Только поняв правила, можно победить. По аналогии с медсестрой, которая кидалась на здоровых, повар бросается на тех, кто отказывается есть. А делает он это потому, что раньше ненавидел свою работу, а теперь он выполняет ее как-то карикатурно. Дарвин пнул Настю. Но он не любил ее по-настоящему, девушка просто нравилась Лёньке. Может, из-за того, что Дарвин был отличником и образцом поведения, он начал так неадекватно вести себя? Облаков кидался жвачкой и порвал школьный журнал. Почему? Может, потому, что Облаков был одним из самых строгих учителей? Потому что для него была важна дисциплина в классе? Учительница русского языка вообще никак себя не проявила. Может, просто не успела? Но где тут закономерность? Петров думал. Думал и кусал котлету под пристальным наблюдением обожженного повара. А что, если самые значимые вещи в жизни людей изменяются после смерти? Вещи, которые важнее всего. Выходит, медсестра жила тем, что помогала людям? Повар жил своей ненавистью к работе? Дарвин видел смысл жизни в учебе, а Облаков – в своем статусе строгого физика с жесткой дисциплиной?

Петров переключился на мысли о Насте, забыв, что начал свое рассуждение с попытки придумать способ обхитрить повара. Что для Насти самое важное? Если Петров, сказав девушке, что не изменял ей, смог переломить планы смерти, то говорит ли это о том, что все мысли Насти были заняты Сашей и горем от его якобы предательства? Когда мир сломался, Настя захотела покончить с собой именно из-за Петрова. Значит, она продолжала его любить? Иначе эта дьявольская инверсия жизни нашла бы другую причину заставить девушку думать о самоубийстве.

А что Петров? Если бы с Настей все было хорошо, стал бы он думать о суициде до поломки Вселенной? Петров ответил сам

себе: не стал бы. Хотя у него тогда было много причин ненавидеть этот мир и желать покинуть его раньше срока.

Черт! Петров аж поперхнулся, ведь до него дошло, насколько он дорог для Насти и как сильно Настя нужна ему. Она единственный человек, который любил Петрова и любит до сих пор. Можно услышать важную информацию, понять ее, даже запомнить на долгие годы… да хоть на всю жизнь, но чтобы действительно что-то осознать, надо встроить это в свою парадигму мира, включить эти знания в свою дальнейшую оценку событий и ситуаций и жить по-новому. Только сейчас Петров поселил в себе мысль о том, что Настя по-настоящему любит его, а он – ее. От этого Сашке захотелось жить еще сильнее. Вдохновленный Петров забыл о скорой гибели Солнца, да и всей Вселенной и попытался снова сфокусироваться на поваре, а точнее, на правилах, по которым сейчас существует это демоническое создание.

– Я могу попросить макароны вместо пюре? – спросил Саша.

– Ешь, что дают, – ответил повар.

Саша съел половину котлеты и положил остаток в тарелку, которую держал в руках.

«Посмотрим, что будет, если я просто буду сидеть», – подумал Петров, рассматривая кровавый халат повара с торчащей из него рукояткой ножа.

Настя продолжала понемногу откусывать котлету, стараясь жевать как можно дольше.

«На худой конец, можно есть, потом блевать этим, – думал Сашка. – Когда эти поганые котлеты закончатся, этот урод уйдет, а мы в окно вылезем».

Заниматься вызыванием рвотного рефлекса после каждой съеденной порции Саша не хотел. Он понимал, что если не найдет другого способа заставить повара выйти из кухни, то придется есть и блевать. Или предстоит умереть от переедания, потому что съесть на двоих с Настей более двадцати порций за раз несовместимо с жизнью. Хотя, может, растянуть трапезу на сутки, откусывая по грамму?

Заметив, что Саша не ест, повар вытащил из живота нож и, сделав шаг в сторону парня, отвел руку назад, намереваясь ударить. Сашка тут же вцепился в котлету, а повар, немного помедлив, вновь вставил нож в себя.

«Может, просто уйти?» – дерзкая мысль закралась в голову Саши.

Петров, не переставая кусать котлету, встал и подошел к окну, но открыл не сразу – сначала он повернулся к повару и еще раз, наигранно смакуя, откусил кусок. Саша открыл окно, не

сводя взгляда с Семена Андреевича.

– Что ты делаешь? – спросила Настя.

– Пытаюсь понять его, – сказал Саша.

Повар никак не отреагировал на открытое наглым образом окно. Дальше надо было дорвать москитную сетку или вытащить ее. А что потом? Просто по очереди вылезти?

«А может, у нас получится так же уйти с кухни через дверь? – думал Саша. – Зачем сразу в окно? Хотя… мы же все равно собирались на улицу. Когда эта тварь заходила, ключа у него не было, но дверь он запирал. Значит, ключ торчит с той стороны в замке. Если выйти и запереть его здесь? В окно или в дверь? В окно он за нами полезет. Лучше в дверь и запереть. Он, конечно, вылезет в окно, но мы успеем удрать».

Петров попробовал обойти повара, стоящего возле плиты, но остановился в шаге от мужчины. Ширина кухни была метра три, а длина – метров шесть, достаточно пространства, чтобы не коснуться Семена Андреевича. Саша, откусив котлету, встал вплотную к стенке так, чтобы сохранять максимально возможную дистанцию с поваром, и медленно начал пробираться к выходу.

– Ты что делаешь? – шепотом спросила Настя, хотя и понимала, что ее прекрасно слышно всем в помещении.

– Я думаю, тут все просто, – ответил Саша, – давай иди за мной.

Повар отслеживал перемещение Петрова.

– Ты уверен?

– Да, главное, ешь.

Настя встала и осторожно подошла к Саше.

– То есть мы сейчас просто выйдем отсюда?

– Выйдем и закроем его тут.

– Он же нас слышит.

Петров почесал затылок, укусил котлету, а потом обратился к повару:

– Слышь, ты, придурок, сколько тебе лет?

Повар молча смотрел на парня.

– Кино любишь смотреть? – спросил Саша у мужчины.

– У тебя баба есть? – продолжал спрашивать Петров. – Машину водишь?

– Саш, хватит.

– Да этот хрен не реагирует ни на что, кроме вопросов питания. Кусай котлету, и пошли к выходу.

– Может, не надо?

– А есть другие предложения?

– В окно?

– А если он за нами бросится?

– Я не знаю, но он так смотрит, вдруг он все понимает?

– Настя, надо валить отсюда. Валить из этой поганой школы.

– Ну… хорошо, – неуверенно согласилась девушка.

Саша с Настей обошли повара, который поворачивался, отслеживая их движение. Школьники, оказавшись у двери, обернулись на мужчину. Настя откусила кусочек котлеты. Повернув дверную ручку, Саша, стоя лицом к повару, приоткрыл дверь.

– Выходи, – сказал он девушке.

Как только Настя просочилась в дверную щель, повар неожиданно вытащил нож из живота и шагнул в сторону школьников. Петров с криком выскочил из кухни. Настя навалилась на дверь, захлопнув ее, а Сашка повернул ключ, торчащий из замочной скважины.

– Саша! Молодец! – впервые за день обрадовалась девушка, поняв, что они выбрались из лап смерти.

Петров положил руки ей на плечи и уставился туманным взглядом. Девушка почувствовала вес Саши и поняла, что он пытается опереться на нее. Дверь сотряслась.

– Ты чего? – спросила Настя. Взгляд ее скользнул вниз, и она увидела торчащее на несколько сантиметров лезвие ножа из живота Саши.

– Не вышло, – Петров улыбнулся краем рта и упал на колени. Настя села.

– Саша! – Слезы брызнули из ее глаз. – Нет! Прошу! Только не это! Сейчас, сейчас… я помогу. Осторожно, на бок давай. Тихо… тише… Сашенька…

Девушка помогла Петрову лечь. Саша, лежа на боку, держался руками за живот, поджимая ноги к груди.

– Саша, – плакала Настя, – вставай, он сейчас сломает… надо бежать…

– Я ошибся… – простонал Петров. – Иди… иди… я ошибся…

Удары в дверь отзывались в сознании Насти далекими раскатами грома. Восприятие девушки сузилось до коридора, в конце которого лежал Сашка, свернувшийся, будто в утробе матери.

– Саш, прошу, – плакала Настя, – давай уйдем, давай… вставай…

Она обошла Петрова и взяла под мышки, а когда немного приподняла, то услышала его стон и аккуратно опустила обратно на пол.

– Надо встать, Саша! Потерпи, прошу! – суетливо говорила Настя. – Давай я еще раз тебя попробую поднять.

– Не могу… – стонал Саша.

Настя снова ухватилась за подмышки парня и потянула вверх. Петров, сгорбившись, приподнялся на руках. Ноги его, согнутые и словно не управляемые сознанием, безвольно лежали на полу коленом к колену.

– Я не могу, – навзрыд произнес он, – больно…

– Я вытащу нож.

– Не трогай… не надо…

Повар ломился в дверь, казалось, что она вот-вот вылетит!

* * *

Треугольный первым зашел в колебаторную, а следом за ним, не опуская ствола выжигателя, Квадратный.

– Делай свое дело, и побыстрее. Если выяснится, что колебатор работает как-то не так, то я буду медленно отстреливать тебе части тела. Понял?! – произнес Квадратный.

Треугольный, ничего не ответив, подключился к колебатору. Потребовалось гораздо больше времени для настройки аппарата, чем ожидал Квадратный, – может, одна килопульсация, а то и дольше. Когда колебатор был готов, Треугольный отключился от интерфейса этой уникальной, возможно, единственной во всей Вселенной машины.

– Все в порядке?

– Да.

– Через сколько он превысит скорость света?

– Точно не могу сказать, но это будет до захода пульсара. Осталось недолго.

– Выходи, – Квадратный сместился в сторону, освободив проход из колебаторной.

Они вернулись в коридор и остановились, немного не дойдя до прохода в центр управления.

– Ромб, ты тут?! – крикнул Квадратный.

– А где мне еще быть? – отозвался тот.

– Надо проверить, жив ли Круглый, – сказал Треугольный.

– Не получится, – ответил Квадратный. – Там длинный темный коридор, я не смогу туда пройти с тобой, а оставлять тебя тут я не собираюсь.

– Там есть связь? – спросил Ромб.

– Связь должна была восстановить Трапеция, ее не просто так убили первой, – сказал Квадратный.

– То есть мы не можем проверить, жив ли Круглый? – спросил Треугольный.

– Сходите туда, дойдите до темного коридора и крикните

ему, – предложил Ромб.

– Через две закрытые двери кричать? Не получится, – усомнился Квадратный.

– Сейчас колебатор запущен, так? – спросил Ромб.

– Да, – ответил Квадратный.

– Значит, нам надо дождаться, пока он разгонит частицу, и все, – заключил Ромб.

– Он разгоняет частицу, потом кто-то идет на пульт и запускает, – сказал Квадратный.

– Получается, мы в одном шаге от завершения, – сказал Ромб.

– И как тогда действовать убийце? Время теперь не на его стороне, – сказал Треугольный.

– Я думаю, есть вероятность того, что убийца все же решит уничтожить компьютеры, – сказал Квадратный.

– Почему? – спросил Треугольный.

– Поняв, что убить нас всех у него уже не выходит, он пойдет на крайние меры и ценой своей жизни разрушит технику, – предположил Квадратный. – Я считаю, что нам всем надо собраться тут в коридоре, подальше от компьютеров. Так мы исключим вариант поломки оборудования.

– Сломать оборудование сейчас может только Ромб, – сказал Треугольный. – Кстати, Ромб, а что там насчет самоубийства? Ты же собирался прикончить себя. Колебатор уже запущен.

– Не дождешься, – ответил Ромб, – если мы что-то упустили и убийцей окажется Квадратный, то после моего самоубийства он пристрелит тебя, разрушит компьютеры и подкараулит Круглого.

– Я предлагаю следующее, – начал Квадратный, – нам всем нужно оказаться в одинаковых условиях. Я отдам Треугольному его выжигатель, а ты, Ромб, выйдешь из центра управления. Это решит много проблем. Дальше ждем, пока электрон наберет нужную энергию, а потом втроем идем на пульт.

– Мне надо подумать, – отозвался Ромб.

– Чего тут думать? – сказал Треугольный. – Квадратный прав. У тебя сейчас нет причин сидеть там.

– Хорошо, – произнес Ромб, – пожалуй, вы правы.

Квадратный отдал Треугольному оружие. Ромб медленно вышел в коридор, целясь то в Квадратного, то в Треугольного.

– И что теперь? – спросил Ромб. – Просто ждем?

Неожиданно Треугольный направил выжигатель на Ромба. Ромб навел оружие в ответ.

– Ты что задумал?! – спросил Квадратный, наставив ствол на Треугольного.

– Моя задача выполнена, – сказал Треугольный, – колебатор запущен. Я не убийца. И ты, Квадратный, вскоре поймешь это.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Квадратный.

Треугольный выстрелил в Ромба и тут же получил зарядом от Квадратного. Квадратный стрелял не думая, на автомате. Брызги синей крови разлетелись по коридору. Квадратный проверил коллег – мертвы. Отправился к Круглому. Спустившись по лестнице и зайдя в темный коридор, он позвал ученого, но тот не отозвался. Дойдя до середины коридора, он крикнул еще раз:

– Круглый! Это я!

Квадратный подошел к двери в комнату контроля подачи энергии на колебатор.

– Круглый! Не стреляй! Я захожу!

Осторожно зайдя в помещение, Квадратный увидел лежащего Круглого возле тела Овального. Круглый был пробит выстрелом насквозь, а из динамика раздавался сигнал тревоги. Ученый понял, что электрон скоро распадется. Снизив энергию, подаваемую на колебатор, Квадратный дождался, пока движения в колебании частицы приблизятся к скорости света. За это время он еще несколько раз регулировал нестабильную подачу энергии аннигиляционного реактора.

Электрон колебался со скоростью двести девяносто девять тысяч семьсот девяносто два километра четыреста пятьдесят восемь метров в секунду (если выразить это в земной системе СИ и округлить до метров), перемещаясь из стороны в сторону на расстояние планковской длины. Время для электрона, когда он был в фазе движения, останавливалось полностью. Добавив энергии с пульта, Квадратный увеличил скорость электрона буквально на квант, из-за чего частица смогла преодолеть скорость света, и время для нее пошло вспять. Электрон переместился в прошлое на зептосекунду и врезался сам в себя, создав парадокс. Нарушение фундаментального закона физики моментально сломало программу Вселенной и заставило ее откатиться к базовым настройкам, к сингулярности перед Большим взрывом. В этот момент пространство начало сжиматься.

* * *

Незадолго до начала эксперимента

Трапеция, Квадратный, Круглый, Треугольный, Овальный и Ромб висели в пространстве куба.

– Вы все понимаете, что никто из нас не выживет? – сказала Трапеция.

– Мы и так рано или поздно погибнем, – сказал Квадратный.

– Мы существуем только благодаря тому, что до нас в прошлых пульсациях Вселенной кто-то регулярно делал это, – произнес Овальный.

– Но мы не обязаны делать это сейчас, – сказал Ромб. – Может, кто-то другой возьмет на себя это бремя.

– Прошло почти два миллиарда килопульсаций[1], и никто еще не сделал, – сказал Круглый.

– Во Вселенной уже прогорела большая часть звезд, – рассуждал Треугольный, – время уходит. Дальше будут лишь черные дыры и тьма. Если не сделаем мы, то нет гарантий, что в будущем кто-то другой разовьется до подобных технологий.

– Но неужели нет другого способа? – спросил Ромб.

– Другого способа остановить расширение пространства? – спросила Трапеция. – Ты издеваешься?

– Нет, я просто не совсем уверен в вашей теории искусственно пульсирующей Вселенной, – ответил Ромб.

– Мы сейчас в фазе расширения, и если это не остановить, то весь мир ждет тепловая смерть, – сказала Трапеция. – Единственный способ продлить жизнь Вселенной – это заставить ее сжаться, чтобы потом снова произошел Большой взрыв, и другие цивилизации, которые будут жить после нас, должны дойти до этой идеи, снова создать парадокс и схлопнуть пространство. А потом все по новой, до бесконечности, продолжая пульсацию Вселенной, отсрочивая тепловую смерть. Если ты не готов идти с нами, еще есть время отказаться, мы найдем другого, кто создаст нам защитное поле.

– Хорошо. Я с вами, – ответил Ромб.

* * *

Настя наклонилась и обхватила Петрова за грудь чуть выше раны. Сашка, не переставая стонать, поставил одну ногу стопой на пол, а потом и вторую. Оказавшись на корточках, он с помощью Насти смог все-таки встать. Девушка положила его руку на свое плечо и подхватила парня за грудь. Обмякший Сашка на ватных ногах, словно на веревках, еле стоял, изо всех сил пытаясь сфокусироваться на кассовом аппарате перед собой. Изображение двоилось, и Саша перевел взгляд на потолок. Будто перепив алкоголя, он пытался соединить раздвоенные в его восприятии люминесцентные лампы-трубки. Сколько их там? Две? Четыре? У Петрова потемнело в глазах.

– Саш! Пошли… давай же… – Настя медленно вела Сашу к прилавку. – Тут надо перелезть, я помогу.

Шаркая ногами, Сашка ковылял, думая о том, насколько все было мимолетно. Вся его жизнь оказалась каким-то мгновением, пшиком, щелчком пальцев, и вот он здесь, с пробитым насквозь животом, вязко переступает ногами, пытаясь дойти до жалкого прилавка школьной столовой, который ему никогда не преодолеть.

– Перелезем сейчас, – сказала Настя. – Давай, закинь ногу или… или переваливайся, я подхвачу.

В ушах пульсировало, стучало, и эти удары перекликались со стуком в дверь где-то сзади. Петров уперся рукой в столешницу витрины, которая казалась ему непреодолимой вершиной, и увидел впереди на столе свою мать. Та сидела нагая на мужчине и улыбалась, глядя Сашке в глаза. Мать извивалась, двигала тазом, прогибаясь в пояснице, а в руках ее была Сашкина копилка, из которой женщина доставала деньги и швыряла их в стороны. Незнакомец, лежащий под Сашиной мамой, в экстазе запрокинул голову и тоже встретился взглядом с Петровым. Руки его сжимали ее обвисшую грудь, а сам он улыбался беззубым ртом. Сашку начало рвать. Сознание то угасало, то снова мучительно возвращалось, пытая Петрова проблесками ясности и пониманием того, что он вскоре исчезнет, а Настя останется тут одна и в одиночестве встретит смерть Вселенной, если сумеет дожить до этого момента. Как Петров перебрался через прилавок, он сам не понял. Шел, опираясь на Настю, которая все время повторяла, что все будет хорошо. Повторяла и плакала. «Разве плачут люди, если все должно быть хорошо», – подумал Сашка, а потом снова провалился во тьму. Судя по тому, что он пришел в себя уже в холле перед рядом умывальников, Петров понял, что отключается буквально на десятки секунд, не более. Увидев в коридоре между корпусами школы Облакова, размахивающего руками, Настя повела Сашку к тренажерному залу – в проход напротив столовой.

– Нет, – прошептал Петров, – не надо, там окон нету, ты не вылезешь, если что случится, давай наверх…

– Ты сможешь по ступенькам?

– Да…

Медленно, с усилием преодолевая каждую ступень, они поднялись на площадку второго этажа, где было две двери – первая в спортзал, вторая в мужскую раздевалку. Женская раздевалка находилась этажом выше. Свет, проливающийся с первого этажа, обрывался на подходе к дверям спортзала.

– Сейчас, сейчас ляжем, потерпи, – сказала Настя.

Топот ног снизу заставил школьников поспешно найти укрытие. Очевидно, повар выбрался из кухни.

Саша с Настей подошли к двойным дверям в спортивный зал, которые оказались открыты. Невзирая на страх неизвестности, они миновали границу света и тьмы. Настя тихонько, чтобы Семен Андреевич не услышал, закрыла за собой дверь и, пройдя метров десять с обмякшим на ней Петровым по деревянному полу спортивной площадки, остановилась. Девушка, стоя во тьме, осознавала, что здесь кто-то бегает во мраке по периметру огромного помещения. Она поняла это, как только они вошли, но уходить и искать другое место, чтобы спрятаться, было поздно.

– Тихо… здесь кто-то есть… – шептал Саша.

– Я знаю, я слышу, – ответила Настя.

Она уложила Сашу и села рядом.

– Не включай фонарь, – шептал Петров. – Если он зайдет, то, может, и не найдет нас.

Негромкий звук шагов бегущего человека приближался и вновь удалялся – некто продолжал бегать вокруг, будто на тренировке или уроке физкультуры.

Дверь распахнулась, на стене образовался прямоугольник света, а на фоне появился черный силуэт мужчины. Повар зашел в зал и скрылся во тьме, свернув налево. Сашкина голова лежала на коленях у Насти. Девушка нежно гладила его по волосам. Шагов повара не было слышно, в отличие от бегуна, который на мгновение мелькнул в свете, заходя на очередной круг. Школьники понимали, что Семен Андреевич может быть где угодно в этом помещении. Ходит, ищет их. Настя дрожала от ужаса. Время тянулось мучительно медленно. Тьма неистово пытала эмоционально изможденную девушку. Она стиснула зубы и все то время, что повар рыскал по залу, сидела не шелохнувшись. Рана Саши, скорая гибель Солнца и Вселенной, сумасшедшие люди, желающие убить их, совокупно навалились на разум Насти и перетягивали его в сторону безумия, но она понимала, что Саша, ее любимый человек, был ей верен, невзирая на все сложности и недопонимания. Он любил ее всегда. Настя верила. Когда повар вышел и захлопнул дверь, Настя дрожащим голосом шепнула Саше на ухо:

– Саша… ты как?

Петров ничего не ответил, и по телу Насти пробежал холод. Он мертв?!

– Саш… скажи что-нибудь, прошу, – Настя плакала, – не бросай меня одну…

Девушка склонилась к Петрову.

– Хреново, – произнес парень, и слова его вселили в Настю невероятную радость. – У меня дырень в брюхе такая, что о-го-го…

Настя разрыдалась в голос, позабыв, что они тут не одни.

– Может, надо вытащить нож? – сквозь плач спросила девушка, продолжая гладить Сашу по голове.

– Ничего не надо уже делать, – ответил он и закашлял.

– Прошу тебя, не умирай…

– Я счастлив, что встретил тебя, – шептал Саша, – и я так жалею, что не ценил жизнь… каждое ее мгновение, ведь это такой огромный подарок – возможность жить и любить. Это и было счастье…

– Я тоже люблю тебя. – Настя круговыми движениями дрожащей рукой, уже автоматически, нервно гладила Петрова. – Спасибо, что ты есть в моей жизни… спасибо тебе, Сашенька… прости меня за все, что было не так…

Слезы ручьем катились по щекам.

– Саш? – Настя провела рукой по плечу парня. – Саша?

Девушка слегка потрясла его.

– Саша, – девушка дрожала, – поговори со мной.

Настя медленно вытащила ногу из-под Саши, аккуратно положив его голову на пол.

– Саша, – наклонилась к его уху, – прошу…

Потом легла на бок и прикоснулась к еще теплым Сашиным губам. Обняла и прижала его к себе, телом чувствуя острие лезвия, торчащего из живота парня. Она не замечала, что вся вымазалась кровью, – уже в который раз. Настя лежала и тихонько плакала. Через пару минут, потрогав его щеку, которая показалась Насте неестественно холодной, девушка громко зарыдала. Дверь в спортзал распахнулась, и повар, не мешкая, бросился на звук плача.

– Нет! Отпусти! – кричала Настя, ощущая стальную хватку мужчины. Он взвалил ее на плечо и понес. Пол прокручивался под ней, сменился на ступеньки, потом снова пол… А вскоре она оказалась опять в столовой. Когда повар перекинул ее через прилавок, она почувствовала резкую боль в колене, и боль эта показалась Насте наградой, потому что боль на мгновение переключила фокус сознания с Петрова на разбитое колено. Схватившись руками за место ушиба, девушка перевернулась на спину, прижав ногу к груди. Повар небрежно взял Настю за волосы и заволок на кухню.

– Ешь, – злобно произнес он, отпустив Настю, когда та оказалась возле металлического столика с порциями обедов.

Девушка взяла тарелку и швырнула ее в повара. Мужчина тут же схватил Настю за горло, свалил на пол и придавил коленом грудь. Настя, не проронив ни слова, вцепилась ему в лицо, но Семен Андреевич сорвал ее руку с себя и занес кулак над

головой. После удара у Насти зазвенело в ушах, и боль в колене разбавилась болью под глазом и в затылке. Повар схватил с тарелки котлету и принялся запихивать ее в рот девушке. Настя хладнокровно молчала, сопротивляясь – била повара по лицу, вертела головой, выплевывала еду и закрывала рот ладонью. Еще несколько ударов кулаком в лицо, и Настя, будучи в состоянии отрешенности, обмякла, но, не теряя сознания, чувствовала, как мужчина засовывает в ее разбитый окровавленный рот раздавленные мертвыми пальцами холодные куски жареного мяса. Девушка дышала носом, а повар продолжал проталкивать в ее горло пищу, наседая сверху, все сильнее надавливая на грудь ногой. Она давилась, рефлекторно плевала и кашляла, но повар собирал с пола куски и вталкивал их обратно в нее. Когда она все же проглотила мясо, повар на время остановился и, взяв вторую котлету с тарелки, уже медленно поднес ее к грязному окровавленному лицу Насти. Осоловевшим взглядом девушка посмотрела на повара снизу вверх. Будто в сонном параличе видела она перед собой демона, который, в отличие от психосоматической иллюзии, пытался абсолютно реально убить ее неимоверно извращенным способом. Настя запрокинула голову и увидела окно, то самое, в которое они с Петровым собирались выпрыгнуть, но тут же получила кулаком в лицо, и ее верхняя губа разорвалась. Вкус жареного мяса смешался со вкусом собственной крови. Настя жевала и глотала, а повар все заталкивал и заталкивал в нее школьные обеды, продолжая бить по лицу, если Настя вдруг отключалась и не могла принять новую порцию еды.

Увидев за спиной повара Сашку, замахивающегося тем самым ножом, Настя не поверила своим глазам. Петров со всей силы рубанул по сидящему на девушке Семену Андреевичу, а потом, уперевшись в его спину ногой, вытащил нож из шеи и ударил снова, но с другой стороны, да так, что в этот раз нож не застрял в мертвой плоти, а прорезал ее. После третьего удара повар поднялся, и голова его держалась на месте лишь благодаря позвоночнику. Четвертым ударом Саша вогнал лезвие ему между позвонками, а пятым (когда мужчина уже повернулся к Петрову) парень снес голову повару, и та, упав и сделав пару оборотов, укатилась к духовке. Но отсутствие головы не остановило мужчину, а лишь нарушило его координацию. Управлять телом, глядя на него со стороны отрезанной головой, видимо, было непривычно, и повар махал кулаками, пытаясь попасть по Саше, но каждый раз промахивался. Петров, подловив момент, схватил Семена Андреевича и подножкой опрокинул его на пол. Настя к этому моменту уже стояла возле окна, опираясь на подоконник.

Сашка подошел к ней, открыл окно и разорвал москитную сетку. Повар неуклюже пытался встать, но из-за нарушения координации, сумев лишь подняться на колени, завалился на бок.

– Лезь, – произнес Петров, указывая на окно.

Настя, кое-как пытаясь собраться с мыслями, высунулась в окно и, не веря в спасение, перевалилась на улицу. Упала на землю спиной, но боли не ощутила. Сашка вылез следом и помог девушке встать. Он подхватил ее на руки и будто невесту понес через школьный двор, минуя гравитационную аномалию, к лавочке возле турников и брусьев. Сашка шел во тьме, ориентируясь по остаткам памяти. Когда асфальт под ногами закончился, Петров, споткнувшись, переступил через бордюр и оказался на земле. Ему пришлось поставить Настю на ноги, а самому достать из кармана телефон и включить фонарь. Саша, освещая школьную площадку, нашел лавку и валкой походкой направился к ней.

* * *

Петров сел на скамейку, а следом села и Настя. Парень положил телефон на землю себе под ноги так, чтобы фонарь освещал их лица. Настя смотрела на Сашу, который вытащил из кармана пачку сигарет, достал оттуда одну штуку и прикурил.

– Физрук дал, – без интонации произнес Петров будто не своим голосом. – Бегал, бегал… а я подошел и спросил покурить. Он отдал всю пачку.

Настя обняла Сашу и положила голову ему на плечо. Девушка больше не плакала. После всего, что с ней случилось за этот долгий день, она уже не могла как-то эмоционально реагировать на что-либо. Всему есть предел.

– Что с нами будет? – спросила она.

Петров затянулся и выдохнул.

– Будешь курить? – протянув пачку, предложил Саша.

Настя, не поднимая головы с плеча Саши, молча вытащила сигарету и зажала ее опухшими разбитыми губами. Петров поднес зажигалку, дав девушке прикурить.

– Я умер, – сказал он, – а так хотел дождаться вместе с тобой.

– Ты и так со мной. – Настя выдохнула дым и поперхнулась, но не закашляла.

– От меня уже ничего не осталось.

– Что ты чувствуешь?

– Чувствую тебя рядом с собой.

Настя лежала на плече у Петрова и смотрела на светящиеся

окна первого этажа школы.

– А я чувствую тебя, – ответила она.

«Ценить мгновения жизни». – Настя вспомнила слова Саши. Ей хотелось, чтобы эта сигарета никогда не закончилась (хотя она и не курила до этого… так… иногда баловалась). Сидеть вот так на школьном дворе, обнимаясь, и курить, глядя сквозь тьму на школу… А что, если это последний счастливый момент? Если все, что будет происходить дальше, окажется хуже того, что есть в данную минуту?

«Как мне начать ценить эти мгновения? – думала девушка. – Как отстраниться от всего ужаса? Еще утром я позавтракала и спокойно отправилась в школу, а сейчас сижу в обнимку с мертвецом и жду взрыва Солнца».

Они просидели на лавочке минут двадцать. Настя пару раз пыталась заговорить с Петровым, но он молчал. Выкурили еще несколько сигарет, а потом звезда, раздувшись, приняла Землю в свои объятия. Небо загорелось, переливаясь волнами раскаленного газа, который не передавал тепловую энергию планете. Поднявшийся ураган поломал деревья, выбил стекла в домах, но бушевал он недолго. Самая масштабная катастрофа за всю историю Земли закончилась, не успев начаться. На улице стало светло. Линия Солнца на небе исчезла. Настя лежала у забора школьного двора, ее погребло под кучей городского мусора вперемешку с ветками и листьями. Она изо всех сил пыталась сделать вдох, но атмосфера, сорванная с поверхности планеты, безвозвратно улетела в пространство открытого космоса. Вместо голубого неба Настя, стоя на коленях и задыхаясь, корчась в агонии, видела черноту. Девушка пыталась кричать, но в вакууме сделать это было невозможно. Она открывала рот, будто рыба, выброшенная на берег.

Исчезли все звуки. Наземная жизнь угасала. Настя начала опухать из-за отсутствия внешнего давления. Слюна на ее языке закипела и испарилась. Вопреки всем мифам о том, что будет с человеком в открытом космосе (а Настя, стоя на земле в отсутствие атмосферы, по сути, и находилась в условиях открытого космоса), девушка не замерзла моментально, ведь чтобы замерзнуть, нужно отдать тепло, а отдавать его нечему, так как в вакууме нет материи, соприкасающейся с ее телом. Настя не лопнула, потому как ее внутреннее давление было уравновешено с внешним, чего, конечно же, не было достаточно для того, чтобы разорвать человеческую плоть. Ее кровь не закипела из-за вакуума, так как кровеносная система изолирована и имеет свое внутреннее давление. Кровь текла по венам так, как и прежде. Настя промучилась всего тридцать секунд, потому что выдохнула

в самом начале с криком весь воздух. Потеряв сознание из-за гипоксии, она оставалась жива еще около минуты, а потом сердце ее перестало биться, а электрические импульсы в мозге угасли.

ЭПИЛОГ

В безмолвии земного вакуума, в мире тишины и смерти Настя осознала себя лежащей лицом на промерзшей земле. Открыв глаза, девушка пыталась вспомнить, что с ней произошло. В памяти она видела Сашу с цветами, которые он подарил ей на Восьмое марта, ощущала нежные прикосновения к талии, и медленный, пусть и корявый, танец в спальне, когда Петров остался у нее ночевать. Девушка видела образ института – огромного здания с башней посередине, свою жизнерадостную маму, рассказывающую какую-то историю, и Облакова, читающего ей нотации о том, что с Петровым лучше перестать водиться. Видения эти зациклились. Круговорот воспоминаний из прошлой жизни мелькал в мертвом мозгу.

Настя поднялась и огляделась. Сколько времени она провела за чертой жизни – неизвестно. На улице было светло (вопреки здравому смыслу) и пусто. Несколько мертвых птиц били крыльями, пытаясь опереться на исчезнувший воздух. За забором брел какой-то человек. Стремительно приближающиеся галактики на небе исчезли, выйдя за пределы видимого спектра из-за еще большего ускорения времени и неимоверной скорости сжатия пространства, а ведь их свет был бы таким ярким, что увидеть его можно было бы даже в солнечную погоду. Время продолжало экспоненциально ускоряться, сворачивая Вселенную обратно в клубок сингулярности, в одну безразмерную точку, с которой когда-то, почти четырнадцать миллиардов лет назад, все началось. Настя увидела вдалеке идущего к ней Сашу и тоже пошла ему навстречу. Девушка заметила, как все вокруг колеблется. Не сбавляя шага, она посмотрела на свою руку, которая то отдалялась, то приближалась, хотя Настя рукой не шевелила – изменялось пространственное расстояние между объектами, двигаясь в пределах нескольких сантиметров. Период колебания постепенно уменьшался.

Когда Настя с Сашей встретились, парень нежно взял ее за руки. Держал кончиками пальцев ее пальцы. Стояли друг напротив друга.

– Я люблю тебя, – прочитала Настя по Сашиным губам… А потом Вселенная схлопнулась, и все исчезло.

Но, быть может, осталось что-то, что можно пронести через

смерть. Что-то, что можно вынеси за рамки Вселенной, протащить сквозь сингулярность, и в следующих версиях нашего мира, в бесконечных пульсациях расширения и сжатия пространства Вселенной мы сможем встретиться с теми, кого любили. Ведь в бесконечности возможно все. Может, любовь – это лишь химические процессы в мозге, а может, это что-то, находящееся вне нашего измерения. Что-то, что может противостоять инверсии жизни. Что-то, что не умрет никогда.

notes

Примечания

1

По земному времени это примерно четырнадцать миллиардов лет.